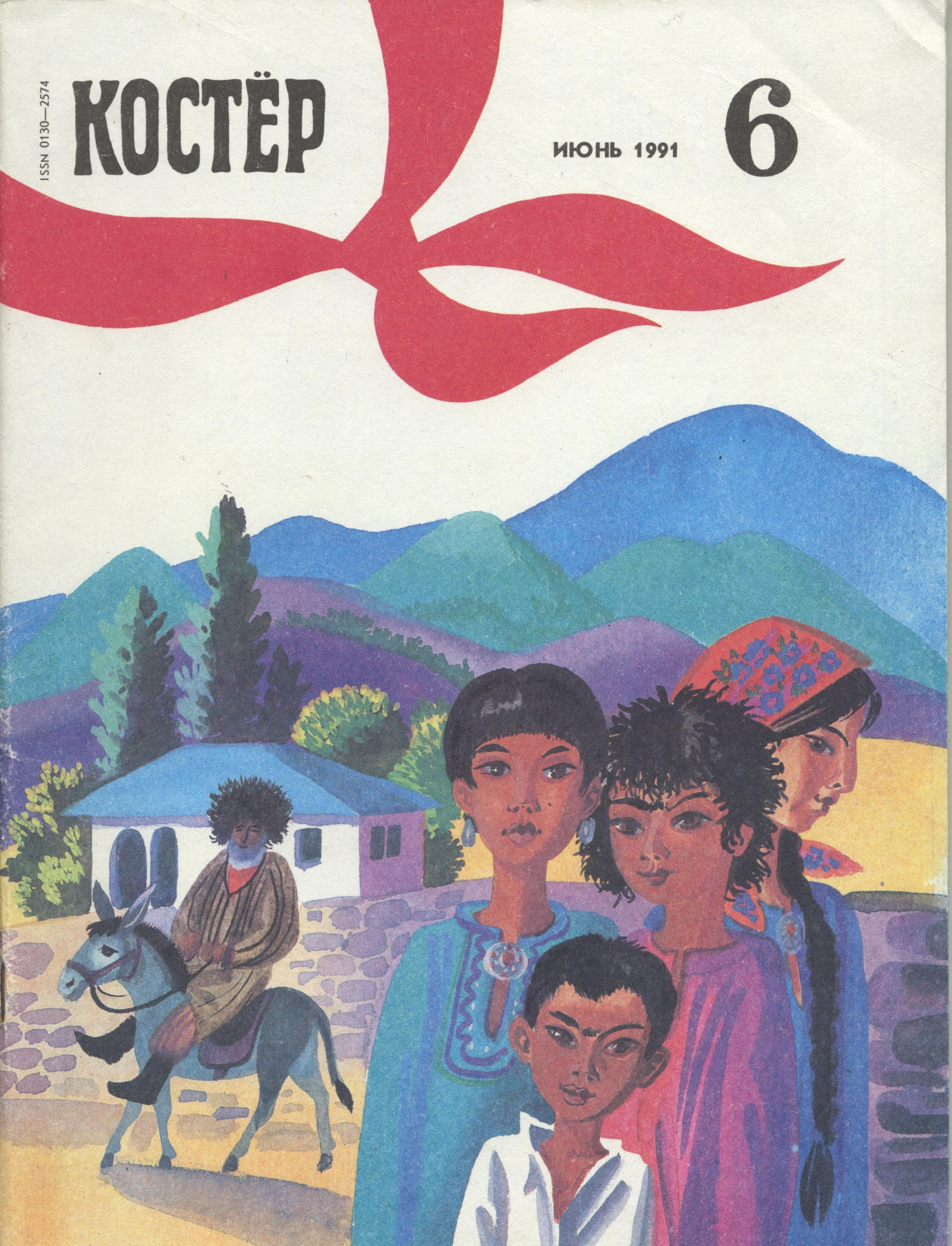

ISSN 0130—2574

КОСТЁР

ИЮНЬ 1991

6

КОСТЁР

ИЮНЬ 1991

Ежемесячный журнал
для школьников

Издается с июля 1936 года
© «Костер», 1991.

В ЭТОМ НОМЕРЕ:

1

Дневник
пятнадцатилетнего
матроса

4

Стихи
Т. Котеневой и
А. Люлина

5

Июнь
рассказ
А. Белинского

9

Творчество
твоих ровесников

10

Барaban
сообщения юнкорov

14

Ищи, Кари, ищи!
повесть
С. Хопп

26

Сказка о мудреце
очерк
В. Васильева

28

Рассказы
о реставраторах
Т. Волынкиной

30

Учение Христа,
изложенное для детей
Л. Н. Толстой

39

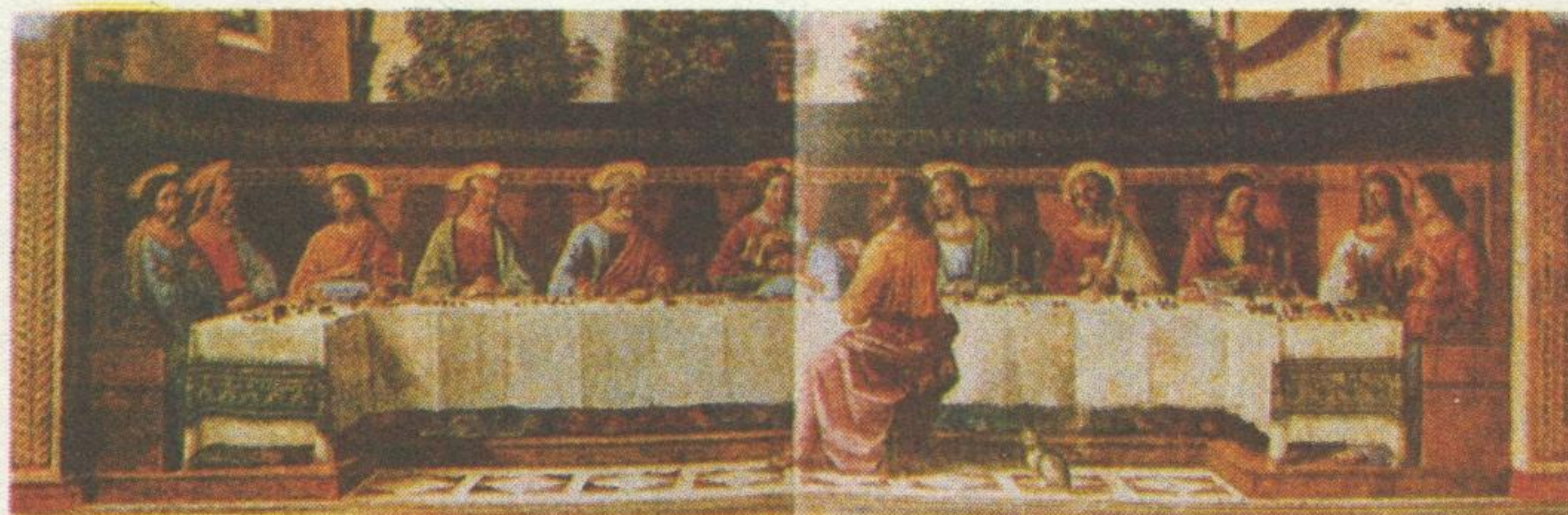
Семь уроков УШУ

40

Зеленые страницы

42

Музыкальный
перекресток

34

Ущелье, где
кричат птицы
очерк
Е. Пожидаевой

36

Пэтер-Ни-гроша
и чудесная сумишка
эстонская сказка

38

Страна Поэзия

44

Веселый звонок

46

Арчбек
шахматы и шашки

47

Советы
Маши-искусницы

На обложке
рисунок А. Ивашенцовой
к очерку «Ущелье,
где кричат птицы»

ДНЕВНИК ПЯТНАДЦАТИЛЕТНЕГО МАТРОСА

Когда парусник «Погория» с интернациональным экипажем школьников отправился в кругосветное плавание, на его палубе стоял и мальчик из Ленинграда Саша Краснов, воспитанник клуба юных моряков «Юнга» Ленинградского Дворца пионеров.

«Костер» узнал, что Саша уходит в плавание и попросил Сашу вести дневник путешественника. Отрывки из его дневника мы печатаем.

**ДЕКАБРЬ,
1988 год**

Из столицы Аргентины Буэнос-Айреса самолетом местной авиакомпании вылетели в Ушуаю, где нас ждала парусная баркентина «Погория».

Ушуаю — самый южный город мира, находится на Огненной Земле. Но городом его назвать трудно, хотя это и центр всемирной электроники, — больше похож на деревню.

На следующий день ездили в заповедник Терра дель Фуэго, расположенный на границе с Чили. Интересно, что на границе не было видно ни аргентинских, ни чилийских пограничников.

После обеда залезли на фокмачту и поняли, что ставить паруса на такой высоте очень трудно...

Рисунок И. Чередниковой

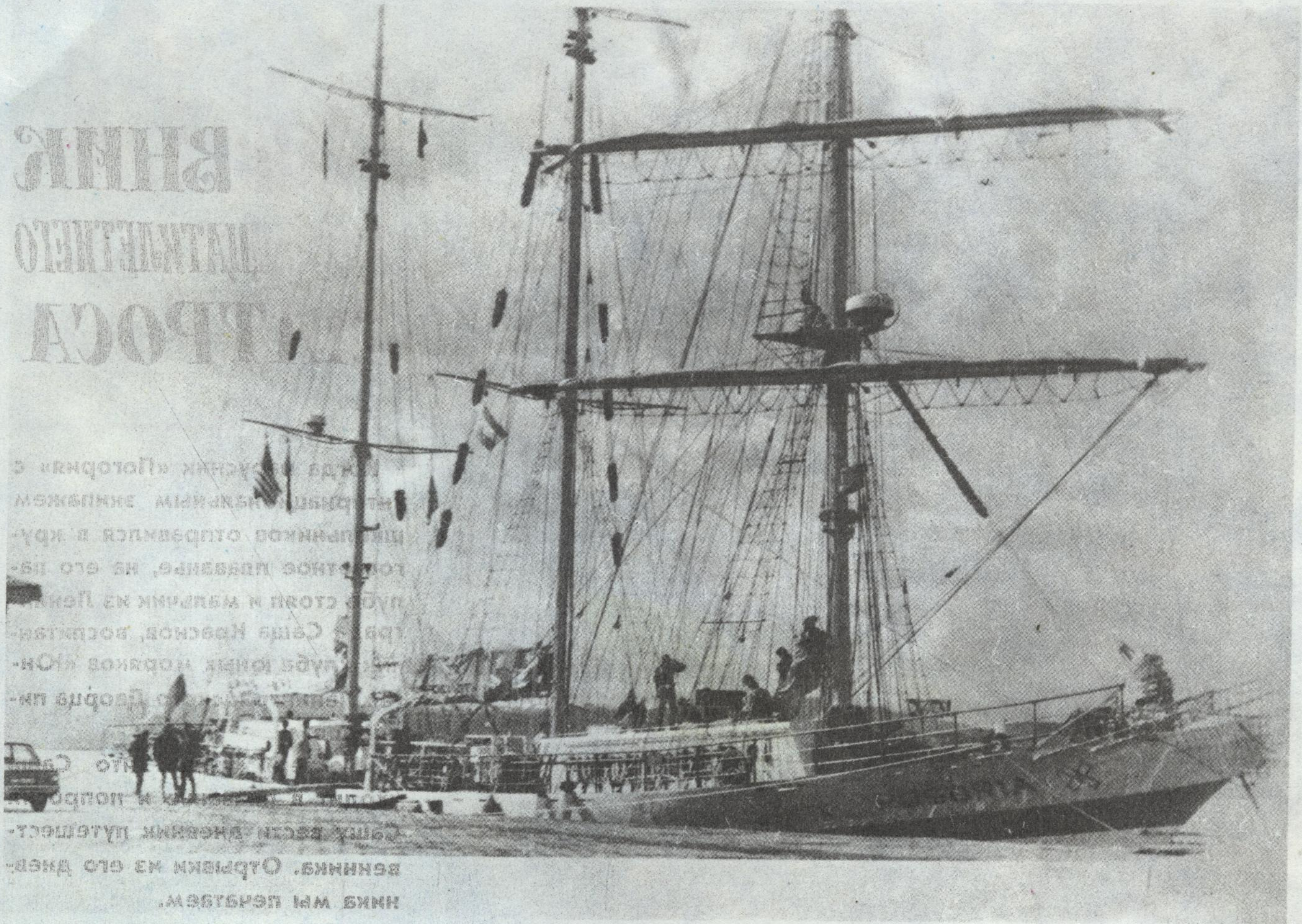

Фото Б. Гесселя

Мне досталась койка в самом кубрике — будет сильно качать. Получил место приборки — офицерское. Приборка два раза в день.

На «Погории» поднимают нас в семь, потом двадцатиминутная зарядка, поднятие флага, завтрак.

Очень хорошо дежурить на камбузе — хоть можно плотно поесть.

Тренировались в лазаньи на мачтам. Залез на самый верх на 30 метров. Сверху прекрасный вид и кажется совсем не страшно.

Получил работу от вахтенного за то, что не спросился пошел в галюн. Было очень весело.

В семь утра пошел на трап стоять вахту.

Совершенно не выспался: Камбуз (голландское слово) — судовая кухня.

вчера так замерз, что не мог управлять собой, очень дрожал и перестал понимать английскую речь.

Американцы — ребята средние, не такие, как я представлял. Правда есть двое высоких, но есть и очень маленькие — от силы дашь лет двенадцать.

Наши ребята начали все больше и больше кричать друг на друга. Устают, наверное... Я же пока еще ни разу не повысил голос.

Послали работать на камбуз, а у ребят сейчас парусный аврал. Завидую им: они работают с парусами, а я нет.

Завтра отходим и идем в Чили.

Подарили каждому по свитеру и майке с эмблемами «Погории».

Сделали две тревоги — маневровую и покидание судна. Пришли в Чили.

Снимаемся с якоря и идем вокруг мыса Горн.

Началась качка и вот уже первых ребят рвет. Рвет сильно. Кажется, пропади все это и я опять проснусь в Ленинграде, но это не проходит. Настроение ужасное. Лежим пластом.

Вечером послали стоять вахту. Вымок, как собака. Лишь бы лечь поспать.

Проснулся утром — проходим мыс Горн.

Места очень красивые, но и качает порядочно. На подъем флага не вышло двое наших... На завтрак не вышел почти никто, в том числе и я. Есть не хочется.

Попали в очень сильный шторм — 12 баллов.

Три дня никто почти не мог работать. Порвался парус. Снимали его около часа. Работа адская.

Прошли мыс Горн. Встречный ветер относит нас к Антаркти-

де. Качка — 6—8 баллов. На камбузе посуда летит на пол. Мне горячим кипятком обварило ногу. Лежу, но ничего страшного — скоро пройдет.

Начались классные занятия. Учились вязать морские узлы — те самые, что и в клубе. Больше ничего интересного.

Все время одни и те же лица. Ни газет, ни журналов, ни телевизора. Единственная информация — сообщение офицеров о местоположении судна, а двигаемся очень медленно.

Ветер 9 баллов. Крен на каждый борт в отдельные моменты достигает 50°.

Не было ни зарядки, ни классов. Утреннюю вахту не стоял — капитанский состав решил все сделать сам. Из нашей команды плохо переносит качку Женька Евдокимов. Таблетки мало помогают. Я же держусь хорошо. Настроение стабильное — спокойное. Много думаю и понял: кто бы и что бы плохого не говорил о Союзе — все ерунда. Нигде так не хочется на Родину, как за границей, за тысячи миль от Ленинграда. Частенько вспоминаю родных, близких, нашу школу. В Новый год моя семья соберется за праздничным столом, а мы посидим своим кружком. Они будут вспоминать нас, а мы их — наших дорогих родителей. Вспомнишь дом — сразу легче и время бежит быстрее.

Мы почти не продвинулись к Перу. Курсируем вдоль берегов Антарктиды.

Опять шторм. Надоел. 12—14 баллов — очень сильно качает. Пытаемся идти на остров Робинзона Крузо. Мешает встречная волна.

Кок — большой гад. Опять приготовил какую-то бурду. Пища здесь ужасная. Мечтаю порой о простой русской картошке с маслом, о хлебе... Завтра — Новый год...

**ЯНВАРЬ,
1989 год**

С нового года поменялись вахты и места приборки.

Стою на вахте с 0 до 4, место приборки — докторская комната и коридор. Сплю по пять часов, с перерывом в четыре часа: с 22.00 до 23.50 и с 4.10 до 7.00. Уже привык.

Мой друг Илья свалился с трапа и разбил ногу, вдобавок стукнувшись головой. Приходится за ним ухаживать.

Четыре часа утром стоял впередсмотрящим. Промерз, как собака. На классных занятиях понял процентов на семьдесят, хотя объяснения только по-английски.

Классные занятия начались по пятидневному циклу.

1 день: математика, история, английский, русский

2 — английский, физика, география

3 — химия, биология, история, русский

4 — математика, география, русский, английский.

Русский — только для поляков и американцев. Географию на судне ведет капитан. А самый интересный урок — информатика.

Во время вахты очень неприятен холодный ветер с дождем, тем более, что выданная нам «непромокаемая» одежда пропускает воду. Белье просушить тоже негде. Приходится ходить во влажной одежде и поэтому уже третий день болит горло.

Начался «сувенирный бум».

Илья Максимов обменял на нож часы, а на тельняшку — рюкзак. Уму непостижимо. Я тоже не подкачал. Помаленьку, но достаточно.

Трудно все-таки чувствовать себя на постоянно качающейся палубе. После долгой лежки немного разомкнулись — вспомнили рукопашный бой.

Хорошее настроение — офицеры называли меня одним из лучших дежурных по камбузу, которых они когда-либо видели. Действительно, работалось как-то легко, не покидало желание сделать все хорошо.

До острова Робинзона Крузо (Хуан Фернандес) не больше 700 миль.

Хочу немного рассказать о наших классных занятиях. Физика простая — 7—8 класс. Задачи щелкаю как орехи. История — раз в 70 хуже, чем в школе. По географии занимаюсь сам, хотя на уроке присутствую. Математика — тоже класс 7-й. Чувствую, что сильно отстану, придется заниматься целое лето.

Идем на остров Робинзона. Курс 325. К качке все давно привыкли, кроме Евдокимова Женьки. Среди офицерского состава серьезно обсуждается вопрос о списании его с судна в Перу.

Учились по третьему дню занятий. Проходим ковалентные связи по химии, строение молекулы по биологии, систему кровообращения. По истории — историю инков и майя. Говорили об одном из самых древних городов мира — Чечен-Ица, который расположен на полуострове Ютакан. В Мексике должны повести смотреть этот город. Правда, до Мексики еще далеко.

Стоял на вахте и видел кита. Захватывающее зрелище. Живой корабль проплыл в пятнадцати метрах от борта «Погории». Теперь будет что вспомнить всю жизнь.

Волна небольшая, светит яркое солнце. Сегодня 31 день, как я уехал из Ленинграда. Не замечаю, что январь. В море время бежит быстро.

С радостью обнаружил, что у меня сломались биологические часы. Теперь 2—3 часа посплю и могу 6 часов работать спокойно, с хорошим настроением. Из-за этого часы вахт пролетают незаметно.

До ближайшего чилийского порта три дня. Там должны пополнить запасы продовольствия и топлива.

Хожу по судну как панк — подстригся, наголо побрил виски. Пусть быстрее отрастут.

Наши готовили блины и на ужин мы ели долгожданную русскую еду. А после ужина — парусный аларм¹!

¹ Тревога.

Татьяна КОТЕНЕВА

ПЕРЕЕЗД

Переезжаем в новый дом,
А старый дом с собой везем.
Мы погрузили в грузовик
Все то, к чему я так привык:
Большой диван, велосипед,
Кота и бабушкин буфет,
Коньки, аквариум, тетрадки,
Стол и стулья, пальму в кадке.
У нас большие перемены,
Переезжаем в новый дом.
Мы оставляем только стены
И грустный тополь под окном.

А хорошо бы тополь взять,
Пересадить и поливать.

Я ИДУ ИСКАТЬ

Я от вас уйду
И щенка уволю.
А куда уйду,
Никому не скажу.
Уйду, не вернусь.
Вы не нравитесь мне.
Я теперь поселюсь
В справедливой стране.

Там ударить собаку
Нельзя никому.
За подобную драку
Сажают в тюрьму.

Не жалеют сметаны
Для бродячих котов.
Покупают диваны
Специально для псов.
Там никто нагоняя
Не получит за то,
Что, с собакой гуляя,
Испачкал пальто.

Ведь должна быть такая
На свете страна.
Может, кто-нибудь знает,
Где она?

Александр ЛЮЛИН

ЗАБЫТАЯ ЗЕМЛЯ

Вдали от стекла и бетона,
Вдали от асфальтовых трасс,
Есть в Средней России районы
Лесных одичавших пространств.

Там в землю врастают деревни.
Высвечивая дома,
Там молнии рушат деревья,
Угрюмо грызутся грома.

Там детского плача и смеха
Не слышат седые кусты.
Морщинисто-дряхлое эхо
По комнатам бродит пустым.

ПТИЦЫ

Что влечет наших северных птиц,
Пропуская сквозь легкие воздух,
Возвращаться от южных границ
В неказистые старые гнезда?

Пусть дорога длинна и трудна,
Ночь ружейными смотрит стволами —
Возвращаются птицы туда,
Где впервые

взмахнули
крылами...

Рисунок Н. Куликовой

Ранним воскресным утром 22 июня 1941 года войска фашистской Германии перешли западную границу нашей Родины. Тысячи бомб обрушились на аэродромы, железнодорожные узлы, на мирно спящие города и деревни... Так пятьдесят лет назад началась война, которую назовут Великой Отечественной. Под напором мощной, превосходно вооруженной немецкой армии все дальше и дальше на восток отступали наши солдаты. Но уже тогда, в самые горькие, в самые отчаянные дни войны уверенно и твердо звучали слова: «Наше дело правое, победа будет за нами».

РАССКАЗ

А. БЕЛИНСКИЙ

Рисунки **А. Ивашенцовой**

Мы с Гришей решили построить лодку с лопастными колесами: по бортам крутятся лопасти, и она стремительно несется по волнам. С самого начала нам было ясно, что сделать такую лодку нелегко: нужен двигатель, а у нас его не было. Мы с этим примирились и решили, что лопасти будем вращать ногами, при помощи педалей.

Но самым большим препятствием для нас было отсутствие двигателя. Главное, не было в нашем городе речки, по которой можно было бы плавать на лодке. То есть, речка была, даже две. Но одна — маленькая, по ней и курица может вброд ходить, где уж по ней плавать на лодке с лопастями! А другая речка — река Днестр, ее даже на географических картах рисуют толстой синей линией. Но Днестр до недавнего времени был границей, и плавать по нему нам, конечно, не разрешат. Так что с водными пространствами дело обстояло сложно. Однако мы решили: сперва построим лодку, а где плавать — потом будет видно.

Строительство начинается с чертежа — это все знают. Чертеж самодельной лодки Гриша видел в книжке «Все своими руками», поэтому было решено, что мы с ним пойдем сегодня утром в библиотеку.

Вдвоем мы зашагали по улице, мимо каменных заборов, сложенных из неровных плит желтого песчаника. Живем мы на окраине, так что до центра города идти далеко, минут пятнадцать, а может и того больше. В особенности дорога кажется длинной, когда жарко как сегодня. Но вот, наконец, виден городской парк, кинотеатр, а напротив него — новое красивое здание с двумя толстыми белыми колоннами — Дом культуры. Когда мы подходили к нему, навстречу нам, дружно гремя по булыжной мостовой сапогами, шли красноармейцы.

Возле выбеленного известкой двухэтажного дома, в котором помещался банк, нам попался на встречу одноклассник Сема, лопоухий парень с раздвоенной нижней губой. Он спросил нас:

— Хлопцы, вы слышали, война началась?

Мы с Гришей переглянулись: какая война, что он обманывает? Но лицо у Семы было встревоженное.

— Война, — повторил он. — Гитлер напал. Вот там радио слушают, Молотов выступает.

Неподалеку, возле дома, окна которого выходили на улицу, быстро увеличивалась кучка людей, мы с Гришей бросились туда. Окна дома были раскрыты, на подоконнике стоял репродуктор, из его черной бумажной тарелки доносился негромкий голос. Жаркий и ясный солнечный день вдруг потемнел, и мне показалось, что я в каком-то незнакомом городе. Лица стоявших вокруг меня людей — мужчин, женщин, ребят — были сосредоточенно-молчаливы, и в этом безмолвии было что-то необычное, непонятное и оттого еще более тревожное.

Голос диктора стал перечислять области, в которых объявлена мобилизация. Тут я вспомнил про отца: его тоже возьмут в армию? А диктор уже сообщал, что в армию призываются мужчины до сорока лет. Моему отцу уже сорок два, значит, он останется дома. Тут только я подумал о матери: ведь она еще не знает, что началась война!

— Гриша, — сказал я, — я побегу домой!

— И я тоже! — встрепенулся он. — До завтра!

Дома неожиданно все оказались в сборе: и мать, и мой брат Борис, и даже отец. И все уже знали, что война. Мать с окаменевшим лицом стояла у плиты, отец, сидя у окна, брился. Борис слонялся по комнате, засунув руки в карманы. Из репродуктора, висевшего над календарем, неслась музыка.

Отец закончил бриться и, кивая на нас с Борисом, сказал матери:

— В случае чего — ребят отошлем к Мите, в деревню.

Я удивился: что значит — в случае чего? Неужели отец думает, что война может как-то задеть наш город? Но отец ничего не сказал больше. Переменив рубашку, он ушел на службу в райисполком: хотя был воскресный день, за ним приходили, чтоб явился на работу.

Я тоже не мог оставаться дома: странное беспокойство толкало к людям, хотелось кого-то видеть, что-то узнать. Борис — тот сразу убежал из дому, и я тоже не стал задерживаться. Сперва хотел пойти к Грише, но подумал, что ему сейчас не до меня: Гришин отец призван в армию, его, наверное, собирают в дорогу, режут все. Нет, лучше я пойду в библиотеку, возьму книжку «Все своими руками» — война не будет продолжаться все лето, книжка нам с Гришей еще пригодится.

Я поднялся на крылечко дома, в котором размещалась библиотека, вошел в открытую дверь. В библиотеке было пусто, если не считать библиотекарши и двух красноармейцев. Красноармейцы принесли взятые в библиотеке книги, но, видимо, чего-то не возвратили, и библиотекарша, растерянно теребя формуляр, говорила им:

— Но как же так? Я вас не отпущу, пока не возвратите книгу! Я за нее отвечаю.

Лицо ее покрылось пятнами от волнения. Рыжеволосый веснушчатый сержант с золотым треугольником на петлицах весело убеждал ее:

— Поздно, девушка! Вот разобьем Гитлера — привезу из Берлина книжку на немецком языке!

— Но как же так? — не сдавалась библиотекарша. — Я ж не могу так!..

Сержант извлек из кармана деньги, положил библиотекарше на стол. Та запротестовала:

— Нет-нет! Вы должны сами купить такую же, как потеряли!

— Некогда нам, девушка, заниматься куплей-продажей! Не горюйте: возвратимся с победой — разочтемся!

И красноармейцы, не обращая внимания на протесты библиотекарши, направились к выходу. Мне расхотелось спрашивать о книжке «Все своими руками», и я тоже потихоньку вышел из библиотеки.

На большом фанерном щите, где обычно висела афиша очередного кинофильма, я увидел только что наклеенный плакат: прямо в нос Гитлеру нацелен красноармейский штык, а внизу подпись:

Ох, и будет морда бита
Гитлера-бандита!

Прошла неделя. По ночам было слышно, как где-то далеко за горизонтом глухо ворчал гром: говорили, что шли бои за Бельцами, в Молдавии.

Странной была эта неделя! Мы что-то делали, но казалось, все не так как надо и не то что надо. Городок словно притих, вслушиваясь в сводки боев, а радио передавало каждый день одно и то же: после тяжелых боев наши войска оставили город такой-то...

Однажды в полдень прибежал отец, лицо его было бледным.

— Собирайте вещи! — сказал он матери. — Едем в Вапнярку! Только скорей — сейчас придет повозка. Коля, найди Борю! Чтоб через пять минут был здесь.

Я бросился в сад искать Бориса. На бегу соображал: если мы едем на станцию Вапнярку, значит уедем куда-то поездом, далеко. Может, к тете Ане, которая жила в Полтаве. Но почему так неожиданно?

Когда мы с Борисом прибежали домой, во дворе уже стояла телега, запряженная парой лошадей. Здоровенный толстощекий парень Панфил — я его знал хорошо, он жил на нашей улице, работал конюхом в соседнем колхозе — помогал отцу тащить тук с одеялами и подушками. Позади шла мать, в руках у нее была швейная машинка. Глаза матери были заплаканными.

— Садитесь, живо! — приказал нам отец.

Борис забрался на повозку, я — вслед за ним. Уже сидя в телеге, я спросил:

— А учебники взяли?

— Какие там учебники! — махнула рукой мать и заплакала.

Отец на минуту задумался, потом сказал:

— Надо взять. Только — живо!

Кое-как собрав учебники, мы вдвоем выволокли мешок из дому. Панфил тронул лошадей вожжами, и повозка, скребя на крутом повороте колесами по днищу короба, развернулась к воротам.

Я, Борис и мать сидели на повозке, отец и Панфил шагали по бокам ее. Из коротких фраз, которыми отец перекидывался с матерью, я понял, что фронт стремительно приближался к нашему городу, и мы должны эвакуироваться. Но уезжали только мы с матерью, а отец, как работник райисполкома, должен остаться в городе. До каких пор он будет здесь — отец этого не знал.

Узкими улицами, где за заборами утопали в густой темной зелени белые мазанки, телега наша выбралась на окраину города.

Неожиданно издали донесся гул, с каждой минутой он нарастал, и вдруг из-за Днестра появились в небе длинные коричневые самолеты с белыми крестами на крыльях. Моторы их ревели так мощно, что лошади остановились, беспокойно прядая ушами. Самолеты медленно проплыли над городом. Гул их стал замирать, но вдруг от последнего из них отделились какие-то черные точки и посыпались вниз. Далеко за холмами раздался взрыв, другой, третий.

Мы снова поехали. Панфил подгонял лошадей кнутом, чмокал губами. Лицо его было бледным, немного растерянным, он совсем был не похож на того Панфила, которого я знал.

Вдруг в воздухе закружились белые листочки бумаги, они спускались на землю, словно большие снежинки.

— Листовки! — крикнул я.

Видимо, самолеты сбросили листовки над городом, но ветром их унесло в сторону, и часть их опустилась на колхозный огород. Панфил поднял одну из них, дал отцу. Тот прочитал:

«Граждане Украины! Коммунисты и евреи отобрали у вас землю, свободу, церковь. Германская и румынская армии несут вам освобождение. Складывайте оружие, встречайте нас хлебом и солью. Смерть коммунистам!»

— Вон они нам церковь и свободу принесли!

Отец кивнул на столб черного дыма, который клубами поднимался над холмами, где была нефтебаза.

Лошади, с усилием упираясь ногами, натягивали постромки, тянули телегу вверх по склону, к шоссе. Мы с Борисом соскочили с повозки, принялись помогать лошадям. Наконец, повозка выбралась на вершину холма, и мы вдруг увидели позади себя весь наш городок. Он лежал, протянувшись по берегу Днестра, такой знакомый, тихий, весь в зелени, и мне стало вдруг невыносимо больно расставаться с ним. Вода в Днестре блестела на солнце, и Днестр казался клинком, отделившим город от опасности, которая надвигалась оттуда, из-за реки.

Рядом с повозкой шел отец, время от времени я посматривал на него. Я видел, что он встревожен, и даже не встревожен, а словно необычайная печаль легла на его лицо. Изредка он говорил что-то матери, но больше молчал. Мне очень хотелось

узнать, о чем он думал, но пока он шел рядом с повозкой, я знал, что ничего плохого с нами не случится.

Вскоре нас догнала повозка, запряженная парой крупных серых лошадей. В повозке сидело такое же, как наше семейство, правил лошадьми толстый

мужчина в белой вышитой рубаше и соломенной шляпе-«капелюхе». Запомнилось его бритое лицо с каплями пота. Их повозка обогнала нашу, и женщина, сидевшая сзади между двумя чемоданами, молча глядела на нас.

Солнце по-прежнему немилосердно жгло, мне

захотелось пить. И всем захотелось пить, но воды с собой мы не взяли.

— Терпите, — сказал отец, — скоро приедем к колодцу.

К вечеру жара спала. Мы остановились неподалеку от небольшого хуторка, в овраге, поросшем невысоким кустарником и дикими яблоньками. Тут же, в овраге, был колодец, и мы с Борисом, напившись вволю, принялись обливать друг друга. Панфил напоил лошадей, дал им овса. Мать постелила под яблоней домотканый коврик, на нем мы уселись обедать: ели хлеб с огурцами и котлетами, которые мать, несмотря на спешку, приготовила дома.

Пока мы обедали, мимо нас проехало несколько повозок, набитых такими же, как мы, беженцами. Ни одна из них не остановилась возле нас, и, видимо, это заставило отца сказать Панфилу:

— Давай, наверно, и мы поедем.

И снова потянулась бесконечная дорога, но сейчас, к вечеру, ехать было легче, не стало той жары, от которой изнемогали весь день. Борис, привалившись к тюку с постелью, задремал. Я примостился возле него и тоже уснул, а когда проснулся, то вокруг уже было темно, лишь в высоком небе появились россыпи звезд. Лошади устало брели по дороге, вокруг — ни огонька, и только далеко впереди как будто что-то розовело.

— Что там горит? — встревожился я.

Отец, сидевший впереди, сказал:

— Там станция, Вапнярка.

Но Вапнярка оказалась не так близко, как я предполагал. Мы ехали еще, наверно, час, прежде чем добрались до станции.

Привокзальная площадь, на которой мы остановились в полной темноте, испугала меня: она вся двигалась, копошилась. Люди заполнили всю ее, теснились с узлами под стенами вокзала, возле заборов и прямо посреди площади. Оставив нас у повозки, отец куда-то ушел, его долго не было, и мы чувствовали себя в этой темноте брошенными, никому не нужными, отданными во власть чему-то неведомому, которое злобно шипело и лязгало железом в темноте.

Наверное, через час отец возвратился, сказал несколько слов матери и снова куда-то ушел.

— Ну, что, мама? — робко спросил я.

— Поезда нет, — сказала она. — Тут люди по два дня живут, и все поезда нет.

— И мы тут будем жить? — поинтересовался Борис.

— Вчера немцы бомбили станцию, — сказала мать. — Не попали.

Вдруг снова появился откуда-то из темноты отец. Он произнес торопливо, вполголоса:

— А ну, скорей за мной на платформу! Берите все по узлу!

Панфил предложил:

— Пусть Коля посидит пока тут, а я вам помогу.

Они взяли узлы, чемодан, швейную машинку и заторопились к вокзалу. Я заметил, что вся площадь пришла в движение, тревожно перекликались женщины, звали детей. И все бежали туда, к

железнодорожным путям. Вскоре вернулись отец с Панфилом, забрали остаток вещей, и мы все вместе пошли к поезду.

Мы перешли через три железнодорожных пути и оказались у темных, без освещения, пассажирских вагонов. Здесь скопилось множество людей. Все рвались в вагоны, вокруг дверей — давка, плакали дети, кто-то кого-то звал, слышался женский вопль. В этой толпе бегали железнодорожники, размахивали фонарями, что-то кричали, но их никто не слышал.

— А где мама? — спросил я.

— В вагоне, — ответил отец.

Затем они с Панфилом, пропустив меня вперед и подняв над головами вещи, начали пробираться к ступенькам, ведущим в вагон. Став частью толпы, мы уже не способны были ни отойти в сторону, ни возвратиться назад, можно было двигаться лишь вперед, ко входу в вагон. Я думал, меня раздавит эта орущая, ничего не видящая, кроме входа в вагон, толпа, но руки отца поддерживали меня, помогли забраться на ступеньки. Отец взобрался вслед за мной, Панфил снизу подал ему еще один узел.

Где-то посередине вагона я услышал голос Бориса:

— Мама, вот они! Коля, залезай сюда!

Мать сидела внизу, на скамейке, рядом лежали наши узлы, а Борис забрался под самый потолок, на верхнюю полку.

Вагон наш был уже набит людьми и вещами, но люди все шли, тащили мешки, корзины, чемоданы, заполняли каждый клочок еще незанятого пространства. Потом вдруг вагон тряхнуло, что-то заскрипело под нами: прицепили паровоз.

— Боря! Коля! — позвал отец. — Я ухожу!

Мы с Борисом хотели слезать вниз, но отец, став ногами на нижнюю полку, поднялся к нам. Он поцеловал Бориса, потом меня.

— Вы уже большие, — сказал он, и голос его дрогнул, — помогайте матери.

Он соскочил куда-то вниз. Я услышал, как зарыдала мать. Отец обнял ее, я плохо видел их в темноте и, задыхаясь от горя, тихонько заплакал.

— Не плачь, Даша, — сказал отец. — Постарайтесь добраться в Полтаву.

— А как же ты? — сквозь слезы произнесла мать.

— Ну что я? Я уже решил: завтра иду в военкомат.

Он еще что-то сказал и исчез в узком проходе вагона, среди водоворота людей. Откуда-то из темноты до нас донеслось еще раз:

— Даша! Дети! До свиданья!

И все.

Мать стояла, прильнув к темному окну, вокруг нее теснились другие женщины и дети. Мы с Борисом, свесившись с верхней полки, тоже пытались что-то разглядеть в окне. Один раз мне даже показалось, что я узнал за окном отца. Но скорей всего, это лишь показалось. А через некоторое время вагон качнулся и, медленно набирая скорость, покотился в темноту.

Так я простился с отцом навсегда.

Творчество твоих ровесников

Олег Фрагин живет в Курске. Пишет стихи о природе, любит классическую русскую поэзию. На зимние каникулы Олег приезжал в Ленинград и принес в «Костер» целую подборку своих стихотворений, одно из которых мы публикуем сегодня.

РЕКА

*Лентой изумрудной
Вдаль течет река.
Вся блестит под солнцем,
Но уже мелка.*

*Раньше в этом месте
Плыли корабли,
А теперь и лодка
Сядет на мели.*

*Скоро речка высохнет,
Зарастет травой.
Обыватель молча
Лишь махнет рукой.*

Соня Вечтомова учится в ленинградской школе № 368. Нам очень понравились ее стихи. Но вместе со стихами Соня прислала и пьесу, которой мы тоже обрадовались. Ведь этот жанр так нечасто встречается в нашей литературной почте.

Действующие лица: СТУЛ, СТАКАН, ЧАЙНАЯ ЛОЖКА в нем, ПАРКЕТ, ЛЮДИ.

СТУЛ: Эй, стакан, что тебе здесь нужно? Стоят тут всякие!

СТАКАН: Поставили, вот и стою. Тебе что, жалко? На тебе тысячи сидят — и не плачешь. Чем я хуже?

СТУЛ: Сидеть — сидят, но я им сделать ничего не могу. Сойди, а то сброшу!

ЛОЖКА: Стул, что ты так разбушевался? Неужели ты и меня столкнешь?

СТУЛ: Эх, Ложка, Ложка! Какие вы все неблагодарные!

СТАКАН и ЛОЖКА (хором): Мы неблагодарные? Мы тебе ничего плохого не сделали, да и ты нам ничего хорошего тоже.

СТУЛ: Ну как же! Вы же занимаете драгоценное место на моей поверхности!!!

СТАКАН: Я бы и рад сойти, да никак. Уж так меня сюда поставили.

ЛОЖКА: Да и я бы рада из этого противного стакана вылезти, да уж так меня сюда положили...

СТУЛ: А какого черта вас сюда поставили, дармоедов?

ПАРКЕТ: Стул, а Стул! Сойди, а? Так надоело! Целый день по голове ходит, а теперь еще и скрипит. Уйди с моей головы! Люди тут ходят, а теперь еще и ты!

СТУЛ: Да куда ж я уйду? Меня сюда поставили!

СТАКАН: А какого черта тебя сюда поставили? Меня только что ругал, а оказывается, сам не знает, почему тут стоит!

ПАРКЕТ: Ой, голова болит! Убирайтесь все отсюда!

СТУЛ: Ну уж нет! Пусть этот стакан убирается, а потом уж я!

СТАКАН: Ну уж, нет! Пусть эта Ложка убирается, а потом уж я!

ЛОЖКА: Вот еще! Ой, слышите... (Все настораживаются.) Это Люди. Все, тихо...

ЛЮДИ (смеясь): Похоже, у нас домовой живет! Здесь так скрипел стул и ложка о стакан звенела! Не иначе как...

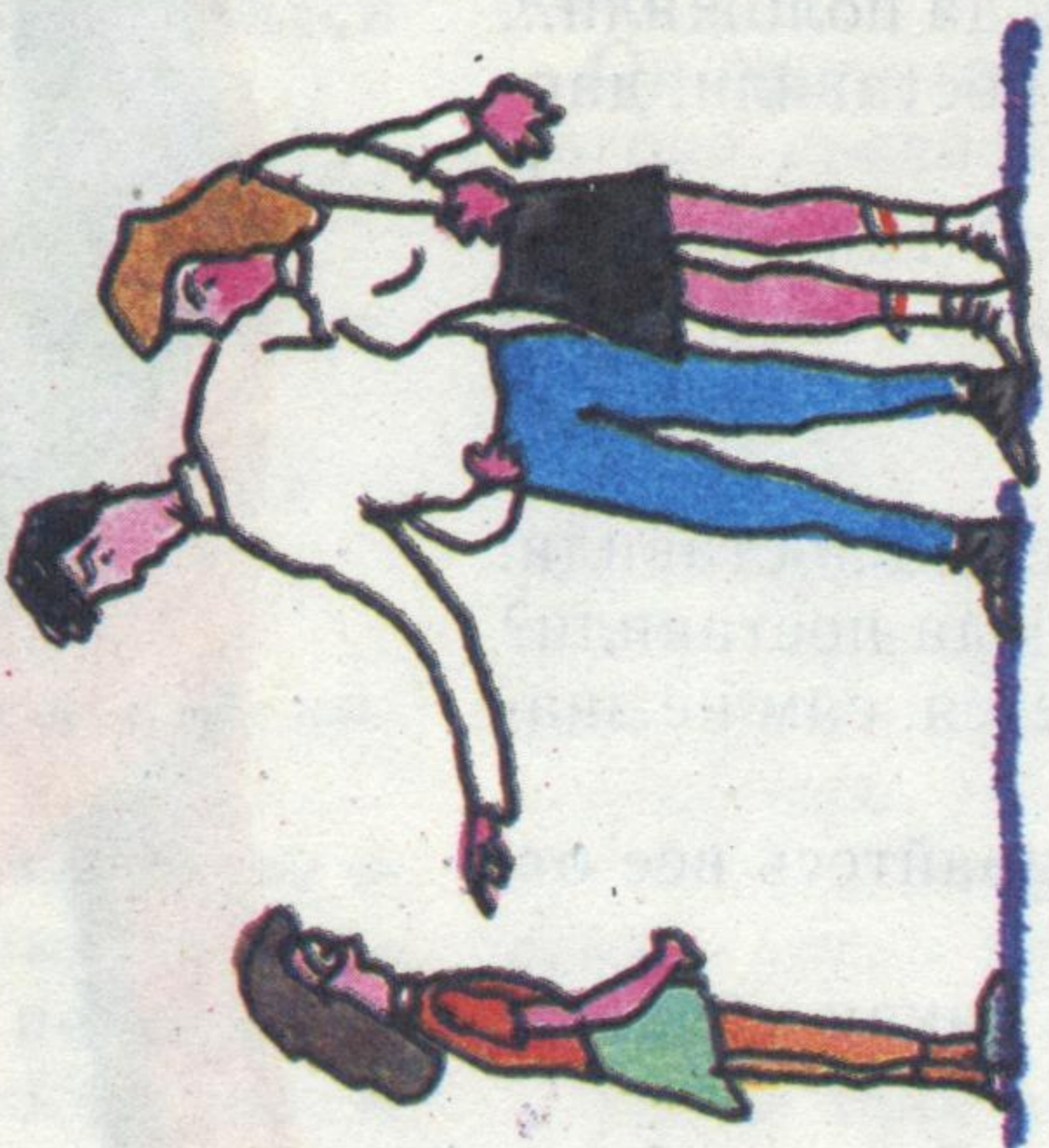
Занавес

Рисунок К. Почтенной

МАМА

Эти письма объединяет одно: они взывают о помощи. Их авторы нуждаются в совете неравнодушного читателя. А еще они нуждаются в человечности, каждый день и час. Может, именно на тебя они смотрят сейчас с надеждой!

У меня косоглазие. Куда я ни пойду, меня везде гонят. Пойду во двор, к своим одноклассникам — а там начинают обзывать разными словами. Пойду на дискотеку — меня спрашивают: «А ты-то зачем пришла?»

Мои родители меня очень любят, исполняют мои желания, ну а я все равно несчастлива. Посоветуйте мне что-нибудь.

И. Т.,
13 лет,
Донецкая обл.

Я хочу умереть. Я мучаюсь — зачем появилась на свет? Дело в том, что меня все обижают. Мало того, ко мне липнут старшеклассники, то есть распускают руки. А одноклассники меня бьют. Во всем виновата моя красота. Извините, но я пишу правду.

В меня влюбляются мальчики и делают всякие предложения. Но сейчас такое время, что не найдешь таких мальчиков, которые бы не курили, не пили, не хулиганили. И с мальчиками поэтому не хочу дружить. За это они мне мстят и даже позорят перед всеми. Вот именно в таких случаях я хочу умереть, убить себя, но из моих рук это не получается.

Жалуюсь учительнице, но она говорит, что надоело ей слушать наши ябеды. Говорю матери, она отвечает: «Сама виновата».

Подскажите, что делать? Напишите мне.

Марал Досымова,
7 класс
г. Кызыл-Орда

Я дружу с тремя девочками. Но чувствую себя одинокой среди них. Многие удивляются, как я смеюсь. Мой смех им не нравится. Но когда я смеюсь над их смехом, одна девочка говорит: «Почему ты смеешься?»

Что мне делать? Вы можете ответить: раздружись с ними. Но не получается. Не сидеть же весь вечер дома.

Наташа Реутина
Нижегород

У меня был друг Кузьмин Сережа. Но этой зимой он меня предал. Ушел в плохую компанию. Закурил и запил. Потом, через несколько дней он и его компания начали обзывать, угрожать, что побьют. И один раз меня выследили, окружили и напали. Хорошо, что я знаю приемы кунфу, а так бы избили.

Андрей Соболевой,
Заполярный
Мурманской обл.

ЖУРНАЛ
ЮНКОРОВ
ПЕЧАТАЕТ
ТВОИ
ЗАМЕТКИ,
РИСУНКИ,
СНИМКИ

Хочу написать о своем горе. Я люблю одну девочку, Иру Л., но не знаю, как признаться в своем чувстве. Я боюсь, что она будет надо мной смеяться, и все ребята тоже. Наши ребята ходят на дискотеку, но я не хожу туда, потому что стесняюсь.

Девочки в классе красятся, носят модные одежды, танцуют со старшими ребятами, слушают металл и рок, а я люблю классическую музыку. И девочка, которую я люблю, тоже любит классику. Ребятам я не нравлюсь, потому что я не такой как они, и они за это надо мной издеваются.

Посоветуйте мне, как мне признаться в любви и сделать так, чтобы меня уважали.

Илья Д.,
Нижегород

Я живу у бабушки. Все было хорошо. Но два года назад все изменилось. Бабушка стала каждый день ругать меня, называть неряхой, тупицей и прочее. На улице не выпускала. Она начала меня так сильно бить! У меня стала болеть голова. Мне все это надоело, и я решила отравиться. Но ничего не вышло.

Писала я письмо и родной матери, в другой город, чтобы приехала и забрала меня. Но она подумала, что что-то случилось с бабушкой, вызвала на переговоры. А я там расплакалась из-за того, что соврала моя родная бабушка. Она сказала, что я получила двойку по алгебре и поэтому так «нервничая». Хотя я двойку не получала.

Летом в деревне я работаю на родственников, как на хоззаяв. Если не принесу ведро воды — значит, я плохая. А принесу — ко мне относятся лучше. Таскаю и тяжести. Если меня ругают, то я ухожу в поле и сижу там в траве до темноты. Редко окликут.

Кончу я 9 классов, а потом уеду в другой город. Осталось еще два года. Как их прожить? Посоветуйте.

Лена,
г. Похвистнево

Я безумно люблю одного мальчика. Мне 13 лет, а ему 15. Если он не предложит мне дружбу, я не знаю, что со мной будет! Я не знаю, как мне быть. Я не могу жить без него. Самое главное, что он не понимает моего отношения к нему, даже не подозревает, что творится у меня на душе!

По совету мамы я держу себя строго.

Понимаю, предлагать самой дружбу нельзя, так как мальчишки, как правило, смеются над теми девочками, которые за ними бегают. Но как все-таки мне быть? Я совсем отчаялась. Не осуждайте меня. Просто я сама не знаю, что мне с моим чувством делать.

Таня,
13 лет

У меня была подруга, мы с ней дружили несколько лет. И в школу, и в кино, и на праздниках вместе были. Она была прстой девочкой, не задавалась. Но сейчас с ней что-то произошло. Она стала повелевать девочек нашего двора, унижать и оскорблять меня. Знает, я ей больше не нужна.

Лариса Артемьева,
Приморский край

Однажды моя сестра пришла ко мне, села на кровать, смотрит в глаза и говорит: «Я познакомилась с парнем, ему 14 лет. Однажды мы бродили по аллею, и он сказал: «Слушай, давай побалуемся?» Я спросила, в каком это смысле. А он ответил: «В самом прямом, у меня квартира свободная, кровать у родителей широкая, а?» Я растерялась, а он воспользовался этим и потянул меня в автобус. Не помню, как я очутилась в комнате. Артур закрыл дверь на ключ и сказал: «Раздевайся».

Что он с ней делал, сестра не рассказывала. Но через несколько дней она отравилась.

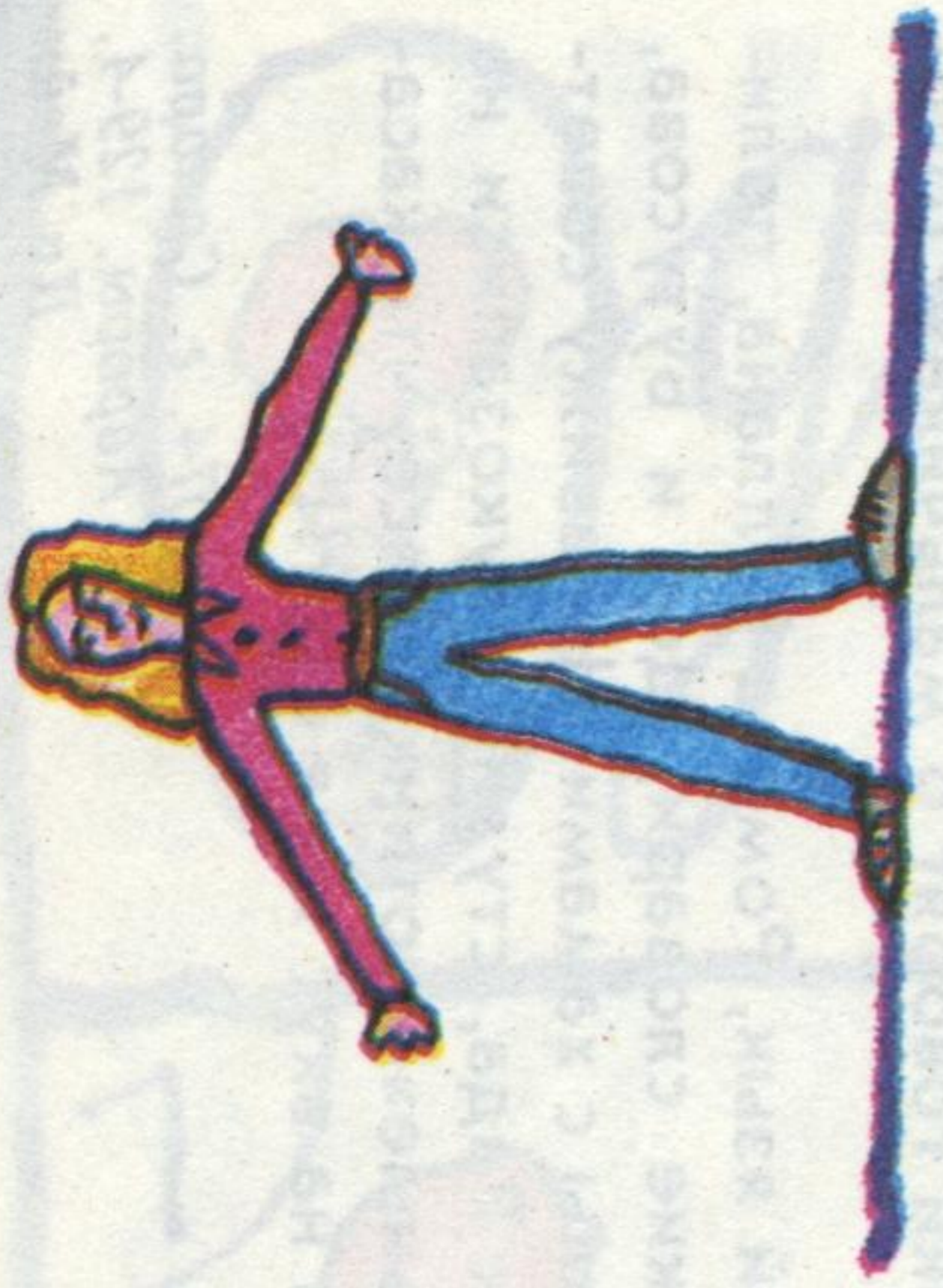
Я очень прошу, «Костер», печатайте, печатайте об этом трудном возрасте, ну, жели это вам так сложно, а?! Ведь вы бы помогли очень много.

Маша Михеева,
Ставрополь

Все началось с того, что мои родители развелись, и я осталась с мамой. Она работала два раза в неделю по ночам, а я в эти дни не стала ночевать дома. Стала курить, выпивать и всю гулять с парнями. Никто не знал, сколько мне лет, потому что я выглядела старше. Да и не все ли им равно, с кем быть. Мама узнала, но ничего не могла с этим поделать, пока я сама не завязала.

Теперь мне уже 14, и я никому не нужна. Наш город не большой, многие друг друга знают, и все плюют мне вслед. Вот такая жизнь...

Алена,
Коми АССР

Ненавижу предательство. Как можно гулять со мной, а через 15 минут уже болтать про меня одни нелепости!! Может быть, дело во мне самой, но я не могу разобратся.

Это одна сторона дела. Вторая. Я себя терпеть не могу, т. е. свое лицо. Окружающие говорят, что я симпатичная, даже очень. Но почему-то я этого не замечаю. Знаю все свои недостатки, и они мне кажутся ужасными.

Я долго размышляла и вот что надумала. Чтобы тебя любили и уважали, надо:

— с первой встречи относиться к человеку со всей душой, по-доброму;

— на улице или входя в помещение, иметь такое выражение лица, чтобы каждый человек, взглянувший на тебя, мог улыбнуться или почувствовать облегчение, если на душе у него тяжело;

— не требовать от людей слишком много. Если это не в ущерб себе, давать людям больше, чем они дают тебе; — ловить каждую улыбку, предназначенную тебе и отвечать улыбкой!

Что тут лишнее, чего тут не хватает? Может, я вообще не права?

Лена А-ва,
14 лет,
Ленинград

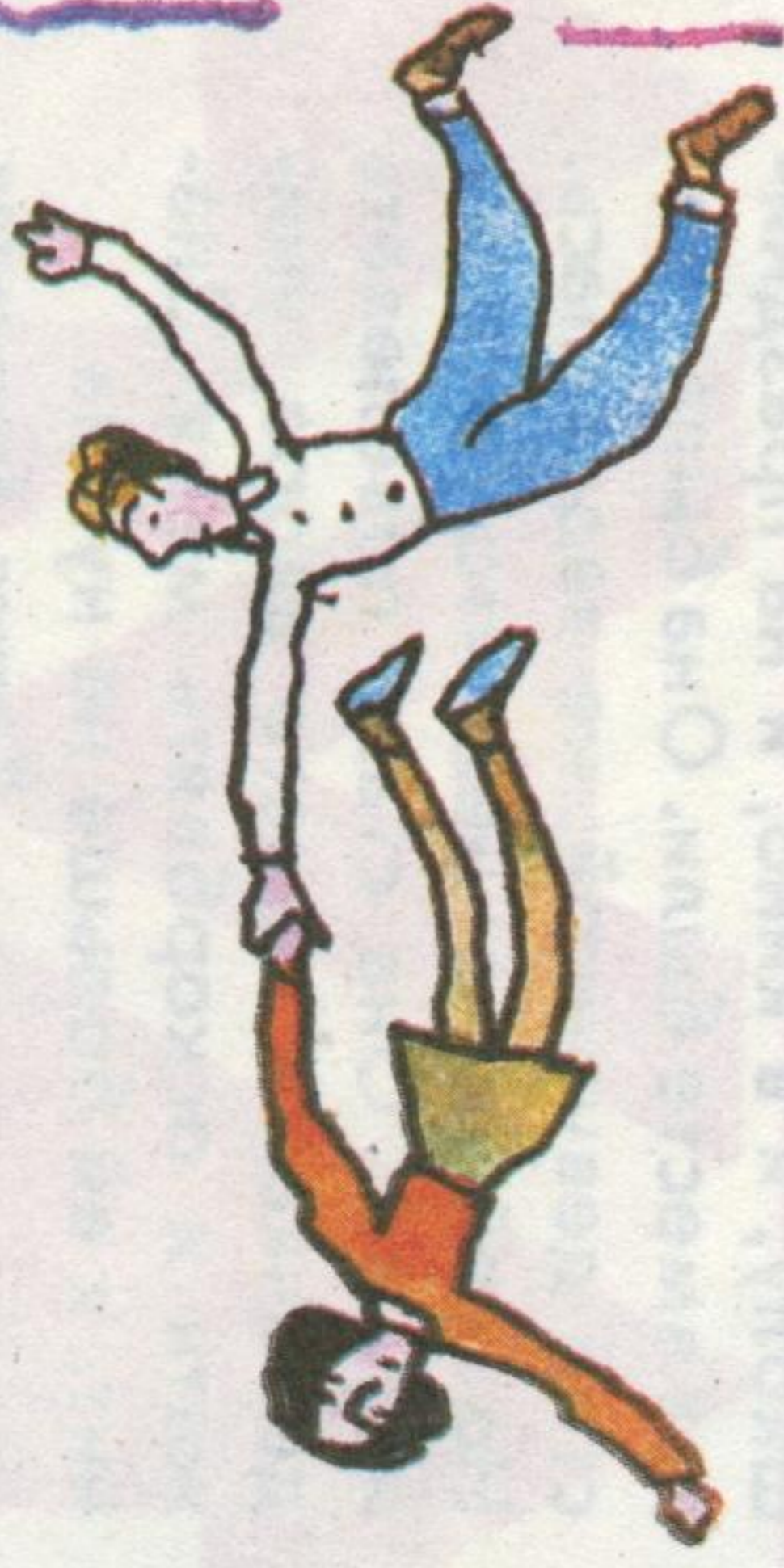

Однажды я встретила одного человека — Сашу. Мы стали встречаться с ним и поняли, что не можем жить друг без друга. Тогда лучшие подружки стали мне завидовать. И даже заявили потом: «Либо мы, либо он!» Я их просила выбросить это из головы, но они еще больше ожесточались. В мой адрес по-несли издевки и насмешки, меня стали обзывать любовницей, проституткой и тому подобное.

Единственная моя опора — Александр. Он меня понимает, он один моя поддержка.

Посоветуйте, как примирить старую дружбу с девочками и любовь к Саше. Как защитить свою честь и свое достоинство?

Люба К.,
Улан-Удэ

Я хочу улететь туда, где нет людей жить.

Плохих. Где весело и не скучно

Где нет врагов, ссор, плача

и общих обид.

Я хочу улететь, чтобы не было родителей.

Я хочу улететь с другом, которого

у меня нет.

Я не хочу здесь оставаться.

Здесь плохо, грустно, скучно жить.

Здесь умиряют люди, а все спят спокойно. И никому ночью не стыдно, что ты живешь, А они нет.

Мне не хочется об этом думать,

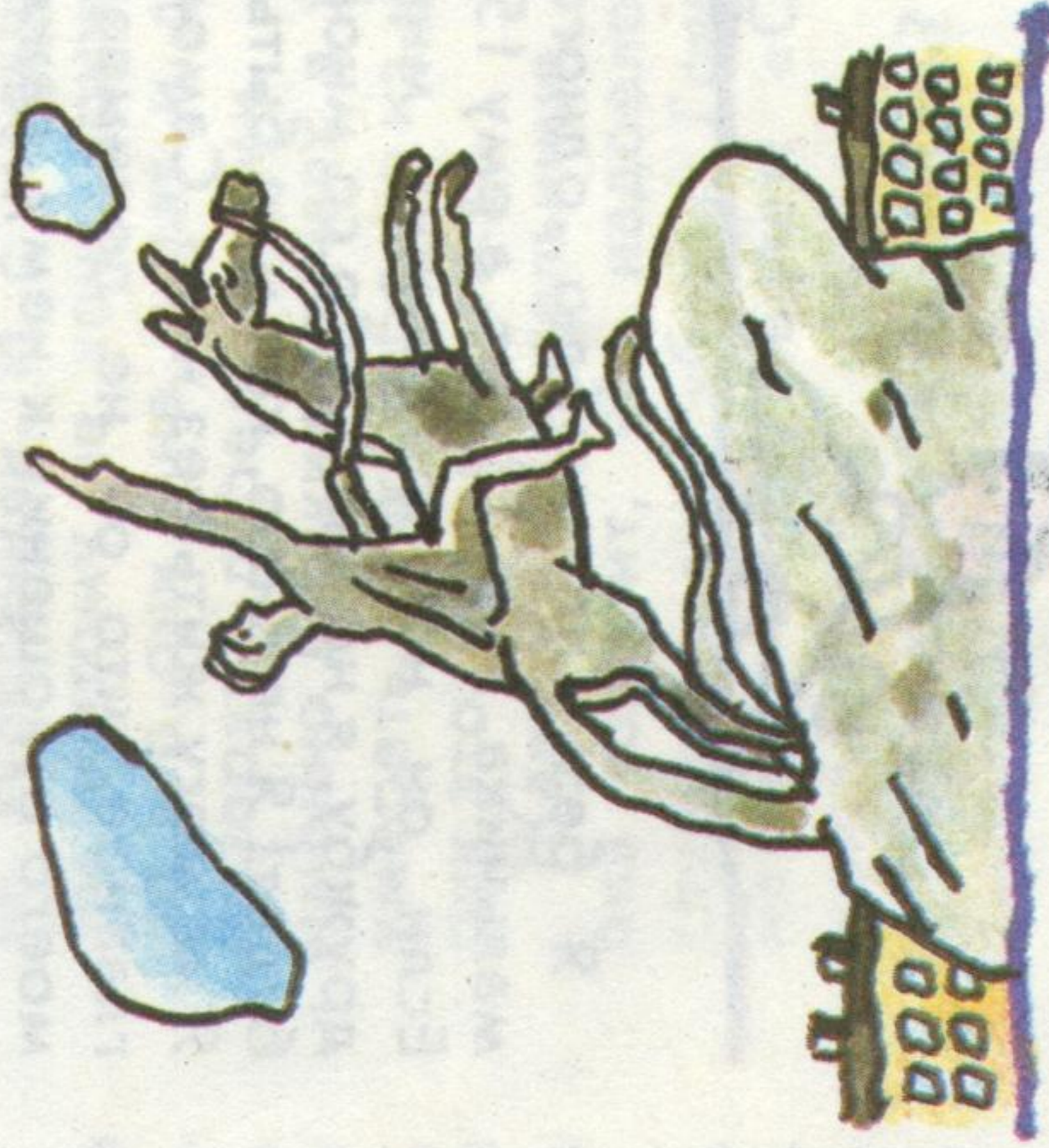
А я думаю. Почему так бывает?

Почему я делаю то,

Что мне не нравится? Почему в книгах все по-другому?

Я хочу улететь.

О. М.,
Ленинград

Хочу иметь добрых и отзывчивых друзей из разных городов и стран. Может быть, откликнется кто-нибудь? Пусть это будет мальчик или девочка, большой или здоровый, пишите, кому нужна помощь.

637023, г. Павлодар,
ул. Камзина, 350-193
Барлаковой Ире,
14 лет.

Я просто не знаю, куда себя деть. Мне даже поговорить не с кем, да и не о чем. Все знакомые девочки говорят о мальчиках, тряпках, косметике...

Я обожаю хороший рок, английский язык, Романа Роллана, политические анекдоты, энциклопедические словари, Цоя и Бутусова, ночь, черный цвет и желтый и скандалы с хамами. Ненавижу советские попс, дискотеки, глупцов, Майн Рида, студии звукозаписи на улицах, индийские фильмы, «сексуальные» картинки и все, что касается космоса. Неужели нет товарища на вкус и на цвет?!

443074, г. Самара,
ул. Авроры, 129-4,
Ди Мейн

Однажды Борька Кириков...

1 ... заметил, что все школьники одеты одинаково.

2 И дворники одеты одинаково.

3 И солдаты — одинаково.

4 И даже инопланетяне — одинаково.

5 Ладно, Борис, так и быть — одевайтесь как хотите!

6 Ура! Завтра буду в полном прикиде!

7 Ура! У всех криша поедет!

8 Я так оденусь — закачаюсь!

• • • • •

ИЩИ, КАРИ, ИЩИ!

Синкен ХОПП

ПОВЕСТЬ

Рисунки О. Филипенко

Нильс стоял на станции, когда подошел предобеденный поезд. Человек с овчаркой вышел из вагона; Нильс узнал и проводника и собаку.

— Кари!

Кари подняла большую серую голову и взглянула на него.

— Матушка Кари, узнаешь меня?

— Здравствуйте,— поздоровался проводник.

Фамилия его была Юннесдал. Нильс знал, что он — старший полицейский из Бергена. Такой старший полицейский должен быть старый и нудный, но Юннесдал был не такой.

— Я-то тебя помню. Ты здесь живешь?

— Да,— ответил Нильс.— А вы по службе? Будете искать воров с фабрики?

— Нет, это дельце — поменьше,— ответил Юннесдал.

Нильс оцепенел. Все против него, даже Юннесдал и Кари! Кари, которая обнюхивала его ноги, Кари, которая смотрела на него своими карими глазами и виляла хвостом. И теперь Кари явилась сюда, чтобы доказать: он украл часы!

— Ты не должна этого делать, Кари! — мысленно произнес он.— Ты не должна быть такой подлой, не должна вредить мне! Кари!

Но Кари уже не было рядом. Она неуклюже трусила по перрону рядом со своим хозяином, и когда Юннесдал остановился, чтобы поздороваться с Йоханнесеном, она уселась на хвост и широко оскалила зубы. Казалось, она смеется над ним.

Нильс направился к станционному киоску, посчитав, что спрятавшись за ним, будет в безопасности. Прислонившись спиной к стене, он подумал, что пусть теперь хоть весь мир взрывается, он будет только рад. Даже отец и мама не верят ему. Они, конечно, говорили, что верят, но когда он вчера вечером лег спать, они пришли в его комнату, сели на край кровати и сказали, что он может все откровенно рассказать, они помогут ему и будут любить его.

Улав и Кристиан тоже думают, что он вор, Кристиан-то уж во всяком случае. Кристиан таскался за ним повсюду и был уж слишком фамильярен.

— Я могу помочь тебе сбыть их,— сказал этот болван!

Подумать только, Кристиан притащился и сюда... Он оглядывался по сторонам, словно участвовал в какой-то военной операции, и в глазах его сверкали настороженность и любопытство.

— Видел, собака обнюхивала тебя? Это, чтобы навести ее на след!

— Молчи, подлиза!

— Если ты спрятал часы в лесу, они, наверняка, найдут их!

— Хотел бы я, чтоб кто-нибудь спрятал в лесу тебя!

— А что, если они вышлют тебя на остров Бастей?

— А что, если ты сию минуту заткнешься? Не то, так тресну по кумполу, что!..

Нильс размахнулся и ударил Кристиана прямо в глаз. Кристиан отшатнулся и угодил прямо в живот уполномоченному ленсмана Йоханнесену.

— Осторожней, парень,— предупредил его Йоханнесен.

— Это Нильс...— нет, не стану ябедничать! — сдержался Кристиан, прикрыв рукой глаз.

— Кончайте скандал, ребята!

— Я ничего не сделал! — воскликнул Кристиан.

— Я уверен, что Нильс не желает тебе зла,— сказал Йоханнесен.

— Я только хотел убить его насмерть! — медленно и отчетливо выговорил Нильс.

— Так что вы — свидетель! — заявил Кристиан.

— А ну, ребята, брысь! — крикнул Йоханнесен.

Йоханнесен объяснял Юннесдалу и Кари, сидевшей на хвосте в ожидании, что люди поручат ей какое-нибудь серьезное дело:

— Часы украли вот в этом заведении, а мальчик, которого подозревают в краже, живет вон в том желтом доме наверху, на косогоре. Тогда он пошел прямо домой и, во всяком случае, никаких больших крюков не делал, потому что вся семья ждала его. Если он взял посылку, то спрятал ее в лесу или в каменной осыпи наверху. Вряд ли он принес ее домой, потому что родители его — люди порядочные. Они не стали бы покрывать мальчишку, явись он домой с краденым.

Так что, скорее всего, часы в лесу. У него не было времени спуститься вниз к озеру.

— Он торопился?

— Да, но если это сделал мальчик, которого подозревают, то он хорошо ориентируется в здешних краях, мог давно знать прекрасный тайник — такие мальчишки играют в разные игры и находят столько удивительных вещей! Может, он просто искал что-нибудь, желая использовать свой тайник.

— Ладно, посмотрим. Идем, Кари!

Местность, которую им предстояло прочесать, была довольно неровной.

— Ищи, Кари!

Приземистая, сильная собака ткнулась мордой в подножье холма, искоса взглянула на хозяина и снова стала принюхиваться.

— Ищи, Кари!

В лесу было столько запахов, а на земле столько следов! Вот тут на кочках, поросших черникой, топтались дети. Может, надо найти ребенка?

Тут валялась старая подметка от башмака. Может, им нужно ее?

Продолжение. Начало см. в № 4—5.

Кари взяла подметку в свою огромную пасть и осторожно отнесла хозяину, взглянула на него, спрашивая, то ли это?

— Молодец, Кари! Спасибо, Кари! Ищи еще, Кари!

Кари не видела, что подметку выбросили. Ей нельзя было знать, что хоть какая-то ее находка забракована. Она поняла: им надо было видеть все то, что не пахнет лесом и не имело отношения к нему.

Кари прибежала с бутылочной пробкой, покрытой сверху фольгой. Может, это?

— Спасибо, Кари! Хорошие находки, Кари! Ищи еще, Кари!

Кари обнюхала несколько срубленных деревьев и дрова, сложенные штабелями. Может, такой штабель — хорошее место?

Иногда ей приказывали искать в другом направлении и тогда все начиналось сначала. Юннесдал разделил лес на несколько зон и отметил расстояния в одном и в другом направлениях. Ему надо было быть уверенным в том, что он прочесал всю его территорию и ничего не забыл. Кроме того, не надо было обследовать одно и то же место дважды.

Теперь они стояли посреди частого, но хилого можжевельника, росшего на вершине холма. Для того, кто хорошо знал эти места, здесь должны бы найтись прекрасные тайники. Такой колючий можжевельник умеет хорошо защищаться!

— Ищи, Кари!

Кари не обращала ни малейшего внимания на колючки. Шуба у нее была толстая и она не жалела времени на поиски.

— Хватит, Кари! Теперь пойдём, сюда!

Юннесдал обедал в гостинице, Соня накрывала на стол.

— Ух ты, какой красивый пес, — похвалила Соня, зная, что все люди любят, когда хвалят красоту их собак. Да и ничего против этого парня она тоже не имела.

— Может, ему хочется мясную кость?

Юннесдал сказал: «да, спасибо» и Кари тоже отчетливо сказала: «да, спасибо», когда перед ней появилась мясная кость...

Соня выплыла на кухню, где встретила с другой официанткой.

— Больно ты храбрая!

— Я храбрая? — спросила Соня. — С чего ты взяла!

— Подумать только, флиртовать с полицейским!

— Разве это полицейский? — спросила Соня.

— А ты не знаешь?.. Это полицейский, приехавший из Бергена с овчаркой-ищейкой, ну просто легендарной! Она может найти все на свете. Она ищет часы, которые украл тот самый мальчишка, что живет наверху, в желтом доме. Они, наверняка, их найдут!

— Да ну! — удивилась Соня.

Она больше не была так обходительна ни с боль-

шой серой собакой, ни с ее хозяином. «Единственно хорошо, что часы не пахнут», — подумала она. Безопасности ради она сняла свои красивые золотые часики, подаренные ей несколько дней назад, и сунула их в кармашек передника. Осторожность никогда не помешает!

Пообедав, Юннесдал закурил, Кари съела все, чем ее угостили, и они снова ринулись в лес — начать с того места, где кончили.

«Странная девица! — подумал Юннесдал. — Мясную запеканку она подавала с часами на руке, а кофе — уже без них. Может, стоит взять это на заметку».

Кари, с трудом схватив ее зубами, вытащила из земли старую консервную банку, наполовину забитую песком. Стемнело. Похоже, будет дождь. Прекратить что ли на сегодня поиски?

В стороне, у корней сосны, стояла, задрав хвост, Кари и принюхиваясь, усердно рыла землю, сопровождая работу коротким тьявканьем. Кари увидела уголок пакета, но он был слишком велик, чтобы как следует его схватить. Человеческой же руке схватить его ничего не стоило, а фамилия и адрес владельца были написаны сверху.

— Молодец, Кари! Спасибо, Кари! Прекрасные находки, Кари!

Юннесдал вытащил посылку и стал разглядывать ее и окрестности. Земля вокруг сосны на холме была твердой и сухой, и разглядеть какие-либо следы было невозможно. Но несколько метров ниже на холме виднелась полоска мха и болотистой почвы, и там сохранились следы мужских ног, чуть неотчетливые после дождя, но в них нельзя было ошибиться. Юннесдал тщательно снял отпечатки. Но, насколько он понял, там больше ничего нельзя было увидеть. Оставалось только окликнуть Кари, поблагодарить ее за хорошую службу, а потом ринуться в контору ленсмана со своими находками.

Нильс сидел в одиночестве у стены дома с ножом в руке и куском дерева, из которого можно было вырезать лодку. Но, впрочем, ему это было уже все равно, он уже вырос для лодок! Иногда он слышал, как кто-то в лесу окликал Кари. Один раз он различил ее силуэт среди березовых стволов.

— Эй, Нильс! — произнес прямо за его спиной Улав.

— Да! — не оборачиваясь, ответил Нильс.

— Подвинься, ты сидишь на самой середине скамейки.

Нильс не ответил ни слова, только чуточку подвинулся. Улав сел и посмотрел в сторону леса; он тоже не произносил ни слова.

— Улав! — крикнул кто-то внизу, у подножья холма. — Иди домой!

— Что случилось?

— Иди домой, слышишь?!

Улав встал и помчался вниз, заложив руки в карманы.

Немного погодя Нильс увидел, что Улав снова поднимается на вершину холма. Стало быть, он еще не совсем отвергнут, раз Улаву разрешили посидеть рядом с подозреваемым, пока вина его

еще не доказана! Улав вошел в калитку, а Нильс снова немного подвинулся на скамейке — пока Улав отсутствовал, он снова уселся посередине.

Мама вышла из дома с тарелкой бутербродов и двумя стаканами молока. Она хотела что-то сказать, но так и не смогла, а ставя еду между мальчиками, лишь погладила колено Улава.

Следом за Улавом на вершину холма поднялась его мама и прошла к фру Хауге. Мимоходом она сказала мальчикам, чтобы не засиживались слишком поздно.

— Вы ведь помните, завтра в школу!

Каникулы кончились.

Нильс сидел за партой и оглядывался в новой для него классной комнате. Он никогда не любил приниматься за учебу после каникул. Так было прежде. Но теперь, сегодня, это было почти невозможно выдержать.

Учитель подошел к Нильсу.

— Идем со мной, Нильс. Можешь взять с собой книги, потом пойдешь прямо домой.

Нильс собрал свои вещи. Что бы это значило? В его груди застыл ледяной комок отчаяния, делавший его таким несчастным, что он просто терял сознание.

— Тебе надо явиться к ленсману, — сказал учитель, когда они вышли в коридор. Он похлопал Нильса по плечу. — Удачи тебе, все наладится, вот увидишь!

— Твоих слов я никогда не забуду! — громко пообещал Нильс, спускаясь по школьной лестнице. — Когда я вырасту, а ты состаришься, я тебе помогу!

Он искал дорогу среди домов, нашел дверь комнаты и постучался. Кто-то сказал: «Войдите!», и он открыл дверь. Там сидели Йоханнессен, старик-ленсман и еще один человек, которого он не знал.

— Садись! — сказал старик-ленсман, глядя на него поверх очков.

Нильс сел.

— Мы нашли часы, — сказал ленсман. — Можешь что-нибудь добавить?

— Нет, — ответил Нильс.

«Теперь будет взрыв!» — подумал он. Но взрыва не последовало. Никто ничего не сказал. Никто не злился. Никто его не допрашивал.

— Сними-ка ботинок, — сказал незнакомец. — Правый.

Некоторое время они рассматривали ботинок, измеряли его и кивали головой. Невозможно было определить — хорошо это или плохо.

— Выше голову, парень! — сказал старик-ленсман. — Мы тоже этому не верим.

У Нильса голова кружилась от радости. Когда он вышел из конторы, ему казалось, словно с его плеч упала тяжелая ноша.

Но это длилось недолго и шаги его вновь стали тяжелы и медлительны, и снова обуяли его грустные мысли. Они все-таки не нашли того, кто украл часы. А пока не найдут вора, подозревать им, кроме него, некого.

Нильс прошел мимо школы, где девочки и маль-

чики, стоя на площадке, смотрели ему вслед. Кое-кто притворился, словно его там нет, а кое-кто ему улыбнулся.

«Хорошо вам демонстрировать, какие вы жестокие или добрые», — подумал Нильс.

Нет, в полиции не думали, что вором был Нильс. Это было бы чересчур легковесно. Ни единого отпечатка пальцев нигде, хотя посылка была исследована экспертами. Да еще пара часов, которая исчезла, как быть с ней?

Юннесдал рассказал, что девушка, накрывавшая на стол в гостинице, сняла часы, пока он обедал. Йоханнессен пошел в гостиницу побеседовать с Соней, он хорошо знал, что она за птица. Соня сказала, что у нее только одни часы, старые, дешевые и, пожалуйста, они могут на них взглянуть, вот они! Она сняла их вчера и положила в карман фартука, потому что мыла руки. Да, так оно и было, она мыла руки и сняла часы. Что-нибудь не так?

— Нет, все так. Пусть скажет, не знает ли она кого-нибудь, кто мог бы навести полицию на след пройдох, замешанных в этом последнем деле.

Широко открыв глаза, Соня спросила, откуда, ради всего святого, она может знать об этом. Ничего она не видела и ничего не знает.

— Она сказала, что ничегошеньки не знает, — доложил Йоханнессен старику-ленсману. — Она невинна, как только что распустившийся цветок. Но что-то она все же знает. Она не чувствовала себя уверенной. И глаза у нее бегали.

— У таких девиц глаза бегают всегда, — вздохнув, сказал старик-ленсман. — Они такие обманщики и выдумщицы, что глаза у них вечно бегают. Видишь ли, ей хотелось лишь одурачить тебя.

— Возможно, — согласился Йоханнессен.

В газете появилась фотография Кари с надписью: «Полицейская овчарка Кари совершает новый подвиг. Кари находит краденое в лесу. Старший полицейский Юннесдал и его овчарка Кари находят украденные часы». В газете были фотографии Кари и Юннесдала.

В газете было написано, что украденные часы найдены поблизости. Часовщик Монсен стоял на своем, — так было написано, — и держался обвинения, которое полиция безоговорочно не поддерживает. Можно было связать эту кражу с крупной кражей со взломом, совершенной на фабрике той же самой ночью.

Осень... дождь

Летели дни, летели недели, людские пересуды постепенно стихли. Пера Нильссона так и не нашли и ничего нового о краже часов не было слышно.

Осень выдалась скучнейшая, печальная и серая; дождь лил неделями.

Нильсу казалось, что он чувствует себя зверьком, который живет под камнем, нигде не видит света и никогда не загорает. А хуже всего, что читать книги стало не так интересно, как раньше.

Даже отец, который радовался и испытал такое облегчение осенью из-за того, что полиция закрыла дело, начал понемногу терять терпение; сын сидел угрюмый и молчаливый и отвечал лишь «да» и «нет», когда с ним заговаривали.

— Теперь ты должен собрать все свои силы, — говорил отец. — Ты должен снова стать радостным и веселым.

— Мне нечему радоваться, — ответил Нильс.

— У вас в витрине несколько пар красивых часов, — сказал Монсену уполномоченный ленсман Йоханнессен.

— Да, — сказал Монсен. — А как дела? Видно, не очень хорошо?

— Нет, нельзя сказать, что хорошо, — ответил Йоханнессен.

— Могу себе представить, — заметил Монсен. — Можете взглянуть хорошенько на мои новые часы, даже если не собираетесь их купить. А вообще нечего здесь торчать и грязнить мокрой пылью пол. Снимайте дождевик и повесьте его на вешалку, а я сварю кофе. Все равно пора закрывать лавку.

Йоханнессен повесил свою мокрую одежду и вошел в квартиру Монсена.

Так уж получилось, что они частенько играли в шахматы, дисциплинированно и по всем правилам — на деньги.

Монсен появился с кофе, а Йоханнессен между тем приготовил шахматную доску и расставил фигуры.

— А этот олух по имени Хауге — скоро Вы его арестуете? — спросил Монсен. — Похититель часов!

— Нет, на сей раз обойдется, — ответил Йоханнессен.

— Заведу-ка я собаку, пусть охраняет меня и мою лавку, — заявил Монсен.

— Бедная псина, — засмеялся Йоханнессен.

Осенний дождь хлестал оконные стекла здания суда в Бергене, лампы горели даже днем. Судья Абрахамсен сидел в черной мантии за своим столом, а по обе стороны от него приглашенные члены суда Бетти Ура и Якоб Мёркдал. Близ окна, перелистывая бумаги, разместился обвинитель. С противоположной стороны расположились, тихо беседуя меж собой, два защитника, а на скамье подсудимых сидели Расмус и Подхалим, страшась того, что может произойти.

Это не было развлечением. Ни при каких обстоятельствах.

Зачитали обвинение и начался допрос. Тетя Бетти смотрела на обвиняемых и ей было жаль их! Подумать только, какая жизнь! Немного воровства, немного обмана, попал в тюрьму, вышел из тюрьмы!..

Допрос занял немало времени и показался тете Бетти почти скучным.

Она вспомнила тот день, когда эти двое удрали из тюрьмы. Она хорошо помнила тот день, день рождения Нильса.

Это был тот самый день, который начался так

хорошо, а кончился так грустно для Нильса. Как там Нильс? Она видела его час тому назад. Надо ей поскорее прогуляться наверх, в Уру и навестить все семейство.

Наконец, заседание кончилось, судья вместе с приглашенными членами суда обсудил дело, и они пришли к единому мнению. Судья огласил приговор и произнес коротенькую речь о том, что им самим должно быть ясно: овчинка, мол, выделки не стоила, все было зря!

Подхалим серьезно ответил, что согласен с судьей.

— Когда наш срок кончится, мой друг Расмус и я начнем новую жизнь! — сказал он. — Мы обещали это друг другу, и Вы видите нас здесь в последний раз.

— Приятно слышать это! — ответил судья.

Расмуса Хёгле и Пера Эмиля Иенсена, по кличке Подхалим отвели обратно в тюрьму, а все остальные могли идти домой.

Тетушка была подавлена, нездорова и назавтра уже сидела в приемной у доктора, чтобы побеседовать о своей головной боли.

— Ничего опасного, — сказал доктор. — Но вы должны спокойно к этому отнестись, фрекен Ура. Ничего тут не поделаешь! Механизм начинает изнашиваться. Вы должны следить за собой. Возьмите краткосрочный отпуск на рождество и поезжайте в какое-нибудь уютное местечко. Есть какое-нибудь уютное местечко, куда бы вы могли поехать, как вы полагаете?

— Да, у меня множество таких местечек, — ответила тетя Бетти, повертев рукой.

Один

— Но, любезный мой Монсен, где это вы взяли такого? — спросил Йоханнессен.

Он использовал небольшой перерыв, чтобы пойти по делу и встретил часового мастера Монсена, одетого в желтый дождевик и с большой овчаркой на поводке.

— Как по-вашему? — спросил Монсен. — Я — болван?

— Какая огромная собака! — ответил Йоханнессен.

— Это — самый большой пес, какого я только видел, — сказал Монсен. — Его зовут Один и он будет караулить мою лавку.

Один понял, что речь идет о нем и завилял хвостом.

— Он вас слушается? — спросил Йоханнессен.

— Слушается? Один? Он слушается меня с первого слова, добр и ласков с самого первого дня, когда появился у меня в доме. Он понимает, кто умеет обращаться с овчарками, инстинктивно понимает. Удивительно, до чего умны такие собаки!

Монсен и Один ходили на прогулку каждый день, вернее, Монсен ехал на велосипеде, а Один бежал рядом. Чаще всего они выбирали плоскую дорогу вдоль озера, но случалось также, что Монсен, согнувшись над рулем, топтался на холме, где жили Хауге.

Нильс видел их иногда из окна своей комнаты — и когда они устремлялись наверх, на вершину холма, и когда снова спускались под гору. Да-да! Пожалуйста! Нильс, разумеется, никогда больше не станет беспокоить господина Монсена своими визитами!

В непогоду заняться было почти нечем. В горы не пойдешь, а это почти единственное настоящее развлечение в таком месте, как Ура.

Воздух там дивный! А какой открывается оттуда вид! Пока не выпал снег, отец иногда отправлялся на прогулку в горы вместе с Нильсом. Ну а когда выпал снег, стало хуже. У отца болело ко-

лено, не очень, правда, сильно, но вполне достаточно, чтобы длительная прогулка была ему не по силам.

Вот так и получилось, что Нильс большей частью ходил один. И это ему нравилось больше всего, так он по-настоящему ощущал себя несчастным, подозреваемым, злым.

Когда он ходил на прогулку или ложился вечером спать, им овладевала мечта, которой он наслаждался. О том, что он скажет Монсену, когда вырастет и разбогатеет.

Монсен же сидел в своей квартире с Йоханнесеном и Одним, чувствуя себя по-настоящему

уютно. Йоханнессен играл сам с собой в шахматы, а Монсен читал книгу, полученную из города, книгу об овчарках. Иногда, когда попадалось что-либо исключительно интересное, он читал Йоханнессену вслух. Йоханнессен лишь хмыкал. Он был целиком поглощен шахматами.

— Ну, как дела? — спросил Йоханнессен.

— Я убью его! — ответил Монсен.

— Кого? — спросил Йоханнессен. — Того, кто написал книгу?

— Нет, сперва пса, а потом того, кто продал мне этого калеку! — заявил Монсен. — Во всяком случае, я возбуждаю против него дело. Во всяком случае, он заберет свою дрянную ложную ищейку обратно!

Монсен был зол, сварлив и зол. Как тонко его надули! Что толку в родословной собаки, если у нее все пороки, какие только подобают простой беспородной животине!

Один подошел к хозяину, он видел, что Монсен расстроен. Монсен даже не заметил его, пока тот не положил морду ему на колено и не начал скрести когтями, чтобы привлечь внимание хозяина.

— Это — не твоя вина, Один! — сказал Монсен, погладив пса. — Но видишь ли, я чувствую себя одураченным. Так что сделка должна быть расторгнута.

— Ясное дело, — подтвердил Йоханнессен. — Нельзя, чтобы нас одурачивали. Мы и живем-то для того, чтобы глядеть в оба — как бы нас не надули!

— Чепуха! — произнес Монсен.

Он взглянул на Одина. Он не хотел, чтобы сделка была расторгнута, не хотел получить деньги обратно и потерять Одина. Он любил Одина.

«Я хочу поговорить с Одним и прогуляться с ним, — подумал Монсен. — Ничего не значит, что он колченогий и у него мятый хвост. Поскольку никто во всей округе не прочитает такую книгу, это ровно ничего не значит. Это — мой Один. Я хочу иметь собеседника, который понимает меня. Когда я говорю: «Один, скоро подует западный ветер», он знает, что это так, он чувствует».

Паук

Рождество было, во всяком случае, приятным. Мама, папа, малышка Иента и Нильс собирались праздновать наверху, в Уре, где давным-давно прошло детство мамы и тети Бетти. На старом гумне стояла маленькая, славная машинка тети Бетти, так что гумно было все равно что заполнено.

Тетя Бетти приехала пожить здесь, в горах; освободившись от уроков в школе, она собиралась отдохнуть.

Как будто тетя Бетти умела отдыхать! Она бегала по окрестностям в туфлях на толстой подошве, готовила угощение к рождеству, накрывала на стол, убирала со стола, включала и выключала радио, заводила граммофон и слушала рождественские псалмы.

А Нильсу подарили часы. Настоящие, хорошие часы, точь-в-точь такие, какие он хотел. Он получил их в подарок от тети Бетти.

Нильс вышел на кухню посмотреть, не может

ли он чем помочь, тетя в одиночестве напевала там, звеня посудой. Она возилась со стеклянным блюдом, с кремом и вареньем.

На дворе светила луна, в этом году выпал настоящий рождественский снег, который можно было освещать лунным светом. Почти против самого кухонного окна поднимала отвесно свои крутые стены Воронья гора и ледяные наросты отливали зеленью в лунном свете.

— Как по-твоему, можно взобраться на Воронью гору с этой стороны? — спросил Нильс.

Тетя Бетти не нуждалась в особом импульсе; и она тут же взмыла ввысь, словно воздушный шар. Немедленно бросив блюдо и кувшин, она воскликнула:

— Конечно, можно! Неотесанные парни, настоящие скалолазы!..

— Чудесно, — сказал Нильс. — Зачем они это делают?

— Неужели тебе непонятно это безумное желание? Неужели до тебя не доходит, что если ты вскарабкаешься, согласно всем правилам, по гладкому горному склону до самой вершины, ты победил! Мой дедушка поднялся на вершину горы Нипо, чтобы спасти ягненка, попавшего в расселину, а там были места, где ему пришлось цепляться пальцами за скалы. Никто не сказал ему, что это был спортивный рекорд. Но сам он знал это.

— Он поднялся, чтобы спасти ягненка? — спросил Нильс.

— Ты-то понимаешь, он радовался, что у него нашлось там дело, — сказала тетя. — Ты-то можешь уразуметь, что он был бедный человек, которому особо нечем было хвастаться в этой жизни, но он справился с этим.

— Справился с чем? — спросил Нильс, хотя он знал, что теперь он издевается над рассказом тети.

— Справился с этим! — ответила тетя.

Так сказала тетя Бетти, которая так ни разу в жизни не добралась и до середины флагштока.

— Я расскажу тебе кое-что, Нильс, — начала тетя Бетти, усаживаясь рядом с ним со своей ложкой. — В Альпах есть гора, которая называется Эйгер. Наверху, на лбу Эйгера, лежит большой ледяной торос, который называется Паук. Паук выскреб там место для самого себя и длинных, тонких своих лап. Тот, кто хочет победить Эйгер, должен одолеть Паука. Он должен хитростью пробраться сквозь его паутину, увидеть все опасности и спокойно отнестись к ним, рассчитать все шансы и все свои силы и совершить нужные прыжки. Но тот, кто справился с Пауком, победил.

А дело обстоит так, Нильс, что во всех нас сидят пауки. Кто-то должен выполнить свое предназначение в этом мире, кто-то борется с нищетой и плохим здоровьем, с глупостью и непониманием. Но у кого-то паук сидит внутри и он должен уничтожить его в собственных своих мыслях. И так уж обстоит дело с этими пауками, что каждый должен справиться с ними сам.

— Но кто-то может немножко и помочь, — сказал Нильс.

— Но только совсем немножко, — согласилась тетя. — А теперь пошли ужинать!

— Ты кричал всю ночь во сне, — сказала утром мама, когда все сидели за столом и завтракали. — Тебе приснилось что-нибудь плохое?

— Точно не помню, но, наверняка, что-нибудь о том, как я взбирался на Альпы, и вниз скатилось несколько снежных лавин.

— Эта ненормальная твоя тетка снова напугала тебя насмерть? — спросила, покачав головой, мама.

— Мальчик переел на рождество, — вмешался отец. — И у него была тяжесть в желудке.

— Да, конечно, что-нибудь такое, — сказал Нильс.

В этот день он не пошел на дальнюю прогулку, а лишь поднялся в горы, пока не увидел, стоя на дне долины, вершину Нипо.

Подхалим появляется вновь

Холода отступили, и все дороги опять стали мокрыми. Нильс спустился вниз, на станцию, — купить в лавке продукты. У него был с собой список всего, что ему нужно, и рюкзак, чтобы сложить туда все свои покупки. Он стоял, ожидая своей очереди.

И вот тут фру Грютте воскликнула, что потеряла банкноту в десять крон. Она стояла в очереди перед Нильсом. Она купила мясной фарш для запеканки, но когда дама, стоявшая рядом с фру Грютте, дала ей новый рецепт приготовления мороженой рыбы, фру Грютте захотела купить рыбу и фарш вынула из пакета. Но так как в лавке не было именно того сорта мороженой рыбы, который дама, стоявшая рядом с фру Грютте, считала лучшим, продавщица снова положила фарш в пакет. Под конец фру Грютте заплатила за покупки и собралась было идти, но тут ей пришлось в голову, что хорошо бы купить еще дрожжи и четверть килограмма изюма без косточек и, быть может, килограмм пшеничной муки. Она собиралась печь рождественский торт и никак не могла вспомнить, есть ли у нее дома мука.

И вот тут-то она и хватилась десятикрановой бумажки.

— Ничего более удивительного я в жизни не видела! О, это же Нильс стоит за мной! — воскликнула фру Грютте.

Наступила мертвая тишина, и Нильс почувствовал, что лицо его залилось краской.

— Что случилось? — спросил директор Хеллемюр, который был хозяином лавки, но обычно находился там, где продавали ткани.

— Десять крон исчезли и...

Продавщица переводила взгляд с фру Грютте на Нильса и снова на Хеллемюра. Хеллемюр тоже перегнулся через прилавок и посмотрел на грязь, покрывающую пол.

— Не видел я никакой десятикрановой бумажки, — сказал Нильс, чувствуя сам, что голос его звучит странно. Закрыв рот, он огляделся. В лавке было совсем тихо, все смотрели на него и фру Грютте.

— Воровство — страшное дело, — негромко

произнес один из горожан. — Нельзя даже допустить такую дурную мысль.

Нильс обернулся на того, кто говорил, маленького лысого человечка без возраста, бледного и серьезного, с маленькими пухлыми ручками.

— Понимаешь, этот Нильс уже был замешан в таком деле раньше, — сказал один из подростков, держа руки в карманах брюк.

— Врешь! — сердито воскликнул Нильс.

В лавке шла борьба — кто из них прав — он или фру Грютте.

— Не надо примешивать к воровству еще и лживость, — сказал серьезный человечек. — Странно, как эти подростки ведут себя! Мне кажется — ужасно! Должно быть они из неблагополучных семейств.

Оглянувшись в поисках единомышленников, он повернулся к Нильсу и дружелюбно покачал головой.

— Отношение к юношеским преступлениям теперь не очень жесткое. Их называют мальчишескими шалостями! Добрая старомодная строгость могла бы спасти многих мальчиков, ступивших на ложный путь!

— Ты — ты — ах ты, подхалим! — вскричал Нильс.

Склонный к полноте мужчина тут же утратил всю свою благостность. Совершенно неожиданно он превратился совсем в другого человека, узкоглазого и опасного.

— Этому надо положить конец! Иди сюда, мальчик! — позвал его Хеллемюр. — Идем ко мне в контору, мы обыщем тебя!

— Нет! — воскликнул Нильс.

— Мы заставим тебя силой, если не пойдешь по-хорошему! — пригрозил Хеллемюр, ударив кулаком по прилавку.

Это, конечно, причинило ему боль, он начал тереть ладонь. Положив еще раз руку на прилавок, он решил перепрыгнуть через него, но потом одумался и обошел кругом. Но ничуть при этом не смягчился.

— Пойдешь ко мне в контору, или тебя отведут к ленсману!

«Паук, — подумал Нильс, — Вот ты и стоишь перед Пауком! Ты должен быть спокоен и хладнокровен и не давать волю своей злобе. И не должен произносить слов, в которых после расквешься!»

— Пусть будет ленсман! — сказал Нильс. — Существует же закон в этой стране!

— К тому же он еще и дерзкий, — заметила продавщица.

— У меня было 50 крон, — снова стала рассказывать фру Грютте, — и я оплатила счет в 32 кроны и несколько эре. А теперь у меня осталось всего лишь несколько крон и одна десятикрановая бумажка, а их должно быть две!

— Да нет, — возразила продавщица. — Извините... В таком случае у вас, фру Грютте, должна остаться всего одна десятикрановая бумажка.

— Пятьдесят, от них отнять тридцать две... — произнесла фру Грютте и вдруг покраснела. — Да, подумать только, извини, это я ошиблась. Теперь все выяснилось и все в порядке.

Кое-кто улыбнулся. Мальчишеский голос, по-

слышавшийся в хоре голосов, спросил, не поведет ли Хеллемюр Нильса к ленсману или, быть может, Нильс хочет отвести к ленсману Хеллемюра?

— На этот раз ты вышел сухим из воды,— сказала фру Грютте, погладив Нильса по голове.

— Хватит! — разозлился Хеллемюр.— Ты заслужил трепку за свою дерзость.

Но Нильс понимал, что он победил, что все мальчишки считают фру Грютте душой, а Хеллемюра болваном, так что все теперь хорошо. Нильса обслужили, он оплатил покупки и ушел. Солнце село, ветерок над фьордом не был больше таким веселым. Незнакомый святоша из лавки стоял за дверью, ожидая его, а потом пошел следом за ним по дороге.

— Ты обозвал меня скверным словом,— сказал он.— Кто-нибудь называл меня так? Ты где-нибудь слышал эту кличку?

— Нет,— ответил Нильс, пытаюсь вспомнить, что он сказал. «Подлиза» или какое-то другое слово? — Прошу извинить, если я был груб. Пони-маешь, я так разозлился!

— У кого совесть чиста, не должен злиться,— сказал человек.— Вообще-то я хотел бы, чтоб мы стали друзьями, я люблю водиться с ребятами, которым приходится не так легко.

— Спасибо. До свидания! — попрощался Нильс.

— Всего доброго, мой молодой друг,— сказал Подхалим.

Он стоял, глядя вслед Нильсу, и ему казалось странным, что мальчик случайно назвал его старую кличку, хотя только впервые увидел его. Скорее всего, это просто совпадение. Ведь здесь никто его не знает.

Подхалим направился по проселочной дороге, подальше от Уры, в сторону города.

Почти все поля были покрыты слоем снега в человеческий рост вышиной. Подхалим только что был выпущен на свободу, он отбыл срок наказания, да еще ему немного скостили за примерное поведение. У Расмуса срок был больше, он не выйдет из тюрьмы раньше пасхи.

Прекрасно, прекрасно, пусть Расмус сидит там, где сидит. Подхалима ничуть не беспокоит, если Расмус просидит до самого лета. Самое главное — найти деньги, и потому Подхалим подумал, что лучше всего ему прогуляться наверх в Уру и вырыть деньги.

Но снежный покров был в несколько метров толщиной, и было почти невозможно найти место, где закопаны бочата. Подхалим стоял на дороге и смотрел. Даже если бы он совершенно точно знал, где лежат бочата, он не осмелился бы пробираться в глубоких сугробах, чтобы выкопать деньги. Люди могли бы спросить, что ему тут надо.

Ничего другого не оставалось, только ждать, когда растает снег. Но к пасхе явится Расмус, и кто его знает, что может придумать этот человек. У него хватит наглости самому вырыть деньги. При том, как обстоят дела, остается лишь заниматься скучной работой, которую он получил на фабрике, да следить за пассажирами, прибывающими поездом и автобусом, да ждать весны.

В отдалении, на повороте появилась дама, пожи-

лая дама. Подхалим поразмыслил, не следует ли ему взять на себя труд познакомиться с ней. Частенько важно поговорить с какой-нибудь пожилой дамой, в особенности, незамужней.

— Извините,— сказал Подхалим, приподнимая шляпу. В этот самый миг ему явственно показалось, что он уже видел ее, и что воспоминание ему — неприятно, но не мог вспомнить, где и по какому случаю с ней встречался.

— Да? В чем дело? — спросила тетя Бетти.

— Знакомы ли вам здешние края? — спросил Подхалим.— Я ищу человека по фамилии Рольстад.

— Нет, к сожалению, эту фамилию я совершенно точно — не знаю.

Подхалим пошел рядом с ней.

— Это человек, который чрезвычайно интересуется движением в пользу трезвости.

Обычно он пользовался именно этим приемом, чтобы выяснить, чем интересуется одинокая дама, так легче было подружиться.

— Так вы, Йенсен, интересуетесь теперь движением в пользу трезвости? — спросила идущая рядом с ним маленькая, склонная к полноте дама.— Это — хорошо!

Подхалим чуть не сел от удивления. Но тут же вспомнил ее. Она была членом суда, когда его судили! Он быстро овладел собой.

— Да, к счастью, у меня появились новые, благородные интересы и я вступил на путь строгого исполнения долга.

— Приятно слышать,— сказала маленькая дама.

«Рада — не рада!» — думал Подхалим. Ну и жуткая же невезуха встретить ее! Возможно, она и станет держать язык за зубами, но эта встреча ему вовсе не понравилась.

Наверняка, она стояла там и видела его в аккурат, когда он снова встретил Омара! Правда, многие тогда входили в автобус и выходили оттуда; так что не совсем точно, что она заметила Омара, который вышел из автобуса. Хотя он, этот идиот, вел себя довольно глупо!

— Милый, старый Пер! — сказал Омар.— Ты даже не знаешь, как я рад снова встретиться с тобой. Ты мог бы, во всяком случае, навестить к старому другу и поздороваться с ним, прежде чем отправиться сюда!

— Ты страшно назойлив! — сказал Подхалим.

— Как ты можешь говорить такое старому боевому товарищу! — упрекнул его Омар.

Но тетя Бетти слышала их разговор. «Фу, надо же, эти подозрительные прежние дружки вынырнули здесь, чтобы свести с пути истинного Йенсена, который исправился, стал хорошим человеком, трезвенником и прочее!..» — подумала она.

Многие желают получить долю в добыче

Хмурый Подхалим сидел на краю кровати. Омар сидел на стуле, посмеиваясь над ним, и курил так, что пепел сыпался ему на грудь.

— Понимаешь,— говорил Омар,— Расмус думал так: Подхалим выйдет на волю раньше меня. И на всякий случай, только на всякий случай, он подсказал мне, где спрятаны деньги. Понимаешь, ему не хотелось явиться сюда слишком поздно и выкопать одни лишь мелкие камешки, да картошку, не обнаружив даже следа денег.

— Ерунда! — решил Подхалим.— Расмус никогда бы этого не сделал. Не мог он больше полагаться на тебя, чем на меня.

— Но на этот раз он поступил именно так,— заверил его Омар.

— Ты врешь, батюшка! — сказал Подхалим.— Где же они?

— Думаешь снова обмануть меня? — спросил Омар.

— Глупости! — сказал Подхалим.— Но пока снег не сойдет, делать здесь нечего.

— Теперь снег тает быстро,— сказал Омар.— Я поселюсь пока у тебя.

— Конечно, это не то, чего бы мне больше всего хотелось, но думаю, хозяйка нам этого не разрешит,— сказал Подхалим.— Комната снята для одного человека.

— С ней мы поговорим,— пообещал Омар и тут же отправился к хозяйке. И, разумеется, он уговорил фру Руд! Но ему пришлось заплатить задаток. А матрац, который он получил, чтобы на нем спать, был матрацем давным-давно.

— Подумать только, какие люди жадные! — сказал, качая головой, Омар и поглядел на матрац, на котором спал.— Я ростом выше тебя, Подхалим, так что вообще лучше бы тебе спать здесь, а мне — в кровати.

— Ты так считаешь? — спросил Подхалим.— А я, представь себе, вовсе этого не считаю.

— Это ненадолго,— продолжал Омар. Он лежал на матраце, глядя на свои ноги, лежавшие совершенно отдельно на полу.— И за это я заплатил задаток за месяц вперед! Но когда растает снег и придет Расмус, я получу сотню тысяч крон и смогу уехать, куда хочу.

— Вот как, ты надумал дожидаться, пока придет Расмус? — спросил Подхалим. Так он и знал. Омар и не подозревал, где спрятаны деньги!

— Не тот я человек, чтобы обмануть товарища,— сказал Омар.— А пока я тоже буду работать на фабрике.

Подхалим не ответил ни слова. Сидя на краю кровати, он выворачивал пятки и думал, что как-то нехорошо все получается.

Приподнявшись на матраце, Омар сказал:

— Я кое-что надумал! Не стоит мне устраиваться работать на фабрику, потому что пока мы там, явится Расмус и надует нас обоих. Ты работай и добывай нам еду, а я лучше буду стеречь все поезда и все автобусы и приглядывать за Расмусом!

— Тебе кажется — ты — очень хитрый, да? — спросил Подхалим.— Мне это не кажется.

— Нет, нет, это было всего лишь дружеское предложение,— пошел на попятный Омар.

Но мало этого, внезапно явилась Соня! Постучавшись и даже не дожидаясь, пока кто-нибудь скажет: — «Войдите!», она влетела в каморку и шлепнулась на стул.

— Что, у тебя здесь жених? — спросил Омар, снова усаживаясь на матрац.

— Жених здесь, жених там! — улыбнулась Соня.— Ты бы мог сначала навестить меня, Миккелсен! Да, тебя ведь зовут Миккелсен, не правда ли? Ты так назывался, когда был здесь летом? Дай-ка вспомнить, это было однажды в августе, разве не так?

— У него столько имен, фрекен,— вмешался Омар.— Чаще всего мы называли его Подхалим.

— Тогда я тоже буду называть его «Подхалим»,— сказала Соня.— И спасибо за часы. А как поживает твой друг, который назвался Йоахимом, он сюда в ближайшее время не собирается?

— Выкинь его из головы,— посоветовал Подхалим.— Он бегаёт за всеми девушками, уж такой он.

— Там, где он сейчас, не очень-то побегаешь,— сказала Соня.— И как ужасно мило с вашей стороны ждать здесь Йоакима.

— Йоахим, кто же это? — спросил Омар, не понимавший, о чем они говорят. Он был немного тугодум, этот Омар.

— Иногда его зовут Йоахим, а иногда — Расмус,— продолжала Соня.— И, наверное, через несколько недель его выпустят. Не знаю, назначили ли вы с ним свидание, но это сделала я.

— Это просто замечательно,— елейнейшим своим голоском произнес Подхалим.— Расмус, наверняка, жутко обрадуется, при виде тебя. Он говорил об этом много раз.

— Приятно слышать,— отрезала Соня.— Я тоже по-настоящему рада снова встретиться с ним, да, я тоже. Понимаете, ведь мы помолвлены, а когда поженимся, поедem в длительное свадебное путешествие за границу, так я решила.

— У него есть маленькая слабость — обманывать девушек,— сказал Подхалим.

— Меня он не обманет,— снова отрезала Соня.— У меня есть как бы маленькое преимущество перед моим возлюбленным, вот как.

— Глаза завидующие, руки загибающие! — заметил, покачав головой, Подхалим.— Смеется тот, кто смеется последний. Не сомневаюсь, Расмусу хочется быть по-настоящему щедрым, когда он с тобой, но не надейся получить слишком много.

— Хо! — воскликнула Соня и, закурив сигарету, пустила струйку дыма в сторону Подхалима.— А я-то думала, что счастье мое обеспечено. Я знаю некоторых хитрых парней, которые мечтают поделиться со мной тем, что припрятали, а не то им самим хуже будет.

— Таким девушкам, как ты, нельзя играть с огнем, можно и пальцы обжечь,— пригрозил Подхалим.

— Не беспокойся, я поберегу свои пальцы,— пообещала Соня.

— Подумать только, какие дерзкие девчонки бывают на свете! — удивился Омар.

— Мы идем в кино,— заявил Подхалим.— Ты идешь, Омар?

— А я приглашена? — спросила Соня.

— Разумеется,— ответил Подхалим.

Продолжение следует

ШКАТУЛКА ЛЮБОЗНАТЕЛЬНЫХ

И. МЕТТЕР

Рисунок Л. Московского

Существует старинная китайская легенда о том, кто первый изобрел... зонтик! Около тысячи лет до нашей эры жена одного плотника похвалялась тем, что она умеет делать «крышу, которая всегда с тобой». Так ли это — проверить трудно. Но, что изобретатель зонтика облагодетельствовал человечество — в этом сомневаться не приходится.

Известно, что в древнем Египте, за 1200 лет до Рождества Христова, богиня неба Нут изображалась в виде изогнутой фигуры, распростертой над миром подобно зонтику. А египтяне благородных кровей шествовали в те времена под зонтами, которые держали над ними рабы.

Зонты изготовлялись самой прихотливой формы. Так, над головой китайского императора высился зонтик четырехэтажный на манер пагоды. А король Сиамы обзавелся уже семиэтажным зонтом. Японский же император в торжественных случаях выходил в сопровождении слуги, который нес над ним красный шелковый зонтик — эмблему абсолютной власти!

Королевский зонтик служил символом высокого монаршего достоинства в Эфиопии и в Марокко. Он достигал высоты трех с лишним метров! А в Дагомее зонтик короля был украшен 84 человеческими челюстями и увенчен черепом.

В Индии и сейчас зонтик носят для того, чтобы показать, что его обладатель — человек не из последних. А когда-то в той же Индии в могилы умерших принцев крови клали и зонты. Вероятно, не было уверенности в том, что погода на том свете так уж безоблачна.

Кстати стоит сказать, что римляне — люди вполне серьезные и изобретательные, использовали в давние времена зонты в основном для других целей — для защиты от горячего средиземноморского солнца.

Интересно, что Робинзон Крузо, как пишет Даниэль Дефо, смастерил свою собственную модель зонтика на все случаи жизни: зонтик был крыт «шкурой мехом наружу, так что он хорошо защищал от дождя и от солнца».

Не обошлось в длинной истории зонтика и без смешных эпизодов. Известно, что в повседневную жизнь почти каждого уважаемого англичанина входит зонтик: без зонтика он, как правило, не выходит на улицу. Но оказывается и британские офицеры часто брали зонты с собой в бой! Во время войны 1813 года офицерам был прочитан специальный приказ герцога Веллингтонского, по которому «не одобрялось употребление зонтов, когда противник ведет бой». Предлагалось «не выставлять себя на посмешище в глазах армии».

Хотя, с другой стороны, французский маршал Никола Сульт, командовавший боем при Ватерлоо, отмечал: «Шел дождь, и английские офицеры на лошадях держали в руках зонты. Это показалось мне в высшей степени смешным и нелепым. Вдруг, как по команде, все они сложили свои зонты, прицепили их к седлам, выхватили сабли и бросились на нас».

А в США военно-морское ведомство недавно — два года назад — разрешило морякам в форме носить зонты — но непременно черного цвета и в левой руке, чтобы отдавать честь.

Наконец, упомянем совсем забавную историю. Оказывается, существуют и съедобные зонты! Например, в Бангладеш зонты делают из банановых листьев, и их опасно оставлять в местах, до которых может добраться корова: с зонтом придется распрощаться навсегда.

Патенты на изготовление зонтов стали появляться около 200 лет назад — в конце XVIII столетия. Предлагались зонты для экипажей, для верховой езды, зонты-трости, зонты автоматически раскрывающиеся и телескопические. А один дотошный изобретатель придумал даже зонтик с громоотводом — с острием и заземлением в виде ядра на длинной проволоке.

Перед самым началом второй мировой войны в Италии был открыт «Музей зонтов от непогоды и солнца». В экспозиции находится около 200 дождевых и солнечных зонтов.

В древней Ассирии некогда правил воинственный и жестокий царь. Его любимым занятием было покорять соседние государства. Ассирийская конница и боевые колесницы приводили врага в ужас, войска воевали очень умело. Побеждал этот царь потому, что пользовался советами своих придворных мудрецов во главе со старейшим и мудрейшим из них. Царь ценил ум своих подданных.

Случилось так, что ассирийская армия полгода не могла захватить осажденный ею приморский город, даже всем придворным мудрецам не удавалось придумать способа похитрее для победной атаки.

Царю донесли, что защитой города руководит мудрец по имени Александр. Видно, недаром на греческом языке это имя означает «защитник людей»!

Раздосадованный царь, видя, что теряет лучших воинов, пообещал снять осаду, если город заплатит ему выкуп золотом и выдаст Александра. Горожане согласны были на выкуп, но выдать умнейшего и лучшего своего собрата отказались наотрез!

Скоро в городе кончились запасы еды, и его защитники совсем ослабели. Тогда решил Александр принести себя в жертву для спасения родного города. Велел он погрузить богатый выкуп на повозку и в предрассветный час втайне от

спавших соотечественников покинул их и явился в стан врага.

Царь удивился его смелости, золото принял и приказал, чтобы Александр служил у него мудрецом. «А не станешь мне служить — я не только казню тебя, а разрушу твой город», — произнес жестокий завоеватель.

Но старейший и мудрейший из царских мудрецов не захотел терпеть при дворе молодого соперника. И придумал для него испытание, втайне надеясь погубить Александра. Хитрый старик сказал: «О великий царь! Надо бы сначала проверить, так ли мудр этот человек. Вели поместить его в шатер с двумя выходами, да спрячь за одним палача с топором. А в шатре перед каждым выходом поставь по стражнику. И прикажи одному из них говорить только правду, а второму — только ложь! И чтобы незнакомец не знал, который из стражников лжет и за которым из выходов спрятан палач, а стражники это знали. И пусть наш пленник, раз он так умен, задаст любому из стражников один единственный вопрос, на который можно ответить просто «Да» или «Нет». А услышав ответ, пусть сам решает — как выйти из шатра, миновав палача. Но вели сразу отрубить ему голову и разрушить город, если пойдет он через тот выход, за которым спрятан палач».

«Будь по-твоему, — согласился жестокий царь, — пусть испытает свою судьбу».

И отвели Александра в шатер с двумя выходами, один из которых вел на смертную казнь. Но какой именно? Два грозных стражника, — один с длинным мечом, а другой с копьем — стали у выходов. Они были готовы пропустить пленника. Но куда идти, чтобы не лишиться головы? Они были готовы ответить на его единственный вопрос, хотя один из них обязательно соврал бы. Но кто из них лгун, — тот что с копьем, или другой — с мечом? И какой же придумать вопрос, чтобы даже неправильный ответ стражника-лгуна помог правильно выбрать выход?

Мудрый Александр недолго находился в шатре, и вскоре спокойно прошел через тот самый выход, за которым палача не было.

«Его хранит бог», — усмехнулся царь.

«Так-то оно так, — сказал старейший из мудрецов, — но говорят, что дуракам везет. Если он случайно выбрал правильный выход, ему не место при царском дворе. Пускай скажет, что он спросил у стражника и почему».

Царь подозревал пленника и велел, чтобы он объяснил, как выбрал правильный выход.

«О повелитель! — начал Александр. — Я ведь не знал и теперь не знаю, кто из стражников лжет. Мой вопрос дол-

жен быть таким, на который оба — и лгун, и правдивый стражник, дадут **ОДИНАКОВЫЙ ОТВЕТ**. Например, «Да», если за выходом прячется палач, и «Нет» — если это выход на свободу. Или наоборот.

«Что-то очень мудреное, говори яснее,— велел царь,— Что же ты спросил у стражника?»

«Подошел я наугад к тому, что с копьем, и спросил его: «У входа, за которым спрятан палач, стоит лгун?» Он ответил «Да», и я сразу пошел через выход, который он охранял».

«А если бы он сказал «Нет»? — спросил царь.

«Я бы пошел к другому выходу» — ответил пленник.

«Что-то уж слишком просто у тебя получается — если «Да», то сюда, если «Нет», то туда. Этак каждый может. Но ведь если бы ты пошел **ТУДА**, то мы бы уже не говорили: **ТАМ** палач, а отрубленная голова говорить не умеет. Выходит, тебе повезло?»

«Нет, о повелитель! — отвечал Александр.— Никак не мог я услышать слова «Нет» у выхода на свободу. Если стражник с копьем говорит правду и ответил «Да», то лгун стоит у другого выхода, и за ним — палач. А этот выход — на свободу».

Но если стражник с копьем сам лгун и отвечает «Да», то это неправда — палач спрятан не за ним, а за другим выходом.

Получается, кто бы ни был стражник с копьем,— лжет он или говорит правду, он, если только палача за ним нет, на мой вопрос ответит «Да». Значит, мне нужен тот выход, где отвечают «Да».

Зато у выхода, за которым спрятан палач, мне бы ответили «Нет», и я бы сразу пошел к другому выходу».

«Да-а,— протянул озадаченный царь, делая вид, что все понял,— ты был груб с моей стражей. Ступай обратно в шатер и придумай вопрос повежливей!» А сам потихоньку велел палачу спрятаться теперь за другим выходом, а стражникам стоять на прежних местах.

Но пленник почти сразу вышел через свободный от палача выход, возле которого стоял стражник с мечом.

«Ну-ка отвечай нам, что ты спросил у стражника!» — потребовал царь.

«Я спросил: «У выхода на свободу стоит правдивый человек?» — сказал Александр.— Стражник ответил «Да», и я пошел через этот выход. Потому что, если он сказал правду, то это выход на свободу».

А если, ответив «Да», он солгал, то это тоже выход на свободу,— просто возле этого выхода стоит лгун.

«Понятно,— сказал царь,— а если бы тебе ответили «Нет», ты пошел бы к другому выходу?»

«Конечно»,— облегченно вздохнул пленник, радуясь, что царь наконец все понял.

«Мой повелитель,— вмешался седобородый старейшина мудрецов,— пора отрубить иноземцу голову! Он издевается над нами! Ведь он задал такой же вопрос и снова оскорбил охрану! Спрашивать — правдивый ли человек стоит у выхода на свободу, это то же самое, что спрашивать, не стоит ли лгун у выхода на казнь».

«А можно придумать другой спасительный вопрос?» — заинтересовался царь у своего старейшего мудреца.

«Конечно можно, о повелитель, и твои мудрецы обязаны справляться с такой задачей»,— отвечал старейший.

Александр понял, что не сносить ему головы: какой бы вопрос он ни придумал, хитрый старик все равно не потерпит его при царском дворе. Упал Александр на колени и сказал: «О, великий царь! Прикажи снова подвергнуть меня этому страшному испытанию, но молю тебя: если я справлюсь с твоей хитроумной задачей, вели отпустить меня к моему народу».

Царь давно уже догадался, что не хотят его придворные мудрецы принять пленника в свою компанию. И согласился.

«Будь по-твоему,— сказал он,— а не справишься — быть тебе без головы, а городу — в руинах!»

В третий раз поместили Александра в ужасный шатер. Поменяли местами стражников, а палача оставили на прежнем месте: теперь перед выходом на казнь встал стражник с мечом.

Медленно текло время, наконец радостный Александр вышел из шатра мимо стражника с копьем — где не было палача.

«Что спросил ты у стражника?» — прогремел грозный царь.

«Я спросил копьеносца: «Скажи, если я спрошу у того, что с мечом, ведет ли этот выход на свободу, он мне ответит «Да»? Копьеносец сказал — «Нет», и я пошел через его выход».

Царь сделал вид, что все понял.

Александра отпустили на свободу, а город был спасен.

На самом деле царь и на этот раз не понял ничего!

Но мы-то с вами разобрались, не так ли? Напишите нам, как рассуждал Александр.

В. ВАСИЛЬЕВ,
профессор

ОТВЕТЫ К ЗАДАЧАМ,

помещенным в очерке
«Первые шаги в науку». № 3.

Задача о мудрецах. Если на мне черный колпак, то второй мудрец предположит, что если на нем, втором, черный, тогда третий видит 2 черных и сразу скажет, что на нем самом белый, потому что черных только два. Но третий молчит, значит видит на втором белый. Рассуждая так, второй давно бы сказал, что на нем белый колпак. Так было бы, если бы он видел на мне черный. Но мудрецы молчат. Значит и на мне белый.

Устные задачи. 1. 60 десятков. 2. Запятую. 3. 3 булки разрезать на 4 части и 4 булки на 3 части. 4. $(666-66) : \sqrt{6}$

Задача о треугольнике на клеточной бумаге. Пусть длина стороны A треугольника — число рациональное. Тогда его площадь $A^2 \sqrt{3}$ — иррациональна. Треугольник с вершинами в узлах можно достроить прямоугольниками, площадь которого рациональна. Поэтому она не может состоять из суммы рациональных площадей прямоугольных треугольников и иррациональной равностороннего.

Рисунки К. Почтенной

РАССКАЗЫ О РЕСТАВРАТОРАХ

Т. Волынкина

1. ШКАТУЛКА ДЛЯ ИМПЕРАТРИЦЫ

Два раза горел тульский оружейный завод...

И решили построить новый. Да и технологию на заводе пора было менять на более современную.

Придумали проект завода. Мечтали не только оружие делать, но и металлический товар для честного народа самый

Если взглянуть на узоры на платье, они будто из драгоценных разноцветных камней. Но это — украшения из стали. Разноцветную сталь умели делать тульские мастера, гранили сталь, словно агаты или изумруды, удивляли иноземцев секретами великого мастерства...

разный. Но для постройки завода были нужны деньги и немалые.

— Пошлем гонцов к матушке-императрице, она денег даст!

Проект Екатерина II одобрила, но насчет денег ничего не сказала.

Решили напомнить императ-

рице о себе подарком. Да не простым, а с намеком. Поручили эту работу лучшему из мастеров Андрияну Суханову.

И вот подарок готов. Большая стальная шкатулка. Придирчиво оценили ее мастера: все как надо сделал. Воронение, золотая насечка, брильянтовая огранка. А на крышке... проект завода! Здания, переходы, площади. И еще были там две фигурки: мужская с молотком и щипцами и женская с атрибутами царской власти.

— Гляди-ка, императрицу изобразил внизу крышки, а оружейника вверху посадил. Лихо! Получается, что наш брат важнее императрицы.

— Так-то оно так, а вдруг разгневется она? И вместо денег всех накажет?

Призадумались мастера: нежелательный поворот событий. И придумали ход: вложили в шкатулку шахматы собственного изготовления. Знали, что императрица очень любит эту игру.

Приняла подарок Екатерина II, похвалила. А в деньгах все же отказала. Посчитала, что и одного оружия, которое продолжал выпускать старый, наполовину сгоревший завод, для ведения войн хватит. А все прочее — излишества...

...Прошло два столетия. Давно умерла Екатерина II. И хранилась подаренная ей шкатулка в Эрмитаже.

В блокаду в Эрмитаж попала бомба. Разрушила Каретный сарай, где спрятали шкатулку. И залило бесценную шкатулку водой.

Конечно, воду вылили. Шахматы тщательно протерли и высушили. Но через многие годы та вода напомнила о себе: шахматы стали разрушаться и гибнуть...

В реставрационной лаборатории Эрмитажа я удивилась, услышав жужжание бормашины. Но это реставратор Михаил Александрович Федоров полировал деталь от пешки. Оказывается, каждая шахматная фигурка из шкатулки импе-

ратрицы состоит из многих деталей. Конь с русалочьим хвостом, король, офицер, еще не разобранные, ждали своей очереди. Только я протянула руку, чтобы взять и поближе рассмотреть чудесные фигурки, как услышала вежливое:

— Лучше не трогать. Со временем отпечатки пальцев проявляются и дают коррозию.

Коррозия — это ржавчина. Вот так одним движением можно свести на нет всю кропотливую работу реставратора.

Как врач, он сначала ставит диагноз: шахматы больны! У них облезло воронение, потускнела драгоценная насечка, не играет брильянтовая огранка. Как лечить?

На столе у реставратора современный микроскоп и ювелирные инструменты. Над столом на кронштейне толстенная лупа. На особой подставке маленький токарный станок — в пятьсот раз меньше обыкновенного.

Все это и много чего еще нужно Михаилу Александровичу для работы. Он и токарь, он и слесарь, и полировщик, и коррозийщик, и кузнец, и ювелир... Человек-завод!

Есть у современных мастеров-реставраторов инструменты, о которых и мечтать не смели тульские златокузнецы. Есть такие же золотые руки и верные глаза. Но нет Андрияна Суханова. И не у кого спросить: «Из какого железа ковалась шкатулка и шахматы? Чем и как полировали? Как делали насечку и огранку?»

Ответы разгадывает Михаил Александрович. И от того, насколько они верны, зависит жизнь бесценных фигурок.

— Смотрите, какие шахматы! Как играют брильянтики на хвостах у коней, как сверкают короли и пешки!

Вот и вся история о шкатулке для императрицы. Ее сделал один мастер, спас другой. Вместе они подарили людям чудо: неповторимые шахматы и шкатулку, второй которой в мире нет.

2. ВРЕДНЫЙ ЖУК

Шел мальчишка по Эрмитажу, экскурсовода слушал, резинку жевал. Надоела жвачка, прилепил ее к какому-то старому сундуку и дальше пошел.

Долго корпел над сундуком еще в XVI веке мастер. Украшал резьбой и умением собственных рук гордился. Как вещь удивительной старинной работы, и попал сундук в Эрмитаж. И теперь уже миллионы людей дивились искусству.

Но до всего этого мальчишке не было дела. Как и до того, что свел он на нет усилия многих людей, хранивших и оберегавших чудо-сундук.

Жук-точильщик прибежал на запах жвачки ночью. Нюхнул и даже пробовать не стал: невкусная еда, ненатуральная, синтетическая. То ли дело сундук: из сухого старого дерева. Точильщик как раз мертвой древесиной питался.

— Хрр! — вгрызся он в сундук. И дальше пошел — ход бурить.

Прошло время.

Шел по Эрмитажу хранитель. Внимательно доверенную ему коллекцию осматривал: все ли в порядке? Как вдруг:

— Тук-тук-тук, — негромко донеслось из сундука. Будто часы постукивали. Но хранитель точно знал, что никаких часов в сундуке не было.

Это уже много точильщиков в сундуке расплодилось, ходы прогрызло. Постукивали они головами о стенки хода, друг другу сигналы подавали:

— Я тут, а ты где?

И так это у них ритмично получалось, будто действительно часы тикали. «Часами смерти» прозвали эти звуки суеверные люди, когда слышали их у себя дома. Мол, это смерть предупреждает о своем приходе.

Хранитель не был суеверным. И быстро догадался что за часы могли появиться в старинном сундуке. И срочно направился в лабораторию биологического контроля и защиты.

Холодно человеку — он надевает теплую одежду, жарко — снимает ее. Ни картины,

ни статуи этого сделать не могут. Но они тоже страдают от перепадов температур: мутнеет лак на картинах и трескается краска, разрушаются скульптуры, покрывается патиной металл, тускнеет блестящее золото... Чтобы этого не случилось, работает в эрмитажной лаборатории биозащиты специалист-климатолог. Внимательно следит, чтобы в залах всегда поддерживалась определенная температура и влажность воздуха.

У миколога другая задача — уберечь эрмитажные сокровища от плесени. Она может поселиться где угодно: на вазах и на картинах, мебели и камнях.

Но хранитель обратился не к ним, а к энтомологам. Жук-точильщик, как и другие синантропные насекомые — по их части.

здесь, в Эрмитаже специалисты не раз все обдумают и взвешают, как бы не повредить экспонаты.

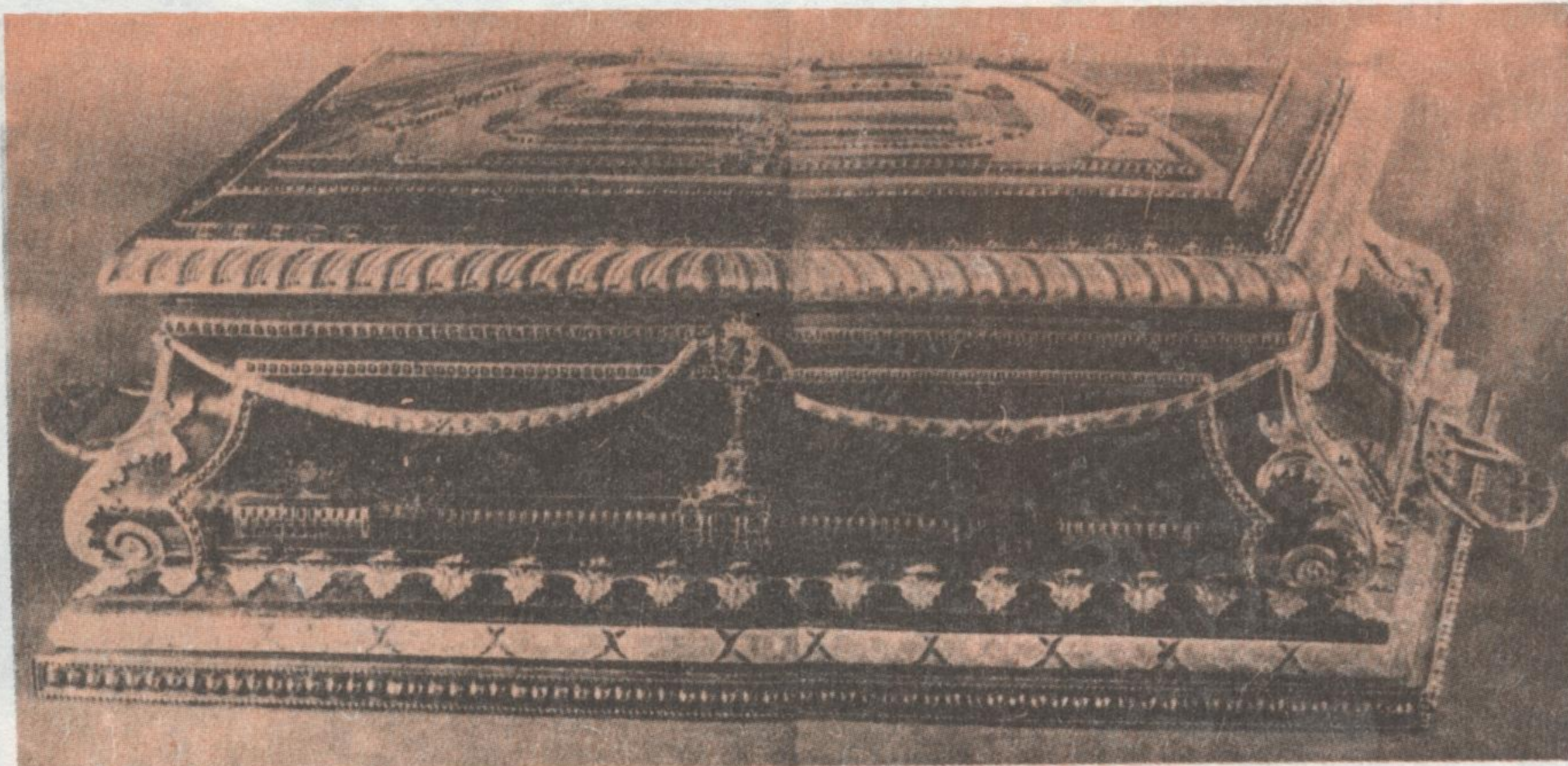
Потому что хранятся в Эрмитаже миллионы бесценных вещей, они беззащитны.

О них заботятся хранители, реставраторы и... консерваторы. Так еще называют сотрудников лаборатории. Они защищают произведения искусства от разрушающего действия времени. Они придумывают хитрые ловушки для вредных насекомых.

Но никакая ловушка не спасет от бездумно жующего мальчишки. Если только он сам поймет: зачем отовсюду сюда приходят и приезжают люди.

Топают ноги, шаркают ноги... Этот шелест шагов никогда не смолкнет в эрмитажных залах. Но как выдерживает это музей?

Ведь Эрмитаж — это старый,

Стальная шкатулка Екатерины II

Синантропные — значит приспособившиеся к существованию рядом с человеком. Проще, домашние насекомые. Их немало: жужелицы, слоники, усачи, древогрызы, кожееды... Среди семейства кожеедов есть даже музейный кожеед — рыжий враг мехов и кож. А жук-притворяшка любит гербарии и старые книги. Чуть что, подожмет лапки, свернется и притворится мертвым. Правда, эти его проделки в лаборатории раскусили уже давно. Не понаслышке знают тут моль. По вкусу ей в Эрмитаже ковры и шпалеры, гобелены и меха.

Но если дома любую букашку-таракашку можно вывести с помощью бытовой химии, то

очень старый дом. Он построен двести лет назад. Может быть, через сто лет его закроют для посетителей и будут показывать лишь на видеолентах? Или построят для него специальный чехол, как для первого дома в городе на Неве — домика Петра Первого? Или...

— Не волнуйтесь, — ответили мне в Эрмитаже. — Эрмитаж останется великим музеем и через сто и через пятьсот лет. И также будет открыт для всех. Никакие фильмы не заменят его красоту, чудеса его залов и произведений искусства, увиденных воочию. Но чтобы Эрмитаж не старел, он постоянно реставрируется внутри и снаружи.

Фото Б. Гесселя

ИМЕНЕ ХРИСТА, издохженное для детей

Л. ТОЛСТОЙ

28

И РАЗ подошел к Иисусу человек, пал перед ним на колени и сказал: — Учитель благой, скажи мне, что мне делать, чтобы получить жизнь вечную?

Иисус сказал: — Что ты называешь меня благой? Никто не благой, только один бог. Знаешь заповеди, исполняй их.

А человек сказал: — Заповедей много, какие? — Иисус и говорит: — Не убивай, не блуди, не лги, не кради, не обижай никого, почитай отца и мать.

А человек сказал: — Эти заповеди я исполняю от юности.

Иисус посмотрел на него и полюбил его и говорит: — Одного тебе недостает, — пооди, и все, что есть у тебя, продай и раздай нищим.

И человек смутился и молча отошел, потому что у него было большое имение.

И Иисус сказал ученикам: — Вот видите, как трудно богатому войти в царство божие. — Ученики ужаснулись на эти слова, а Иисус еще раз повторил и говорит: — Да, дети, трудно, трудно богатому войти в царство божие. Легче верблюду пройти в ушко иголки, чем богатому войти в царство божие. — И они еще пуще ужаснулись и говорили между собой: — Если не иметь ничего, то как же жить после этого, — замерзнешь, умрешь с голоду.

Христос сказал: — Это только кажется страшно плотскому человеку, духовному же человеку это легко. Тот, кто поверит в это и испытает, тот узнает, что это правда.

29

И ЕЩЕ сказал Иисус: — Нельзя служить зарав двум господам: богу и богатству, воле отца и своей воле. Надо одно из двух: служить одному или другому.

И фарисеи слышали это — фарисеи любили богатство и смеялись над этими словами Иисуса. И Иисус сказал им: — Вы думаете, что потому, что вас за богатство почитают люди, что вы и точно

Продолжение. Начало в № 2—5.

почетны. Нет, бог не смотрит на то, что снаружи, а смотрит на сердце. То, что перед людьми высоко, то мерзость перед богом. В царство божие входят не богатые, а нищие.

Иисус знал, что фарисеи верят в то, что после смерти люди поступают одни в ад, другие в рай, и сказал им о богатстве такую притчу.

Он сказал:

Был один человек, очень богатый; он каждый день гулял, рядился и веселился. И жил в том же месте нищий и коростовый человек, по имени Лазарь. И приходил Лазарь во двор богача, надеясь, не останутся ли объедки от богачева стола; но и объедков Лазарю не доставалось, богачевы собаки все подъедали, да еще и Лазарю облизывали струпья. И вот умерли оба: и Лазарь, и богач. И вот в аду увидал богач вдалеке Авраама, и смотрит, — Лазарь коростовый с ним сидит. Богач и говорит: Авраам, батюшка, тебя я беспокоить не смею, а вижу, с тобой сидит Лазарь коростовый, тот, что у меня под забором валялся. Так пришли мне

помочит и даст мне глотку освежить, потому горю я в огне. А Авраам говорит: за что же мне к тебе в огонь Лазаря посылать? Ты в том мире чего желал, то и имел, а Лазарь только горе видел. Да и хотел бы сделать по-твоему, да нельзя. Нет общения между вами и нами. Тогда богач говорит: если так, то пошли ты, батюшка Авраам, Лазаря хоть ко мне в дом. У меня пятеро братьев осталось, так жалко мне их. Пусть он скажет им, что от богатства бывает, а то как бы и они не попали в такую же муку, как и я. А Авраам говорит: они и так это знают. Это и Моисей и все пророки говорили. А богач и говорит: все бы лучше, если бы кто из мертвых воскрес и к ним пришел, — они бы лучше одумались. А Авраам говорит, если и Моисея, и пророков не слушают, то хоть и мертвый воскреснет, и того не послушают.

30

ПОСЛЕ ЭТОГО Иисус ушел в Галилею и жил там со своими родными. И когда пришел иудейский праздник — обновление сени, то братья Иисуса

собрались идти на праздник и стали звать с собой и Иисуса. Они не верили в его учение и говорили ему: — Вот ты говоришь, что иудейское служение богу неправильно, а что ты знаешь настоящее служение богу делом. Если ты точно думаешь, что знаешь то, чего никто, кроме тебя, не знает, так вот иди с нами на праздник, там народу будет много, там при всем народе и объяви свое учение. Если все поверят тебе, тогда и ученикам твоим будет видно, что ты прав. А то что же скрываться. Ты говоришь, что наше служение богу ложно, что ты знаешь истинное, ну и покажи его всем.

И Иисус сказал им: — Каждому делу свое время. Пойду, когда придет время.— И братья его ушли, а он остался.

И на празднике было много народа, и народ спорил об учении Иисуса. Одни говорили, что учение его истинно, а другие говорили, что он только смущает народ. В половине праздника сам Иисус пришел в Иерусалим и вошел в храм. В притворе храма стояла скотина — коровы, быки, бараны, и были сделаны садки с голубями, и сидели за лавками менялы с деньгами. Все это нужно было для того, чтобы подавать жертвы богу. И Иисус, войдя в храм и увидав много народа, прежде выгнал скотину из храма, и голубей всех повыпустил, и деньги менял все рассыпал. И потом сказал всем:

— Пророк Исаия сказал: «дом бога не храм в Иерусалиме, а весь мир людей божьих». А пророк Иеремия тоже сказал: «не верьте лживым речам о том, что здесь дом вечного, не верьте этому, а перемените жизнь свою и не судите лживо, не угнетайте странника, вдову, сироту, не проливайте безвинной крови, и не приходите в дом бога и не говорите: теперь мы спокойно можем делать дурное. Не делайте дома моего вертепом разбойников. Я, бог, не радуюсь, вашим жертвам, но радуюсь вашей любви между собой». Поймите, что значат слова пророка: живой храм — это весь мир людей, когда они любят друг друга. Служить богу надо не в храме, а жизнью в духе и добрыми делами.

Все слушали и дивились его речам и спрашивали друг друга, откуда он, не учившись, знает все это. И Иисус, услышав то, что все удивлялись его речам, сказал: — Учение мое не мое, но того, кто послал меня, потому что кто от себя выдумывает, тот ищет славы от людей, а кто ищет того, чего хочет тот, кто его послал, тот справедлив, и нет в нем неправды. Я учу вас только исполнению воли отца. Если станете исполнять эту волю, то узнаете,

что не я выдумал то, что говорю, а что это учение от бога.

И многие сказали: — Говорят, что он лживый пророк, а вот он говорит все явно, и никто ничего не говорит против него. Только по одному нельзя верить, что он мессия, посланник божий,— это потому, что сказано, когда придет посланник божий, то никто не будет знать, откуда он родом, а мы знаем его и всю его родню.

Тогда Иисус сказал им: — Знаете меня и откуда я по плотскому, но не знаете, откуда я по духу. Не знаете, от кого я по духу, а его только и надо знать. Если бы вам сказали, что я мессия, вы поверили бы мне, человеку, а не верите богу, который и во мне и в вас. А надо верить одному отцу.

31

И МНОГИЕ из народа, увидав все это и услышав его, говорили: он точно пророк. Другие же говорили: это мессия, а

иные говорили: разве из Галилеи может прийти мессия? Сказано в писании, что мессия придет от семени Давидова из Вифлеема, из того места, откуда был Давид.

И зашел о нем спор, и началось волнение в народе.

И тогда первосвященники послали служителей схватить его, но служители не решились взять его. И когда они возвратились к первосвященникам и фарисеям, фарисеи сказали им: — Что же вы не привели его? — Служители отвечали: — Никогда человек не говорил так, как этот человек.— Фарисеи сказали им: — Неужели и вы

прельстились? Уверовал ли в него кто из начальников или из фарисеев? Поверил в него только народ проклятый. А народ невежда в законе.

И разошлись все по домам.

Иисус же пошел на гору Елеонскую и там ночевал с учениками, а утром опять пришел в храм, и опять много народа пришло слушать его. И он опять учил их. Он сказал: — Учение мое свет миру. Кто примет его, тот не будет ходить во тьме, но будет ясно видеть, что хорошо и что дурно. Я учу тому, чему учит всякого человека отец мой дух, пославший меня.

Они сказали: — Где твой отец?

Он сказал: — Если бы вы знали меня, вы знали бы и отца моего.

И сказали ему: Кто же ты?

Он сказал: — Я тот дух, которому не было начала и не будет конца. Я сын человеческий, но признаю отцом своим дух божий. Когда вы возвели-

чите в себе сына человеческого, тогда узнаете, что такое я, и тогда поймете, что я ничего не делаю и не говорю от себя, но делаю и говорю только то, чему научил меня отец.

32

И ИУДЕИ окружили его и сказали: — Все, что ты говоришь, трудно понять и не сходится с нашим писанием. Не мучай нас, а скажи нам прямо: ты ли тот мессия, что по нашему писанию должен прийти в мир?

И отвечал им Иисус: — Я уже говорил вам, кто я, но вы не верите. Делайте же то, что я говорю, тогда поймете, кто я и для чего пришел.

Кто идет по мне и делает то, что я говорю, кто принимает мое учение и исполняет его, тот соединяется со мною и с отцом.

Я и отец — одно.

И иудеи оскорбились этими словами и взялись за камень, чтобы убить его.

И он спросил их: — За что вы хотите убить меня?

Они сказали: — Мы хотим убить тебя за то, что ты, человек, делаешь себя богом.

И отвечал им Иисус: — Я сказал, что я сын божий и соединяюсь с отцом, когда исполняю волю его. Тот, кто признает себя сыном бога, тот перестает быть рабом, а получает жизнь вечную. И как раб в доме хозяина не живет всегда, а сын хозяина всегда в доме, так и человек, когда живет духом, соединяется с отцом и живет вечно.

Истинно говорю вам: кто соблюдает слово мое, тот не увидит смерти вовек.

И тогда иудеи сказали ему: — Теперь узнали мы, что бес в тебе. Авраам умер и пророки умерли, а ты говоришь, что кто соблюдает слово твое, тот не увидит смерти вовек. Неужели ты больше отца нашего Авраама? Авраам умер и пророки умерли, а кто соблюдает твое слово, тот не умрет.

И Иисус сказал: — Истинно, истинно говорю вам, прежде нежели был Авраам, я есмь.

Иисус говорил про тот дух божий, который жил в нем и живет в каждом человеке и которому нет ни конца, ни начала. Но они не понимали этого.

Иудеи не знали, что с ним делать, и не могли присудить его. И пошел он опять за Иордан и оставался там.

33

И ОДИН РАЗ, в то время, когда Иисус возвращался в Иерусалим, два ученика его, Иаков и

Иоанн, подошли к нему и говорят: — Учитель! Обещай нам, что ты сделаешь нам то, о чем мы попросим тебя. — Он говорит: — Чего вы хотите? — Они говорят: Чтобы мы были равны с тобою. — Но Иисус сказал: — Вы сами не знаете, чего просите. Каждый человек может своим усилием войти в царство отца, но никто другой не может сделать этого для другого.

И Иисус подозвал других учеников и сказал всем: — Мирские люди, цари и начальники ссорятся между собою, кто постарше, кто младше. А между вами не должно быть ни старших, ни младших; между вами большим будет только тот, кто будет всем слугою. Между вами, кто хочет быть первым, тот считай себя последним, потому что по воле отца сын человеческий не затем живет, чтобы ему служили, а затем, чтобы самому служить всем и отдать плотскую жизнь за жизнь духа.

34

И НА ЭТО сказал Иисус еще такую притчу. Он сказал:

Вышел раз хозяин рано поутру нанять работников в виноградник свой и, договорившись с работниками по гривне за день, послал их в виноградник свой; потом вышел около завтрака и увидел других рабочих без работы и им сказал: идите и вы в виноградник мой, и что следовать будет, дам вам. Они пошли. Опять вышел около обеда и около полдника и сделал то же. И уже вечером нашел еще людей без работы и сказал им: что вы стоите здесь целый день без дела? Они

сказали: никто не нанимал. И он сказал: идите и вы в виноградник мой, и что следовать будет, получите.

Когда же пришло время к расчету, говорит хозяин виноградника своему управителю: позови работников и отдай им равную плату, начав с последних и до первых. И те, кто пришли вечером, получили по гривне. Те же, что пришли первыми, думали, то они получают больше, но получили тоже по гривне.

И эти первые стали роптать на хозяина виноградника и говорить: эти работали один час, а мы целый день с утра, и ты сравнивал их с нами.

Хозяин же сказал им: напрасно вы ропщете. Разве вы не уговорились со мною по гривне? Возьмите, что вам следует, и идите. А если я хочу дать последнему то же, что и первому, то разве я не властен в своем делать, что хочу? Вы обижаетесь за то, что я добр, и завидуете брату. Это нехорошо.

То же и с людьми: рано или поздно исполнит человек то, чего хочет от него бог. Всем равно, и последним то же, что и первым.

Продолжение следует

«ТАЙНАЯ ВЕЧЕРЯ» ГИРЛАНДАЙО

«Кватроченто» — это XV век в Италии: эпоха Возрождения в расцвете, хотя вершина «золотого века» еще впереди. В среде горожан возник новый тип человека — творца. Каждый из них мастерски владеет своим делом, гордится им, возводит его на высоту искусства. При этом едва ли не каждый сочиняет сонеты, играет на лютне, сведущ в науках или художествах. Они равно свободно работают в самых разных видах творчества: живописец чертит проект храма и руководит строительством, скульптор расписывает стены фресками и декоративные блюда...

Это признание ценности каждой человеческой личности, признание ее права на развитие всех способностей стало основой гуманизма эпохи Возрождения (от латинского слова «гуманус» — человеческий). Искусство освобождается от церковных догм, и, кажется, сама религия становится более светской. Изображая библейские сцены, художники воплощали в

них собственное, новое понимание мира. «Если Бог создал человека по своему образу и подобию, — рассуждали они, — значит, постигать законы природы вовсе не грешно». И стали изучать анатомию и реальные пропорции человеческого тела. Открыли и законы перспективы, с помощью которой можно изображать глубину пространства. До сих пор эти открытия служат азбукой грамоты для каждого будущего художника.

Одним из крупнейших живописцев XV века был Доменико Гирландайо (1449—1494). Гирландайо — прозвище художника, прозвали его так потому, что он придумал и ввел в моду головные украшения флорентийских женщин в виде гирлянд. Несмотря на славу ювелира, Доменико оставил это занятие и посвятил себя монументальному искусству. В 1480 году он выполнил фресковую роспись для церкви Сан Марко во Флоренции на тему «Тайная вечеря».

Христос сидит среди учени-

ков в центре длинного стола и благословляет преломленный хлеб и вино. Иуда, уже замысливший предать Христа, изображен отдельно, спиной к зрителю. Он уже принял из рук учителя кусок хлеба, понял, что Христос знает о его предательстве. Несколько позднее Леонардо да Винчи, обращаясь к теме «тайной вечери», разовьет драматический характер предательства, где каждый из апостолов по-своему откликается на слова Христа: «один из вас предаст меня». В изображении Гирландайо все же главное — еще не психологизм, а религиозная сущность таинства утверждаемой в этот момент новозаветной Пасхи. Об этом свидетельствует тянущаяся над головами сидящих латинская надпись со словами Христа из Евангелия. Но при всей сдержанности поз и жестов участников вечера, каждый из них имеет свой характер, живо и чувственно запечатленный живописцем.

Анатолий БАСЫРОВ

УЩЕЛЬЕ, ГДЕ КРИЧАТ ПТИЦЫ

Днем в Нохуре тихо и малолюдно. Изредка проедет на ишаке какой-нибудь седобородый старик в ярком халате и тельпеке — головном уборе на подобие папахи. Или, погоняя хворостиной мула, пройдут девочки — туркменки, в платьях до пят, косынках и пионерских галстуках.

На узких, обнесенных высокими каменными заборами улочках, эти старики и девочки появляются неожиданно и так же неожиданно исчезают. Мне кажется, что они исчезают не за ближайшим поворотом дороги, а где-то в глубине веков нохурской истории.

Старый учитель Какá Нурмурадов халата и тельпека не носит. Не носит и бороды. Он худ и высок, у него добрые голубые глаза. Сейчас он сидит на корточках под деревом и монотонно бормочет загадочные и непонятные слова:

Мой-мой, сия мой,
Сарих мой, сефик мой,
Гузмаган мей,
Рагымы сэн?

— Обязательно постарайся запомнить, — шепчет моя подруга и переводчица Гуля. — Это офсун — самое настоящее заклинание. Им можно спасти жизнь человека после укуса тарантула. По-русски оно звучит так:

Паук-паук, черный паук,
Желтый паук, глупый паук,
Страшный паук,
Враг ли ты?

Но это — только первый офсун. Всего их четырнадцать. И сначала заклинатель как бы заигрывает с тарантулом, а затем сам ему угрожает. Вот пример: «Сюда приходи, отсюда выходи. Не выйдешь — прижгу каленым железом, клянусь великим Аллахом! Выходи вместе с богачами, с семьей крепостными, семьей мулами, с двенадцатью братьями. По одному, тьфу, выходи. Не выйдешь — прижгу каленым желе-

зом, сровню с землей. Ей-богу, так сделаю...»

— И ты веришь в подобные чудеса? — спрашиваю я Гулю, с которой целых пять лет вместе училась в Ленинградском университете.

— Да, — отвечает она, почти не задумываясь. — А ты?

Я не знаю, что ей сказать, и отвечаю вопросом на вопрос:

— Значит, если тебя укусит тарантул, Какá-ага сможет тебя спасти?

Но вопрос задан не ей, и старый учитель это понимает. Он долго молчит. Потом медленно поднимается и говорит:

— Знать заклинания. — не самое главное. Что из того, что я знаю их наизусть? Ничего. Нужно не только знать, но и уметь командовать войском джиннов. Если б я умел ими командовать, я бы мог помогать. К сожалению, сейчас никто этого не умеет. Но я знал

человека, который мог спасти от беды! Его звали Торе-ходжа. Это было еще до войны с фашистами. Хорошо помню, как председатель нашего колхоза просил Торе-ходжу лечить людей, укушенных тарантулом. И он их вылечивал. В 1940 году я сам наблюдал обряд исцеления. Когда Торе-ходжа кончил читать заклинания, у больного не осталось на руке даже пятен от укуса. Хотите верьте, хотите — нет, но так было.

До школьного музея рукой подать, но идем туда долго — в поселке есть что посмотреть. Нохур сам как экспонат — экспонат фантастического музея, что называется Средней Азией.

По дороге замечаю какие-то развалины — оказывается, здесь была медресе, мусульманская школа. В медресе изучали арабский и персидский языки, мусульманское право и законоучение.

Потом, у кого-то во дворе, меня подводят к большим диковинным камням. Их бока блестят как отполированные. На одном — окаменевший отпечаток лапы неизвестного крупного животного. На другом — вдавленные в каменную поверхность три окружности, одна в другой. И Какá Нурмурадов снова начинает рассказывать, называя имена древних героев. Но — увы! Я почти ничего не понимаю. Воодушевляясь, рассказчик то и дело переходит на туркменский, а Гуля забывает переводить — она сама впервые в жизни слышит эту историю.

Третий раз мы сворачиваем с дороги, чтобы посмотреть огромную чинару со сквозным дуплом. Оно начинается у основания дерева и поднимается гораздо выше человеческого роста.

— Издавна повелось, — гордо произносит Нурмурадов, — что даже зимой, замерзая от

мороза, человек не возьмет даже опавшей ветки этой чинары, чтобы затопить печку. Чинара такая старая, что и отцы сегодняшних стариков не помнили, сколько же ей лет.

Рядом с чинарой я увидела и дерево дагдан с круглой кроной, словно подстриженной. Наилучшие амулеты — дагданы — из его древесины.

Интересуюсь, — значит, люди перестали верить в силу дагданов, если сдали их в музей?

Услышав это, Нурмурадов сморщился и опять остановился:

— Нет, не перестали. Просто они ушли из жизни. Понимаешь?

По шаткой деревянной лестнице поднимаемся на каменную террасу. Дом, который здесь стоит, ничем не выделяется среди других. Единственное его отличие — бюст какого-то красивого человека, установленный на высоком постаменте. И опять открытие — Нохур расположен вдали от больших дорог. Приезжих тут почти не бывает. Вот жители и посчитали излишним вывешивать на доме табличку «МУЗЕЙ». Все и так это знают. Знают, и кому поставлен памятник — Мухамметкули Атабаеву. В начале века он построил этот дом для первой нохурской школы.

Как и Нурмурадов долго стоит перед дверью. Долго вытаскивает из кармана ключ и открывает замок.

И вот мы в музее. Вокруг меня на витринах громоздятся старинная утварь. Глиняные посудыны — хумы — для зерна, воды или вина вообще стоят на полу, настолько они большие. А самовары какие необыкновенные! С виду — узкогорлые

кувшины с носиком, ручкой и крышкой. В Нохур их привезли еще в прошлом веке, из Хивы.

— Когда впервые ставили самовар, воду наливали в трубу, — улыбается Нурмурадов. Он, побывавший в Египте и Индии, Иране и Пакистане, сейчас смотрит на историю родного аула как бы со стороны.

На других стендах — старинное оружие. В каждую трещинку на прикладе въелась земляная пыль.

А вот и дагданы. Они буквально притягивают к себе взгляд, желтые бусинки-вкрапления имитируют сердолик, голубые — бирюзу. Натуральным камням придавалось особое значение: считалось, что они сами по себе имеют чудодейственную силу. Однако ту же силу приписывали и бусам, всего лишь близким по цвету сердолику и бирюзе.

— Но что все-таки, что означает форма дагдана? Все эти «рыбки» и треугольники? В одной книге я прочла, что фигурки, похожие на человеческие, с косым крестом вместо лица — это «духи предков».

— Спрашивал я стариков, спрашивал! Почему дагдан имеет тот или иной вид? Никто не может объяснить... Уверены только, что фигурки служили еще и украшением.

Нурмурадов убежден, что некоторым амулетам и три, и пять веков! Они ведь передавались по наследству — так и дошли до нас.

Мы с Гулей рассматриваем потемневшие от времени фигурки и ощущение такое, будто они — теплые! Теплые от прикосновений многих рук. Дух захватывает — сколько ж человек их держали в руках, счита-

ли своими... А потом приходил черед передать их детям или внукам.

И пока мы молча восхищаемся, Нурмурадов — директор, экскурсовод и хранитель музея в одном лице, и все на общественных началах — спокойно объясняет.

— Эту коллекцию я собирал вместе со своими учениками еще в 60-е годы. Тогда все было иначе. Наша главная тема — старинные традиции, верования, народная медицина — была вроде как под запретом. Нам не давали помещения, так что несколько важных экспонатов пропали. Самое большее, на что можно было рассчитывать — это маленькие витрины в коридоре школы, где я и тогда работал, ни о статьях в журналах, ни о научных исследованиях никто не мечтал. Поэтому решили передать часть старинных дагданов в Ленинград, в Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого. Отдали от безнадежности сохранить их и показать людям здесь.

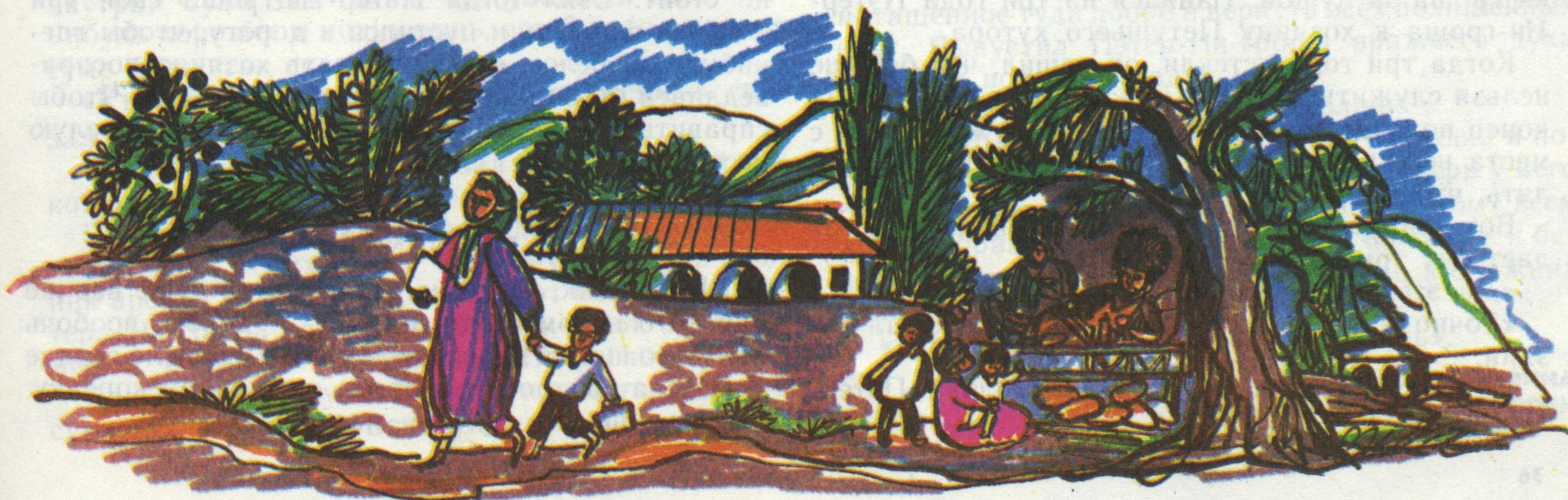
— Иными словами, подарили. А могли бы и продать, и деньги — на ваш музей.

— Вообще-то за дагданы денег никогда не брали. Даже мастера не требовали платы за работу... А теперь и подавно их нельзя продавать и покупать. И это у нас знают даже первоклассники.

Е. ПОЖИДАЕВА

Рисунки **А. Ивашенцовой**

За большую работу по изучению истории родного края редакция журнала «Костер» награждает Почетным дипломом краеведческий кружок Нохурской средней школы Туркменской ССР.

Пэтер-Ни-гроша и чудесная сумка

ЭСТОНСКАЯ НАРОДНАЯ СКАЗКА

Рисунок В. Топкова

Жил однажды батрак, и звали его Пэтером-Ни-гроша. Потому так его звали, что не было у него ни гроша за душой. Нанялся на три года Пэтер-Ни-гроша к хозяину Петушьего хутора.

Когда три года истекли, он решил, что больше нельзя служить. То есть, можно-то можно, но под конец получится столько денег за службу, что и с места не стронешь. Что ж тогда, часть-то оставлять, что ли.

Вот пришел он к хозяину за жалованьем, а тот дает ему три русские копейки.

«Да этого, сдается, вроде маловато».

«Точно в самый раз этого будет», — сказал хозяин.

«Да я работал-то, как вол», — молвил Пэтер-Ни-гроша.

«А ел-то, как два», — ответил хозяин.

Видит Пэтер-Ни-гроша, что с хозяином рядиться не стоит. Взял тогда Пэтер-Ни-гроша свои три копейки в горсть и пустился в дорогу, чтобы где-нибудь на белом свете отыскать хозяина посправедливей и заработать денег побольше. Чтобы справиться с печалью, он себе сочинил веселую песенку:

Солидный денежный доход —
Три года по копейке в год...

Шел он так, песня на устах, да на душе все же забота о новом месте. Вдруг — у дороги пообочь какой-то нищий просит подаяния. Дрогнуло сердце у Пэтера-Ни-гроша, и отдал он нищему копейку. Сам же пошел дальше, напевая:

Солидный денежный доход —
Три года по копейке в год.
Днем нищий встретился, и вот
Теперь копейкой меньше счет.

Теперь его песенка стала чуть подлиннее. Между пением он все же подумывал, что вот доберется до какого-нибудь придорожного кабачка и тогда на эти две копейки купит чего-нибудь для подкрепления брэнного тела. Да через какое-то время опять у дороги пообочь нищий, как посмотришь, вида куда более плачевного, чем первый. Пэтер-Ни-гроша как глянул, так и отдал нищему копейку. А сам знай себе идет дальше, напевая:

Солидный денежный доход —
Три года по копейке в год.
Днем нищий встретился, и вот
Теперь копейкой меньше счет.
Второй пришел за первым вслед
И денежку просил подать.
Уже не стало двух монет,
А все ж не стоит унывать.

Шел все вперед и вперед, назад не смотрел. Между пением-то думал, конечно, что и встретится какой-нибудь кабачок у дороги, а ничего там для подкрепления тела не получишь. Одна копейка в кармане, что на нее сделаешь. Видит, опять у самой дороги какой-то нищий и уже руку к Пэтеру-Ни-гроша тянет. Пэтер-Ни-гроша печалиться не стал, бросил последнюю копейку нищему и заспешил себе дальше. Потом запел:

Солидный денежный доход —
Три года по копейке в год.
Днем нищий встретился, и вот
Теперь копейкой меньше счет.
Второй пришел за первым вслед
И денежку просил подать.
А третья где же? Тоже нет —
Пришлось последнюю отдать.

Теперь, поспешая, Пэтер-Ни-гроша чувствовал, что на душе у него полегчало, больше никакого дела с деньгами он не имел. Но вот и кабачок при дороге... Пэтер-Ни-гроша вошел все же в дверь. Сел в уголок на скамью и задумался. Самое время поесть, да денег нет. Видит, тот самый нищий, кому он последнюю копейку отдал, тоже входит в дверь кабачка и садится возле него. Пэтер-Ни-гроша посмотрел на нищего исподлобья, узнал, только и всего. Нищий, однако, спросил:

«Есть-то хочешь?»

«Да уж не больше твоего», — молвил Пэтер-Ни-гроша.

«А не хочешь ли ты себе суму, с молотками внутри? Сума эта такая, что увидишь если что-нибудь хорошее и подумаешь, вот бы это у меня в суме было, так сразу и будет».

«Кто же такой вещью погнушается», — сказал Пэтер-Ни-гроша.

«Ну так, вот и она», — сказал нищий и подал ему кожаную суму. Нищий же распрощался и ушел.

Пэтер-Ни-гроша думал посидеть еще немного, чтобы дать отдых ногам. Тут ему в ноздри проник аромат пекущейся колбасы, от которого у Пэтера-Ни-гроша слюнки побежали. «Вот бы ее ко мне в сумишку», — подумал Пэтер-Ни-гроша.

Как он это подумал, так и почувствовал, что сума стала горячей. Вскинул он суму на плечо и

поспешил из кабачка прочь. Уселся потом при дороге и наелся колбасой до отвала.

Однажды у большой дороги снова был кабачок, и Пэтер-Ни-гроша заглянул туда, чтобы дать отдых ногам. Парень он был веселый и завел с тамошними людьми приятную беседу. За долгий разговор чего не наслушаешься, вот Пэтер-Ни-гроша прослышал, что где-то там поблизости есть господский дом, где, как люди говорят, завелась нечистая сила, которая лишает жизни каждого, кто осмелится туда войти. По слухам, там уже немало народу приняло смерть. Сам помещик только и спасся живым и уехал за тридевять земель, сказав, что сюда больше не смеет вернуться, а усадьбу оставляет тому, кто силой или хитроумием изведет страшилище.

Пэтер-Ни-гроша как услышал про такое дело, так сразу отправился в эту усадьбу. Вошел в залу, зажег большие люстры. Потом, как у себя дома, уселся за стол и принялся читать книгу, что была у него с собой. Читает-почитывает, а сам думает, когда, интересно, гость пожалует.

Времени, однако, немного прошло. Скоро под потолком загрохотало, и прямо поперек книги, что читал Пэтер-Ни-гроша, свалилась челевечья рука. Но это его совсем не испугало. Ухватил Пэтер-Ни-гроша руку и спокойно выбросил ее за дверь.

Да если бы на том и кончилось. Вскоре свалилась вторая рука, потом ноги одна за другой, и все части тела таким же манером. Задали Пэтеру-Ни-гроша работенки, как их всех отволочь за дверь. Было уже около полуночи, когда дверь вдруг растворилась, и тот самый человек, которого Пэтер-Ни-гроша по кускам пошвырял за дверь, весь собрался вместе и живьем вошел в залу.

«Сейчас я тебя съем с костями и волосами».

«Да неужто так-таки и съешь?» — спрашивает Пэтер-Ни-гроша.

«Так-таки и съем всего целиком».

«Дурацкие, по-моему, у тебя шутки».

«Никаких шуток, след быть тебе сегодня у меня в брюхе».

«А тебе след быть у меня в сумишке, да, и дай-ка ему, молотки».

Через миг нечистика нигде не было видно, только из сумы раздавался страшный стук и визг. Наконец от его визга заболели у Пэтера-Ни-гроша уши, и вступил он со злым духом в переговоры, — просунул в мешок обрывок бумаги, на которой нечистый клятвенно пообещал сей же час оставить усадьбу, а прежде выдать Пэтеру-Ни-гроша все натащенное туда добро и вернуть всех похищенных слуг. Выпустил Пэтер-Ни-гроша вражьего духа снова на вольный воздух.

И исчез тот с быстротою молнии.

Как и было говорено, так Пэтер-Ни-гроша и получил и усадьбу и землю. Богатства теперь у него было достаточно, даже еще с лихвой. Потому всем арендаторам подарил он их хутора насовсем и без копейки денег, и потому и в дальних и в ближних краях говорили да и теперь говорят:

«Вот кто славный да лихой парень».

Перевела с эстонского Нина БАВИНА
Стихотворение перевел А. СОРИН

«Мексика — последняя магическая страна; магии и тайны полны ее древность и ее история, магии и тайны полны ее музыка и природа», — писал великий чилийский поэт, лауреат Нобелевской премии Пабло Неруда.

А там, где магия, — там, конечно, и поэзия. И один из самых удивительных магов современности — это мексиканский поэт Октавио Пас (р. 1914 г.). В конце прошлого года он удостоен Нобелевской премии.

Имя и творчество Октавио Паса в нашей стране известны гораздо меньше, чем, скажем, имя и поэзия Пабло Неруды. Отдельной книгой на русском языке Пас еще не издан...

Почему же так получилось?

Уже в 37-м году, после выхода сборника «Но пасаран!», имя Октавио Паса стало широко известным во всем мире. Этот сборник Паса посвящен Испан-

ской республике — в то время в Испании шла гражданская война. Казалось бы, антифашист-

ская поэзия Октавио Паса должна была прийти к советскому читателю... Но для поэта — как

и для многих писателей мира — Испанская война стала серьезным поводом для переоценки ценностей. Ведь кровь в Испании в те годы лилась по обе стороны фронта: и в лагере франкистов, и в лагере республиканцев. И действия коммунистов зачастую отличались от их высоких и благородных идеалов — как небо от земли. А все творчество поэта-гуманиста было направлено против любой тоталитарной системы, как бы она официально ни называлась...

В поэзии Октавио Паса — и проблемы актуально современные, и мотивы, связанные с мифологией древних индейцев, живших на территории нынешней Мексики. Так в его стихи приходят индейские божества — например, ацтекский бог дождя Тлалок. Но и эти мотивы приобретают современное звучание, наполняя его поэзию магией и тайной...

«СОЗДАМ СЛОВА-ДЕРЕВЬЯ И ПРЕДЛОЖЕНЬЯ-ЗВЕЗДЫ...»

Октавио ПАС

ПРИХОДИТ ПРИРОДА...

Каменной душевной ночью в мою городскую квартиру приходит природа.
На ее зеленых запястьях — браслеты из листьев, браслеты из птиц.
За руку реку приводит.
Корзину только что сорванных звезд приносит она.
Музыкой из безмолвия вырастает дерево.
Словами оно переполнено —
словами, что светятся, и созревают, и опадают.
И взмахи птичьих крыльев — повсюду.

ПИШУ ЗЕЛЕНЫМИ ЧЕРНИЛАМИ

Зелеными чернилами я сотворю сады, луга, леса, листву, в которой буквы запоют,
создам слова-деревья
и предложенья-звезды.

Пусть падают мои слова на белую бумагу,
как ливень листьев на заснеженное поле.
И, словно плющ,
бумажные листы покрыла зелень слов.
Ты звездами своих очей взгляни на небо —
в татуировке звезд зеленых.

БЕССОННИЦА

Грызет мое сердце
шорох часов —
мышка,
что не боится сов.

ТЛАЛОК

Промок
бог дождя Тлалок.
Вот бы и нам
он дождем помог...

Перевел с испанского В. АНДРЕЕВ

УШУ ИЛИ КУНФУ?

УШУ сегодня, несмотря на свою многоликость, имеет довольно четкие характеристики. То, чем, в основном, занимаются у нас в стране, это спортивные направления. Они носят ярко выраженный хореографический характер и имеют ряд программных элементов, обязательных для исполнения. Существует конкретная система оценок, принятая по аналогу с европейской гимнастикой, и требования, предъявляемые к спортсменам, обязывают их выступать в многоборье, включающем демонстрацию различных стилей УШУ (в том числе, и с оружием). Многие движения и элементы носят чисто декоративный характер и не несут в себе конкретной боевой нагрузки. В целом, это красивый спорт, помогающий всесторонне развиться личности. Он вплотную смыкается с оздоровительным и традиционным боевым направлениями. Здесь уже нужно говорить об огромном мире внутреннего содержания, об УШУ как о искусстве и целостной системе взглядов и обязательств: о школе.

Школа, в отличие от спортивного УШУ, не ограничивается изучением нескольких формальных комплексов. Она ведет искателя по жизни, как по Пути, предписывая ему свои каноны и давая свои права — права носителя имени школы и продолжателя ее традиций.

Клановые, семейные школы и по сей день очень ревностно хранят тайны своих стилей, лишь в исключительных случаях демонстрируя свое кунфу (гунфу, кунгфу), что и означает мастерство, досконально выполненную работу или совершенство.

В отрыве от конкретного смысла китайцу трудно понять, о чем идет речь, когда произносят слово «кунфу». Ведь свое кунфу есть и у гончара, и у плотника. Мастер — это не обязательно мастер воинского искусства. Поэтому в случае употребления слова «кунфу» следу-

ет добавлять конкретную школу, которая имеется в виду. В европейском же понятии, да и теперь у нас, кунфу — это таинственная китайская система самообороны, чем-то схожая с каратэ.

Хотим мы того или нет, но понятие кунфу уже прочно вошло в наш словарный обиход, значит, и противиться этому не нужно. Другое дело, четко представлять, что же несет в себе это загадочное слово «кунфу».

Ниже вам предлагаются основные виды атак руками, используемые в различных школах кунфу.

Общее исходное положение: глубокая центральная позиция (стойка «всадника»). Руки на взводе.

ПРЯМОЙ ВЫБРОС. Это модель прямой атаки. Выполняется в центральную линию противника на три уровня (голова, грудь, живот). В момент выброса ладонь напрягается и разворачивается пальцами вверх. (Фото 1.) Одновременно с возвращением руки после удара на исходную позицию в атаку аналогично выбрасывается другая рука (в случае отработки выброса левой и правой рукой поочередно).

ВЫБРОС ПО ВНЕШНЕЙ ДУГЕ. Это модель атаки по дуге. Выполняется ребром ладони по шее и ребрам. Атакующая рука заносится к плоскости одноименного плеча, другая рука движется ладонью вниз под поднятую руку. (Фото 2.) Затем атакующая рука, не опуская локтя, выбрасывается по дуге в цель. Ладонь напряжена, пальцы крепко сжаты и направлены вперед. (Фото 3.) Другая рука одновременно возвращается на взвод.

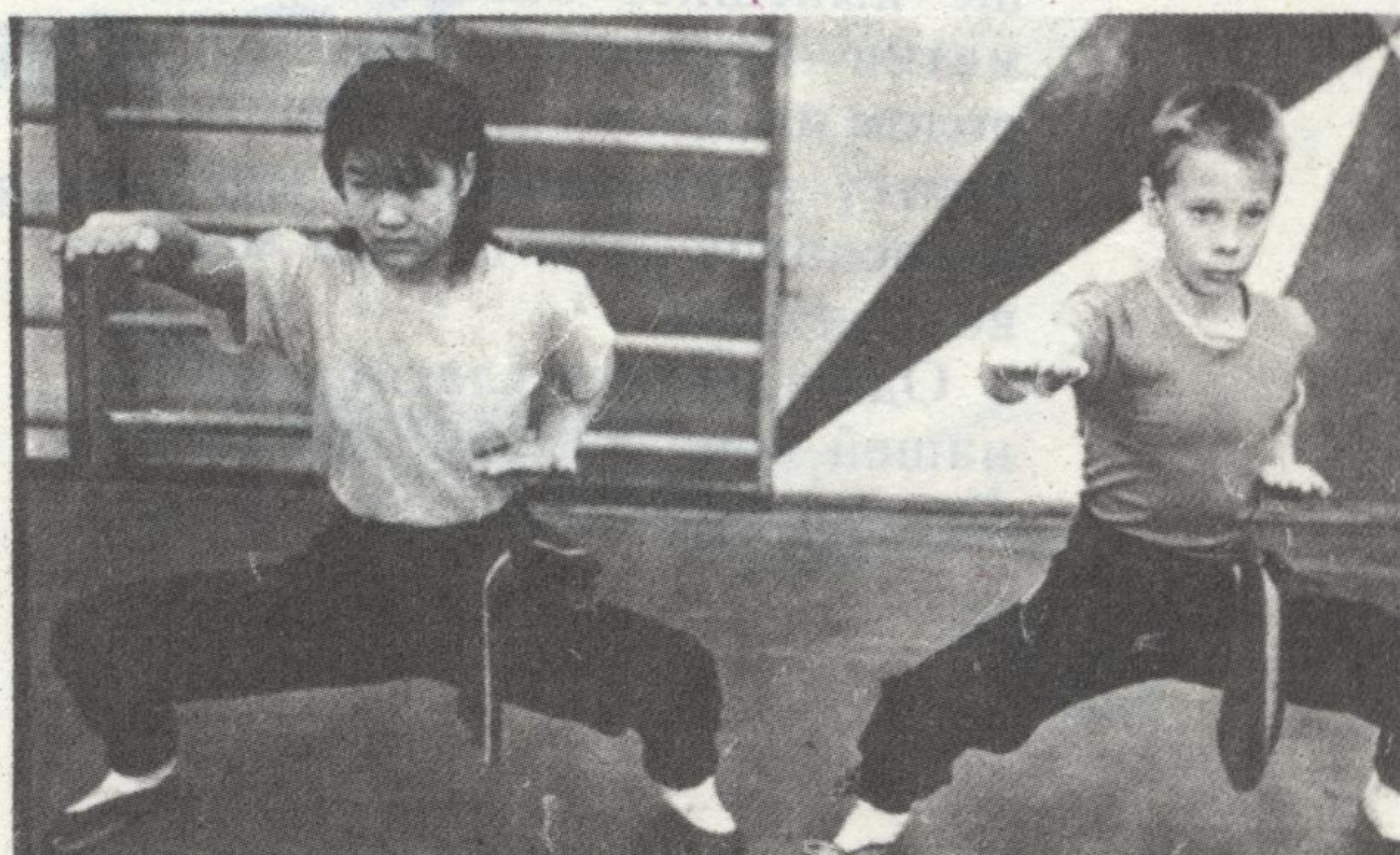
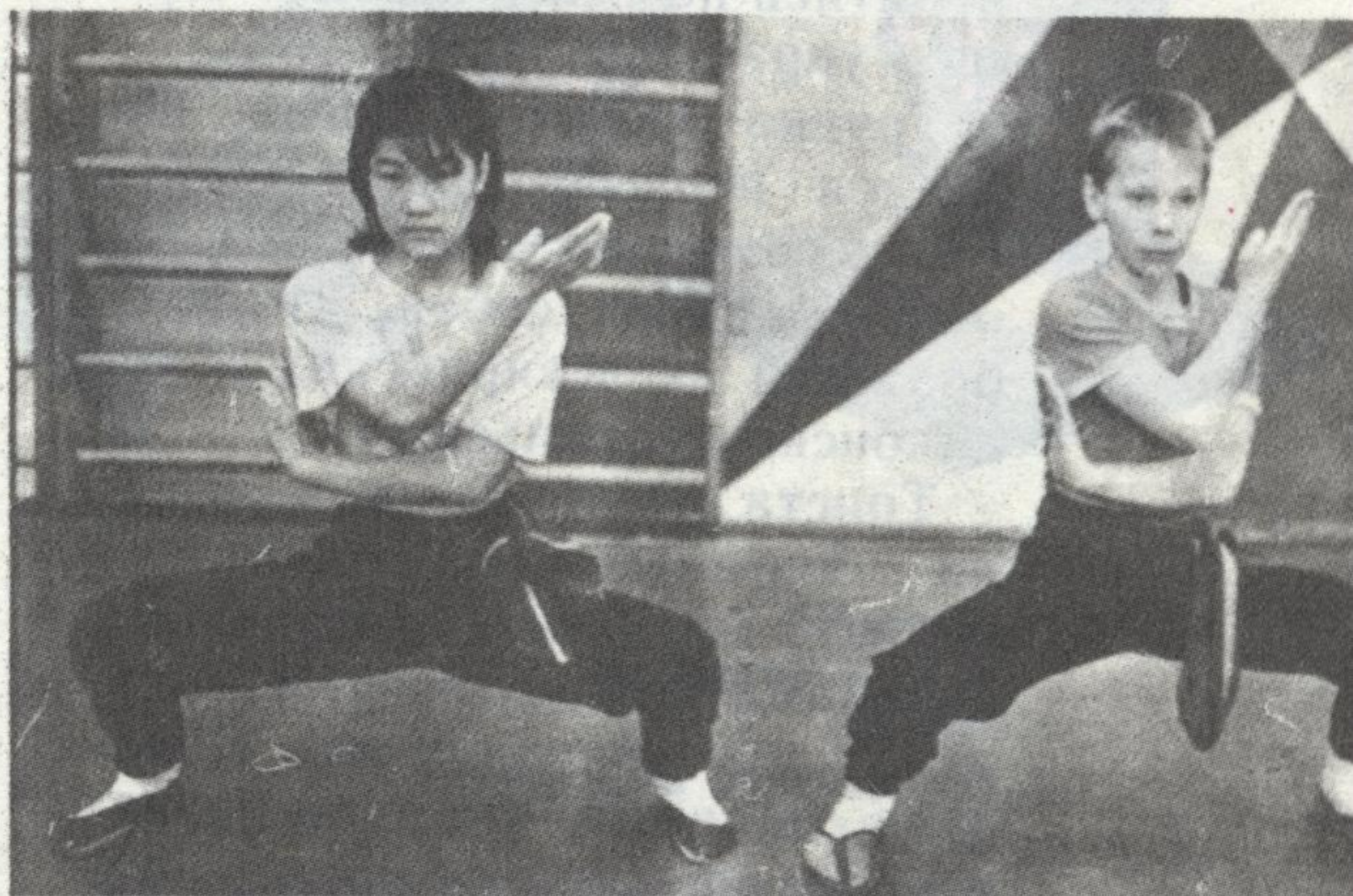
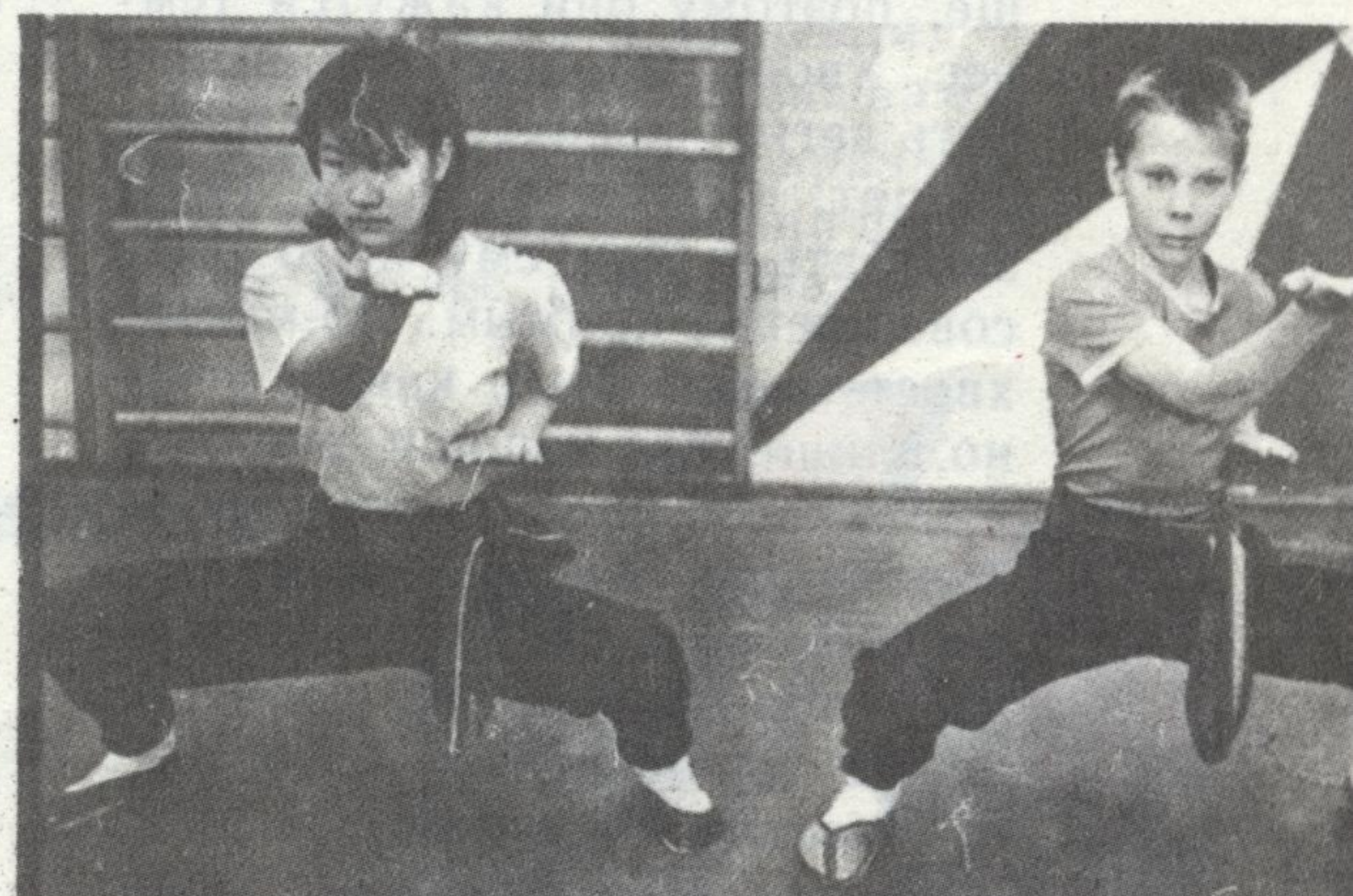
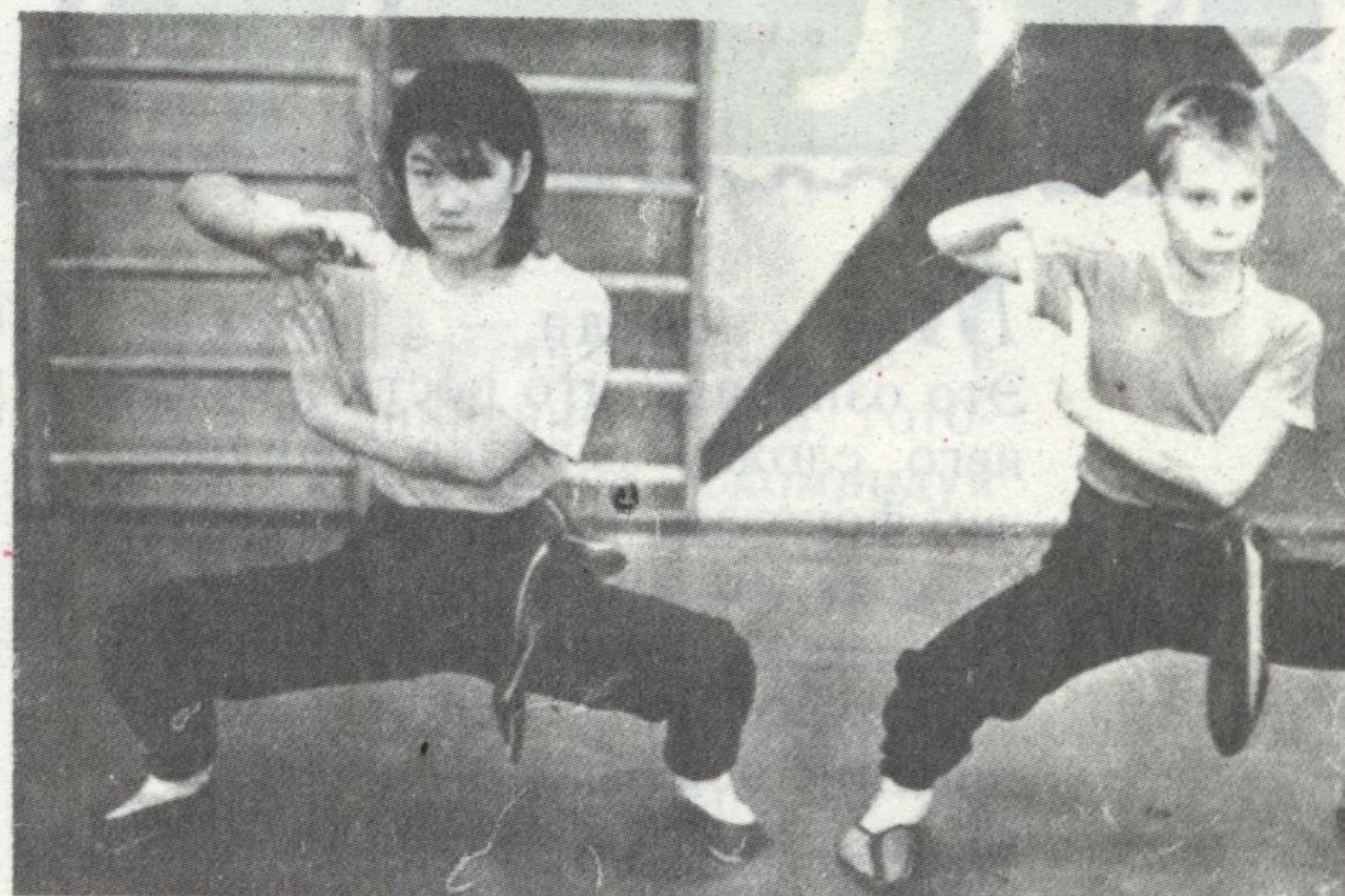
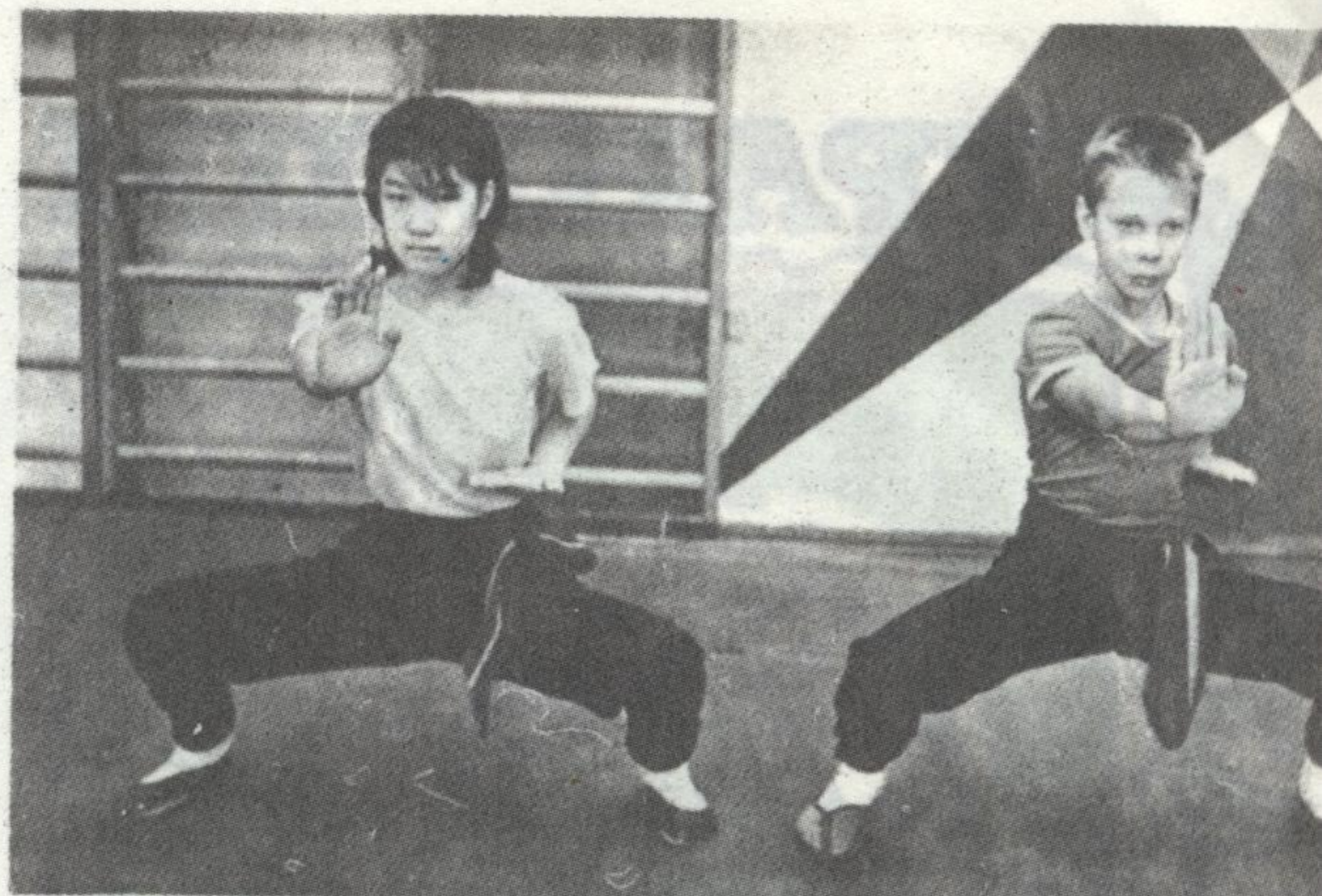
ВЫБРОС ПО ВНУТРЕННЕЙ ДУГЕ. Это модель атаки также по дуге. Атакующая рука начинает движение с подъема предплечья к противоположному плечу ладонью вверх. Другая рука в это время идет чуть вперед под локоть атакующей руки, разворачивая ладонь вниз. (Фото 4.) Затем атакующая рука выбрасывается по дуге в цель. Ладонь напряжена, пальцы крепко сжаты и направлены вперед. (Фото 5.)

Так же, как и в технике исполнения блока, дыхание четко разграничено: при подготовке удара вдох через нос, при исполнении атаки — выдох через рот.

А. А. ЛОГИНОВ,
президент отделения в СССР
Лондонской академии
воинских искусств Саймона Лау.

Фото В. Лозовского

Технику демонстрируют
Марина Шэгай и Виталий Соколов.

ТВОЙ ВЕРНЫЙ ДРУГ

«Твой верный друг» продолжает знакомить читателей с «Размышлениями о собачьем племени мистера Джонса, далматина», которые услышал и записал Т. Теплиц. Начало — в №№ 2, 4.

Автор, большой знаток собачьей природы, щедро делился своими наблюдениями, скромно умалчивая о себе. Хотя кто, как не он, лучше расскажет о своей породе. Познакомимся с мистером Джонсом поближе.

Из записок мистера Джонса

Моя порода — далматин. Это означает, что роста я среднего, сложен гораздо солиднее, чем фокстерьеры или шпицы, но статью все же меньше овчарок, не говоря уже о догах. Шерсть моя короткая и белая, ее равномерно покрывают черные пятнышки. Уши у меня мягкие, пятнышки на них расположены гуще, поэтому они кажутся темнее. Хвост сильный, длинный и чуть загнут кверху. Люди часто спорят, должен ли у нас хвост загибаться или ему надо быть совершенно прямым. По-моему, хвост может быть каким угодно, лишь бы хорошо носился. Радует, что нашу породу миновала мода коротко подрезать хвосты и уши. Подумать страшно, сколько других собачьих пород в поисках ложной элегантности поддалось этой моде. Наша шерсть, особенно если пройти по ней щеткой — лучшее украшение.

Трудно сказать, когда появился первый далматин. Но мы, несомненно, похожи на тех очень древних собак, что изображены на ассирийских и вавилонских барельефах.

Триста лет назад нас называли бенгальскими гончими — значит, мы были охотничьими собаками. А Бенгалия — это земля на полуострове Индостан, та самая, что дала название бенгальским огням. Но наше нынешнее название — далматин — говорит о том, что мы родом из Далмации — земли на берегу Адриатического моря, в Югославии. Так откуда мы? — вот загадка...

Одна легенда гласит, что псы нашей породы сопровождали в Далмации цыганские таборы,

кочевали с ними из города в город, из одной страны в другую. Точно никто не знает, откуда цыгане появились в Европе. Есть ученые, которые утверждают, что родина цыган — Индия. Можно предположить, что бенгальская гончая прибыла сюда вместе с цыганами и получила новое название — далматин. Эта легенда кажется мне похожей на правду.

Неизвестно, кто привез далматинов на Британские острова, но идея оказалась удачной. Когда-то Англия считалась собачьим раем. Англичане любят собак, разбираются в них, и многие собачьи породы были выведены именно в Англии. Правда, найти занятие для далматина — вот что оказалось непростым делом. Потому что все собачьи должности в Англии были уже разобраны. Доги сторожили дома, пойнтеры и фок-

стерьеры ходили на охоту, а борзые состязались в беге. И трудно было даже мечтать о том, чтобы составить конкуренцию этим признанным мастерам своего дела.

Далматины все-таки нашли себе занятие по душе. Они подружились с лошадьми. Впрочем, если верить легенде, что мы когда-то были цыганскими псами, то наше знакомство с лошадьми не было особенно новым, ведь и цыгане ездили в кибитках, запряженных лошадьми.

Мы обладаем прекрасным чутьем и зрительной памятью, а также даром ориентации в пространстве, и всегда сумеем вернуться домой. Поэтому далматины и стали в Англии проводниками конных упряжек. Они неслись впереди, показывая дорогу. А если экипаж был запряжен двумя лошадьми,

далматин бежал в одном ряду с ними, под разделяющим лошадей дышлом, и руководил всей упряжкой.

Позже американцы сделали далматинов проводниками пожарных карет. Как только начинался пожар, — а пожары тогда случались часто, — пожарные быстро запрягали ло-

шадей, а далматин становился впереди и, держа нос по ветру, приводил всех к горящему дому кратчайшей дорогой.

Далматин умеет и многое другое. Умеет, например, помогать слепым, переносить почту, в Америке из них сделали полицейских собак, во Франции научили разыскивать под зем-

лей трюфели, где-то еще выдрессировали для ловли крыс и даже для охоты... Но в конце концов решили, что далматин — пес исключительно для развлечения, пес для выставки. Всё чаще мы живем в городах, где изображаем из себя обычных комнатных собачек...

Пересказал с польского А. СПИЧКА

Собагья Школа Очень важная команда „Фу!“

С раннего возраста надо следить, чтобы щенок получал свою еду только из рук хозяина, ел из своей миски, а на прогулке ничего не подбирал с земли. Отучи щенка таскать еду со стола! Положи на край стола кусок лакомства и, делая вид, что не следишь за щенком, подожди. Как только щенок попытается схватить приманку, — дай резкую команду «Фу!» и шлепни щенка ладонью. Через несколько дней этот урок можно повторить. То же надо сделать,

если щенок подбирает что-то у помоек или на улице. Тут тоже пару раз спровоцируй щенка, держа его на поводке: сначала подпусти, а потом дай резкую команду «Фу!» и сильно одерни поводком. В дрессировке этот прием называется — прекращение нежелательных действий. И команда «Фу!» не должна отставать от этих действий. Если собака уже погналась за кошкой — твоя команда «Фу!» опоздала. Важно не пропустить момента, когда собака остано-

вилась, заметив кошку, и, в ответ на шипение кошки, готова броситься на нее. Скомандуй строгое «Фу!» и «Рядом!», и спокойно пройдите мимо. Потом похвали собаку. Со шkodливой собакой нужно не церемониться. Если пес, несмотря на запрет, стащил, например, туфлю и треплет ее, команду «Фу!» можно подкрепить шлепком.

Команда «Фу!» — очень важная команда, но нельзя кричать «Фу!» часто, иначе собака перестанет на нее реагировать.

Тренажер для кошки

«Мне предложили взять чудесного котеночка. Папа согласился, а мама — нет. Она говорит, что кошка будет обдирать обои и царапать мебель. Подскажите, как быть?»

Булыга Нина,
Минск

Кошки, действительно, оттачивают свои когти, «шлифуют» их. Делают они это не из проказливости, поэтому наказывать их бессмысленно. А чтобы кошки не портили обои и мебель в квартире, им надо помочь: соорудить «спортивные снаряды».

Доску для «шлифования»

когтей укрепи у стены, а высоты должно хватать, чтобы кошка могла встать на задние лапы и вытянуть передние. Доску можешь обтянуть грубой тканью, старым ковриком.

Можно сделать и специальный валик из дерева нетвердой породы на подставке. Этот «снаряд» поставь недалеко от того места, где кошка отдыхает или где ее туалет. Понравятся кошке и другие «чесальные» предметы: старая корзинка, коробочка, доска. Обычно кошки быстро привыкают к ним, используя по назначению. А мебель остается в сохранности.

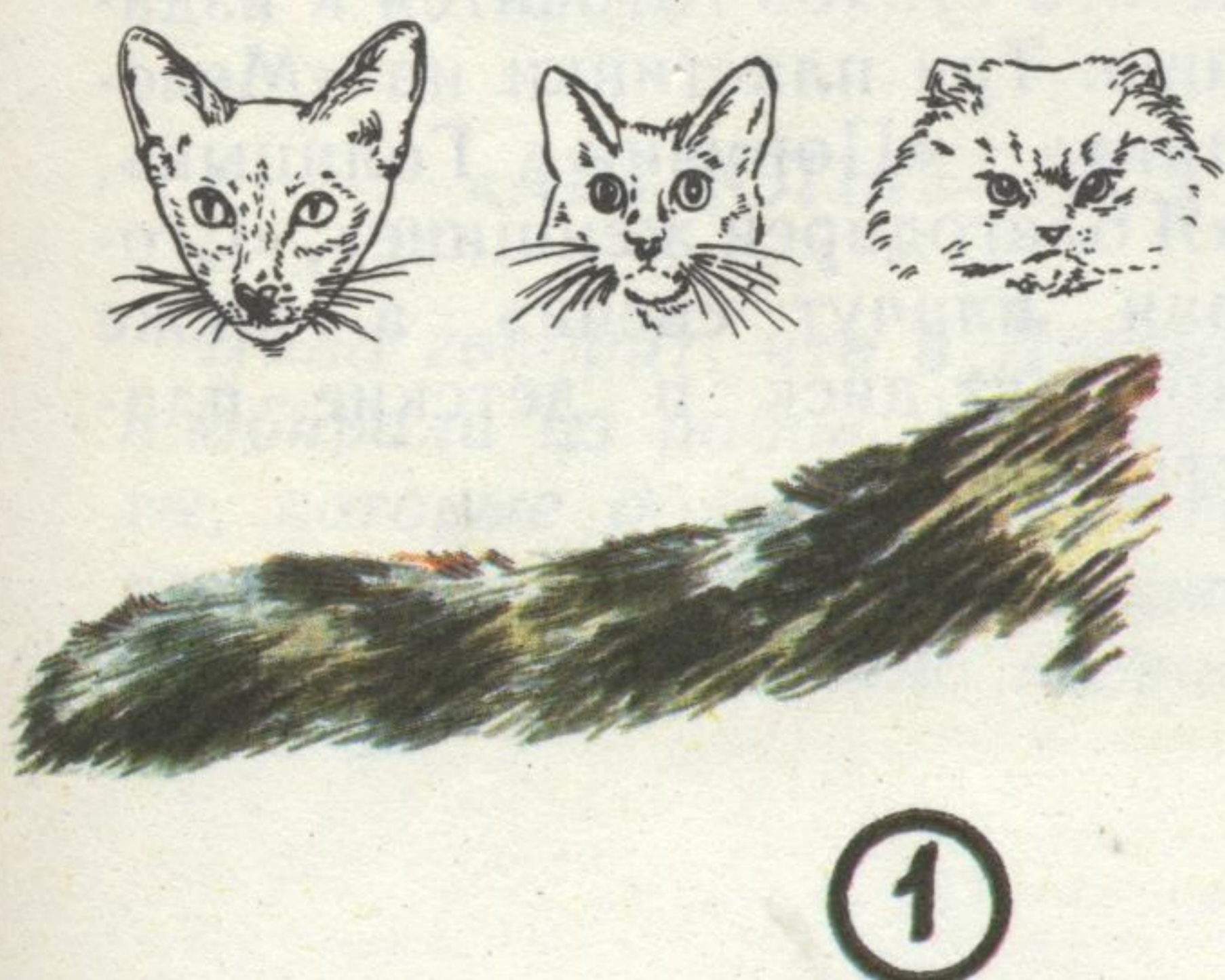
Ответ на
фотозагадку № 4:
пекинес

Материалы подготовила
Н. ИВАНОВА

Оформление Т. Панкевич

ГДЕ ЧЕЙ ХВОСТ?

Назови породы этих кошек и укажи, где чей хвост.

1

2

3

МУЗЫКАЛЬНЫЙ ПЕРЕКРЕСТОК

ПЕСНИ ВЕРНУЛИСЬ К АВТОРУ

«Мой папа иногда поет под гитару старинные песни и романсы. Однажды он спел песню «Поручик Голицын». Папа не знает, кто ее сочинил. Наверное, какой-нибудь белогвардеец. Мне эта песня очень запомнилась. Очень красивая мелодия и такие трагические стихи. А вы не знаете ее автора?»

Лена Морозова,
Сочи

Песня «Поручик Голицын» принадлежит Михаилу Звездинскому, поэту, певцу, композитору. Звездинский — это не псевдоним. Гвеждинский — так звучит эта фамилия польски, а Гвежда, в переводе на русский — звезда. А причем тут перевод с польского? Просто в 1861 году польский дворянин из Кракова переселился в Россию с семьей. Это были прадед и прабабушка Михаила Михайловича Звездинского.

— Михаил Михайлович, вы очень часто вспоминаете свою бабушку, но ни слова не говорите о родителях?

— К тому моменту, как я родился, март 1945 года, погиб мой отец, так что его я даже не видел. Мама работала в авиационном КБ с утра до вечера, деда еще в 1937-м расстреляли, и воспитывала меня одна бабушка. Она была выпускницей Смольного института, воспитана, как и полагалось дворянке, очень любила Россию, и все это она передала мне по наследству.

— А какие у вас были отношения с ребятами в школе?

— Меня всегда тянуло к ребятам, которые были старше меня этак лет на десять. За себя постоять я умел, с детства занимался боксом, каратэ, хорошо плавал, так что во взрослых компаниях был как рыба в воде. К тому же я умел играть на гитаре.

— А в классе вас уважали?

— Да, хотя я всегда был сам по себе, жил в выдуманном ми-

ре, но никогда не был «паинькой», парень как парень. Уроков почти не делал, все запоминал с ходу. Правда, из школы меня исключали четыре раза за поведение, мама всегда бегала, просила, и меня возвращали.

— Вы хотели бы вернуться в детство?

— Конечно. Но с сегодняшними мозгами.

— У вас есть дети?

— Сын, восьми лет. Его тоже воспитывает бабушка.

— Он тоже талантлив?

— Трудно сказать, надо подождать хотя бы пару лет и тогда... А так он очень здорово рисует, цвет подбирает. Может, будет художником.

— Не хотите, чтобы он был продолжателем семейной традиции — знаменитым?..

— Нет, нет, не надо.

— Не обидно ли вам, что ваши песни постоянно кто-то присваивает?

— Что же делать. Хотя уже начали возвращать мне авторство — Лобановский покался, и теперь к «Сгорая, плачут свечи» вернулся настоящий хозяин. Думаю, что и Малинин скоро образумится.

— Не думали вы уехать за рубеж?

— Дело в том, что Россия для меня не пустой звук. По-

этому — нет, хотя все советуют, обещают там хорошую жизнь.

— На ваших концертах были руководители страны?

— Нет, по-моему. Вот Губенко, министр культуры, и его заместитель бывали. Для меня не главное, кем ты работаешь — будь хорошим человеком, и все в порядке. Я хочу, чтобы на моих концертах люди отдыхали, окунулись во что-то чистое, доброе, забыли о своих горестях. Очень трогательно было, когда ребята из 10-го ленинградского детского дома после концерта подарили мне вазу и сказали «Спасибо!».

— А какую музыку вы сами слушаете?

— Джаз, хороший джаз и те мелодии, где есть элементы джаза.

— И напоследок, ваши творческие планы — гастроли, пластинки, может быть, книги?

— Гастроли по России. Затем Канада, Австрия, Америка. Книга стихов готовится к изданию. Три пластинки на «Мелодии»: «Поручик Голицын», «Я благодарен женщине», «Сгорая, плачут свечи», а также компакт-диск и детские пластинки.

Интервью взяла
М. НИКОЛАЕВА

ПО ВАШЕЙ ПРОСЬБЕ

Александр Серов

На сегодняшний день Александр Серов является одним из лидеров советской эстрады. Прекрасная внешность, хорошо поставленный голос и сравнительно молодой возраст сделали его популярным среди миллионов поклонников и, особенно, поклонниц.

Александр родом с Украины. Детство и юность прошли в городе Николаеве. Здесь же он поступил в музыкальное училище (класс кларнета), пел в хоре. После окончания училища — работа в различных филармониях Украины. Затем служба на Черноморском флоте, участие в художественной самодеятельности.

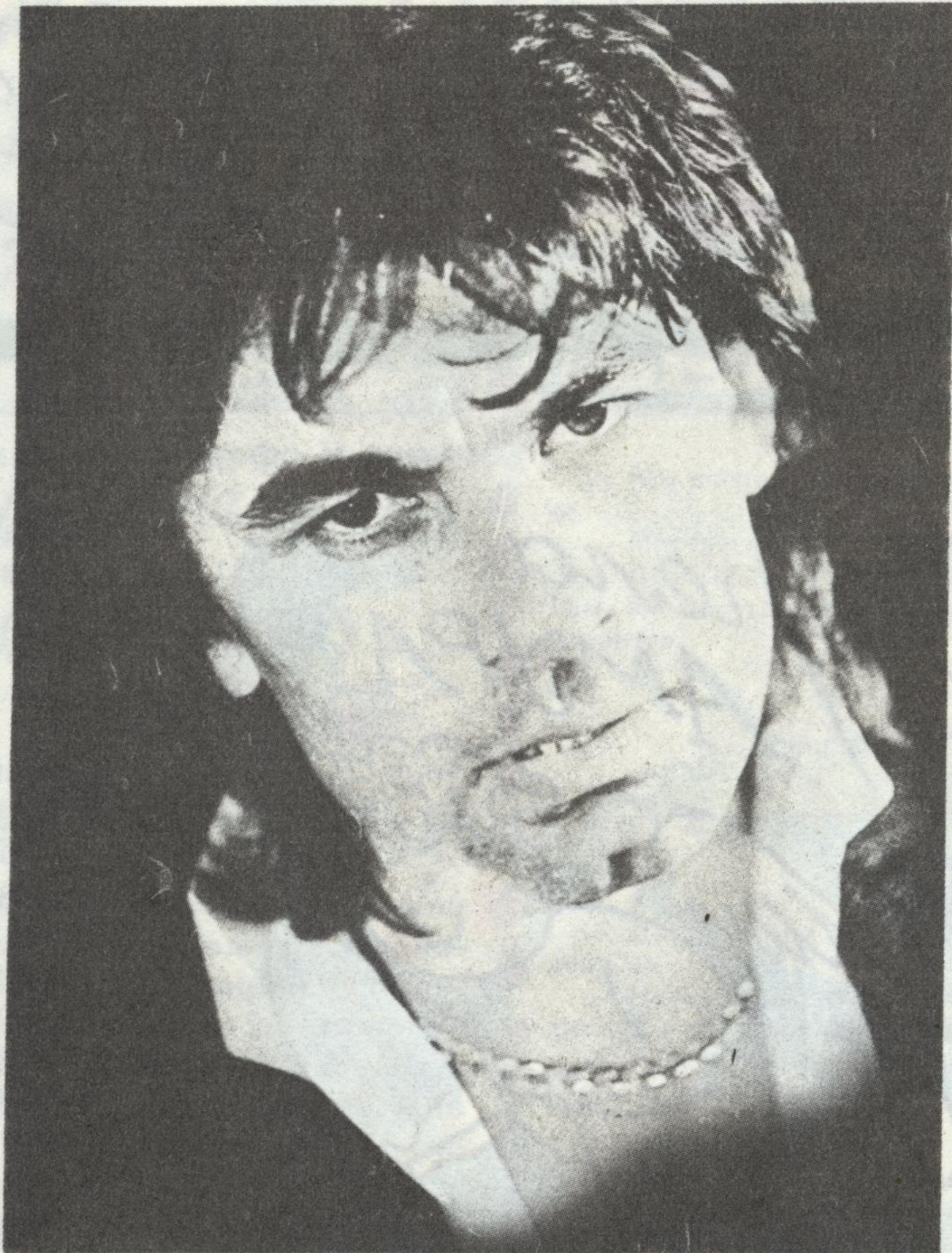
В конце 70-х Александр появляется в Москве, работая вокалистом в «Бизнес-клубе». Его партнеры — Лайма Вайкуле, Борис Моисеев и другие популярные артисты.

Благоприятным для Александра оказалось знакомство, а затем и творческий союз с поэтессой Риммой Казаковой и композитором Игорем Крутым. В 1985 году с песней «Вдохновение» Александр Се-

ров стал обладателем Гран-при международного фестиваля в Праге. А видеоклип «Мадонна», принесший Серову извест-

ность в Советском Союзе и за рубежом, популярен до сих пор.

А. АБЕЙДУЛИН,
Фото автора

Музыкальная поэма

«ВЫКЛЮЧИ ЭТУ ЕРУНДУ!»

Я почти всегда плачу, когда слушаю песни Юрочки Шатунова. А моим родителям Юрочка не нравится. Сегодня включаю я магнитофон с Юрочкиными песнями, а мама кричит: «Выключи эту ерунду! Зачем поменяла кассету?! У Малинина намного лучше песни, чем у этого Шатунова!» Я села на стул, слезы покатились у меня из глаз. А мама мне: «Чего воешь? Я тебе не по-русски, что ли, сказала? У Шатунова не песни, а чушь!»

Ну почему взрослые такие грубые?..

Света,
Хабаровский край

«АРТИСТЫ — ЭТО ШУТЫ...»

Папа говорит, что в Древней Греции артистов подбирали из рабов, так как артисты — это шуты, которые должны веселить нас. Мы думаем, что и сегодняшние популярные певцы — просто паяцы, которых можно наградить аплодисмента-

ми, ну, в лучшем случае, цветами. Но ни в коем случае слезами и визгами, как на концертах «Ласкового мая».

Оля и Вика Дмитрусенко,
Москва

УРОКИ ПОД МУЗЫКУ

Хочу найти ребят, которым нравятся группы «Маленький принц» и «Звезды». Я даже уроки делаю только под их записи. Обещаю, что отвечу всем, кто мне напишет.

Мой адрес: 613004, г. Петропавловск-Камчатский, ул. Рябиковская, д. 6, кв. 6, **Алене Сайгашиной.**

ОТВЕТЫ НА РОК-КРОССВОРД ЮЛИ МОЛОДЦОВОЙ, напечатанный в прошлом номере «Костра»:

По горизонтали:
3. Киселев. 4. Ивонна. 7. Ретро. 8. Каспарян. 11. Динамик.
12. Круиз. 13. Хавтан. 15. Козлов. 16. Земляне.

По вертикали:
1. Симона. 2. Автограф. 4. Игла. 5. Тонкилиди. 6. Макаревич. 9. Секрет. 10. Варшавский. 14. Намин. 15. Кино.

Весёлый

звонюк

Составил и оформил Л. Каминский

«Все-таки весна — это здорово, — думал шестиклассник Костя Букин, с портфелем в руках пересекая Летний сад. — Солнышко, листочки, статуи чистенькие...»

— Стой! — услышал он вдруг тоненький, но решительный голосок. — Стрелять буду!

Букин замер на месте. С ближайшего пьедестала, стоя на одной ноге, в него целился из лука курчавый мальчуган. Он был совершенно голый, но с крылышками.

«Амур! — мелькнула мысль. — Бог этой... ну... любви! Попадет — сразу влюбишься. Кошмар!»

— Пожалуйста, — робко попросил Букин. — Только не сейчас!

— А когда же? — удивился Амур. — Весна!

— Лучше бы летом, а? Через неделю у меня шахматный турнир...

— Ничего не выйдет, Букин, решение принято. На самом верху!

«Лучшая защита — это нападение», — вспомнил Букин и строго спросил:

— А на каком основании ты... вы собираетесь в меня выстрелить?

— Поступило заявление, — доверительно сообщил мальчуган. — Телепатическое. От Вероники!

— Какой Вероники? — забеспокоился Букин. — Сидоренко? Длинная, тощая?

Амур укоризненно покачал головой:

— Зачем же так? Она в полном порядке. К тому же учится без троек. На днях подумала: «Влюбился бы в меня кто-нибудь, что ли! Пусть даже этот лопухий Букин!» Вынужден отреагировать.

И Амур вновь направил лук на бедного Костю.

— Караул! — крикнул Букин, инстинктивно прикрывая грудь портфелем.

И внезапно услышал... голос географички Нины Петровны:

— Костя, что с тобой? Опустить портфель, встань и расскажи нам об Амуре.

— Амур... Амур... — растерянно пролепетал Букин, — это вроде Купидона... с крылышками...

Он обвел класс невидящими глазами и только тут до него дошло, какую он лепит чушь. Но было поздно. Класс завизжал от восторга, а противная Вероника Сидоренко завопила:

— Вы что, не видите? Да он же влюбился! Ха-ха-ха!

Букин хотел сказать ей, кто она такая, но посмотрел на ее конопатый вздернутый нос, рыжие, торчащие во все стороны волосы и... промолчал.

И по его спине побежали крупные мурашки.

Владимир ЛОМАНЬИ

Тро корову

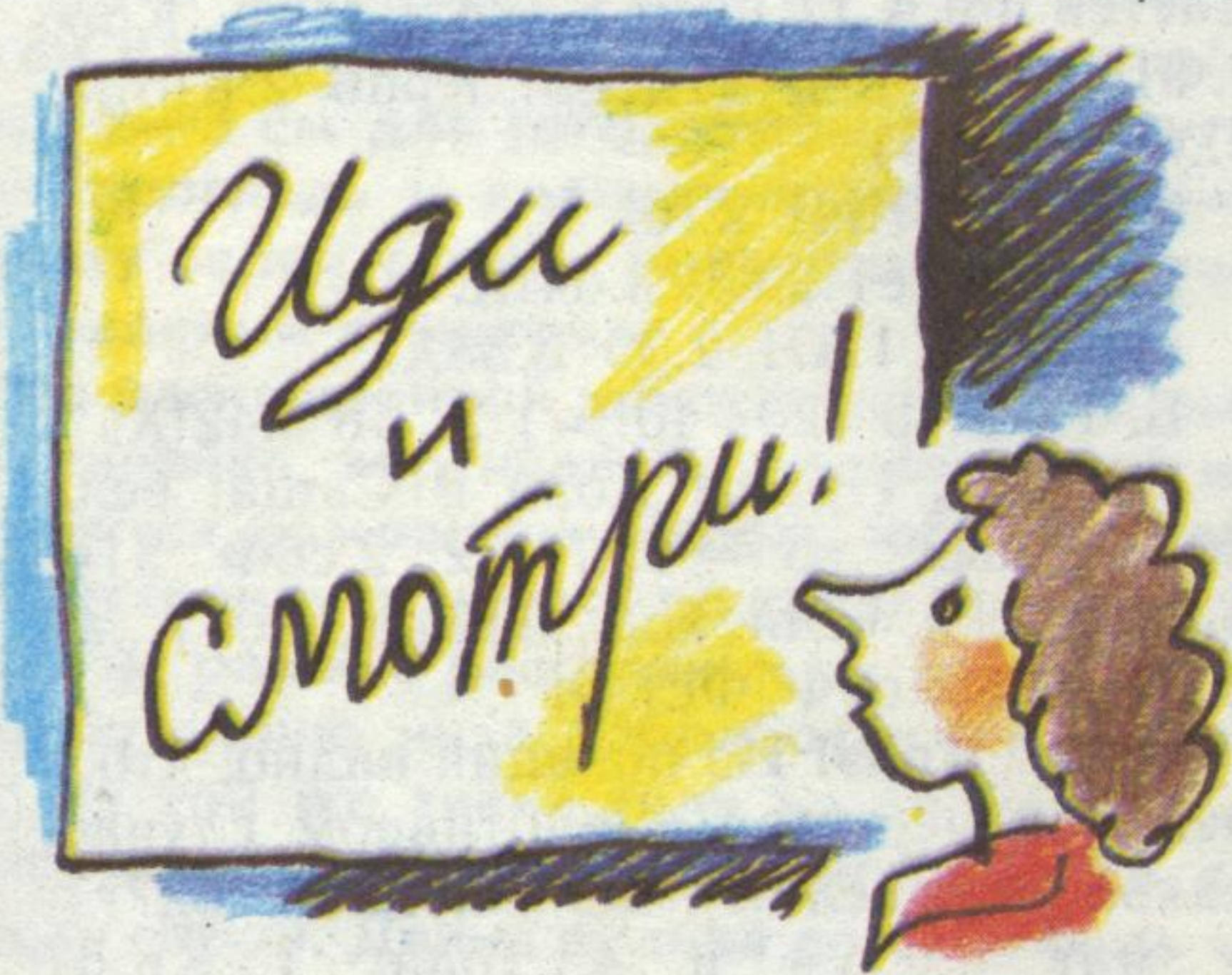
В лагере было свободное время. Все девочки пошли на лужайку собирать цветы.

Тут Аня как крикнет:

— Девочки, смотрите, какая толстая корова! Она, наверное, жеребеночка ждет!

И все засмеялись!

Люба Ежова,
7 класс,
Пермь

Когда все сидели за столом и обедали, Лена спросила свою старшую сестру:

— Нина, ты не знаешь, какой фильм идет в нашем Доме культуры?

— «Иди и смотри»,— ответила Нина.

— А как он называется?

— «Иди и смотри»,— повторила сестра.

— Тебе что, жалко сказать название фильма?!— рассердилась Лена.

— Я же тебе ответила: фильм называется «Иди и смотри!»

И все засмеялись!

Ната Юськевич,
Новый Уренгой

Удивительное растение

Вместе с вожатой мы пошли в поход в лес. Пели песни, веселились. Когда вышли на поляну, увидели много цветов.

Вожатая Люда сказала:

— Ребята, кто назовет мне растения, которые растут на этой поляне?

Раздались голоса:

— Ромашки, крапива, колокольчики...

— Консервная банка!— крикнул Вова, и все засмеялись!

Ленар Геннадиев,
4 класс,
Набережные Челны

Неудага

Шли занятия в танцевальном кружке. Мы репетировали танец «Ламбаду». Вдруг Ирина Владимировна заметила, что Галя стоит в сторонке и не танцует.

— Ты почему не танцуешь?— спросила руководительница кружка.

— А у меня не получается,— ответила Галя.

— Что не получается?

— Вращать ребрами!

И все засмеялись!

Лена Перепеч,
5 класс,
Якутск

— Мы вчера с мамой были в зоопарке.

— Интересно?

— Ага. Только крокодила не было. Там висела табличка: «Крокодил на ремонте».

— Давай купим этого — говорящего попугая

— Нельзя. Дедушка будет сердиться — он не выносит шума.

— А если он будет шуметь, мы нароем его платком!

— А я умею плавать стилем «кросс»!

— Это что еще за стиль?

— Он совмещает «кроль» и «брасс»!

— У моего папы вчера на работе взяли интервью.

— А обратно отдали?

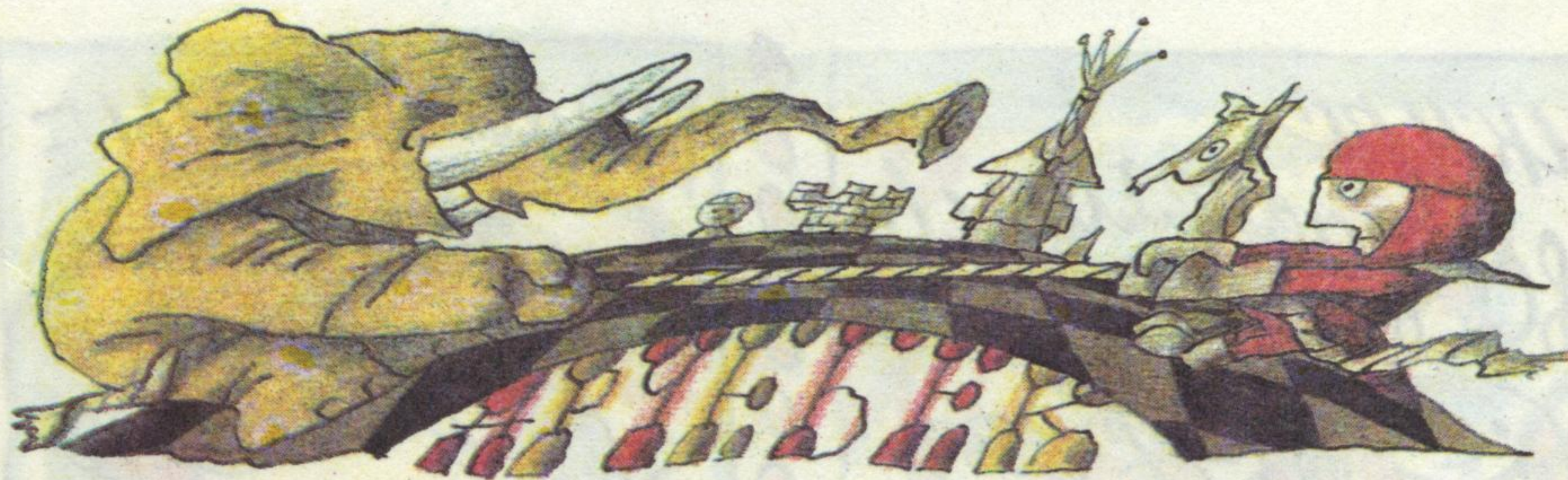

— Какая твоя любимая песня?

— «Девочка моя семиглазая»!

Прислали:
Оксана Кокорева
Тула,
Света Попова
Алтайский край,
Андрей Мочалин
Пенза,
Слава Варезкин
Иркутск,
Наташа Курпина
Кострома

ЧЕМПИОНАТ — 91

Что ожидает отважных разведчиков АРЧЕБЕКА в 6-м туре?

ШАХМАТЫ

А. Белые: Крг6, Лf6, Лh6; черные Крг1, пп.g2, g3, g4.

Б. Белые: Крс3, Се3, п.a4; черные: Крд5.

Цель разведки: в А (Юрий Селявкин, Воронеж) — доказать, что можно объявить мат в 7 ходов; в Б — доказать, что белым удастся выиграть.

РУССКИЕ ШАШКИ

А. Белые: a3, b2, f2, g1, h2, h4; черные: d6, f4, f6, g7, h6, h8.

Б. Белые: b2, b4, b6, f2, h4, h6; черные: b8, d4, d6, f8, g3, g7.

Цель разведки: и в А и в Б (Борис Шкиткин, Москва) — определить, могут ли белые одержать победу.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ШАШКИ

А. Белые: 17, 25, 26, 31, 32, 38, 41, 42, 50; черные: 6, 8, 9, 16, 23, 24, 29, 33, 40.

Б. Белые: 13, 20, 24, 30, 37, 41, 42, 43; черные: 4, 9, 21, 22, 23, 28, 29, 33.

Цель разведки: и в А и в Б (автор обеих проблем Алексей Панкратьев, Ленинград) — выявить, есть ли у белых пути к выигрышу.

ЗАДАНИЕ РЕЗЕРВУ

Расставь на доске фигуры так — белые: Кре4, Фh7, п.f7; черные: Креб. Как ты считаешь — могут здесь белые объявить мат в 2 хода? Если — нет, то почему? Если — да, то каким образом? Выполняй!

В КАФЕ «ПРОХОДНАЯ ПЕШКА»

Заходите, доблестные разведчики! Отведайте новое для многих из вас блюдо — этюд с изюминкой. Отведайте его вместе с пояснениями.

Этюд отличается от задачи тем, что в задании не назначается число ходов. И еще: решение не обязательно доводить до мата. Если, например, задание «Найти выигрыш», то можно, обеспечив белым достаточный для победы перевес, на этом остановиться. Итак, решаем этюд (см. диаграмму). Задание — «Выигрыш» (что означает, белые выигрывают).

Ясно, что первая цель белых провести пешку g или h в ферзи. Играем 1.Сb3+. Побьют ли черные слона? Нет, конечно. Почему — ты скажешь сам. Ответят же они 1...Кра3! Это лучший ответ, сейчас увидишь, в чем тут хитрость. 2.g8Ф. Вроде, все в порядке? Ферзя белые приобрели... Это так. Но у черных еще есть остроумная защита, и решатель обязан показать и ее, и то,

как белые ее преодолевают. Черные идут — 2...Фd4+ 3.Фg7 Фd8+ 4.Сg8 Фd4!! — вот эта обещанная изюминка! Неожиданно и красиво, правда? Теперь бить ферзя нельзя из-за пата, а если пойти, скажем, Сf7 или Се6, то 5... Фd8+ и затем опять Фd4. Что же делать? А это... скажи ты!

ОЧКИ! ПРИЗ!

Фигуры стоят так — белые: Кrb5, Фа4, Ле3, Се2, п.f3; черные: Кре1, п.f7. Каждый, кто покажет, как дается мат в три хода в этой задаче Вячеслава Антипова (Боровичи) получит 5 дополнительных очков в Чемпионате АРЧЕБЕКА, а трое (по жребию) и приз.

Писать на отдельной открытке с пометкой «Очки! Приз!».

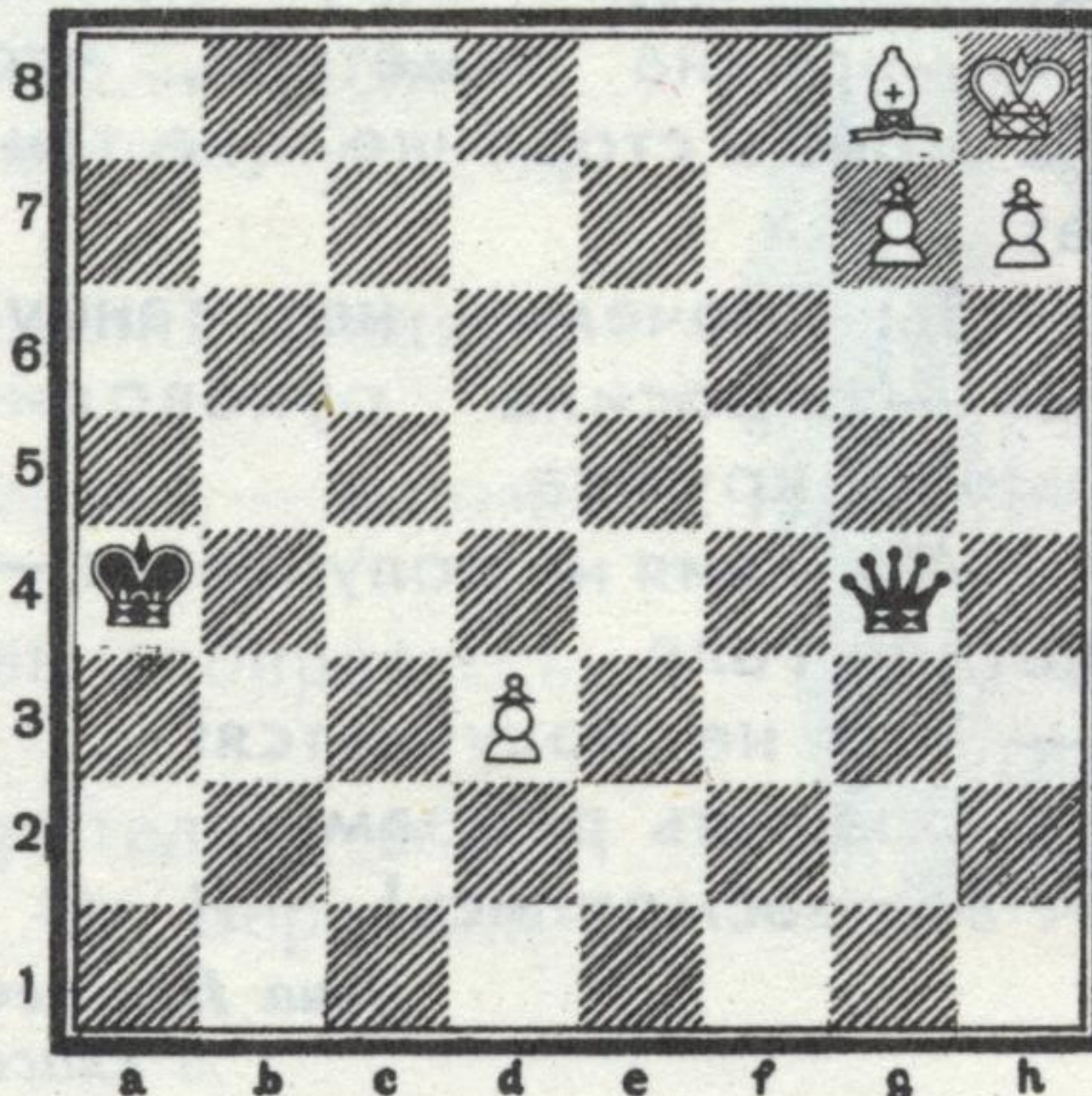
НАГРАДНОЙ ОТДЕЛ АРЧЕБЕКА

В конкурсе «Новогодний приз» («Костер» № 12, 1990 г.) награждаются разведчики (по жребию среди верно решивших) —

ШХМ. За № 1 — Юлия и Наташа Ютановы (Москва), за № 2 — Андрей Федосеев (Хабаровск), за № 3 — Женя Красюк (Челябинск), за № 4 — Лена Чайка (г. Николаев), за № 5 — Валентин Хохлов (пос. Грицовский), за №№ 1/5 — Юра Жданович (ст. Верейцы), Денис Потапенко (Краснодар), Олег Козадеров (с. Казинка).

РШ. За № 1 — Володя Чернобай (Гай), за № 2 — Сережа Ковальков (Рудня), за № 3 — Дима Кашин (Ярославль), за № 4 — Петя и Паша Чернышевы (Челябинск), за № 5 — Федя Тиль (с. Мамоновщина), за №№ 1/5 — Дима Панфилов (с. Емецк), Сережа Шамченко (Днепропетровский), Владислав Каташук (Лунинец).

МШ. За № 1 — Андрей Филонов (Каменск-Уральский), за № 2 — Игорь Бритиков (Ленинград), за № 3 — Коля Тартаковский (Ленинград), за №№ 1, 3 — Сережа Олейник (Москва), Лена Хацкевич (г. Борисов), Марина Конева (Свердловск).

Отличные донесения прислали и многие другие разведчики. Всем им шахмат-адмирал Ферзьбери объявляет благодарность!

А кто хочет узнать решения, принесшие награды?

ШХМ. № 1. 1.0—0—0!; № 2. 1.Фh1!; № 3. 1.Фe8!; № 4. 1.Кра8!; № 5. 1.e8Л! Кра3 2.Крс3; 1...Кrb1 2.Крс3; 1...Крс1 2.Лb8.

РШ. № 1. 1.gf2! 2.cd2X; № 2. 1.d6! 2.g5! 3.h6X; № 3. 1.e7! e5 2.hg5!X; № 4. 1.e5 cb4 (ab4 2.a3X) 2.d6! 3.a3X; № 5. 1.c5! d4 2.e7! d6 3.g5X.

МШ. № 1. 1.37! 2.28!X; № 2. 1.33! 38 2.37X; № 3. Тут белым не выиграть: 1.11 19! 2.20 6! 3.7 11! 4.16 23 — ничья.

БЫВАЕТ? БЫВАЕТ!

В 1910 году в Гамбурге намечался крупный международный турнир. Естественно, что оргкомитет согласовывал вопрос о том, кого пригласить, со знаменитым немецким гроссмейстером, претендентом на титул чемпиона мира Зигбертом Таррашом.

— Его?? — удивился Тарраш, когда была названа фамилия английского шахматиста Ейтса. — Ни в коем случае! Для такого турнира он еще не дорос! Слаб. Слишком слаб.

Все же Ейтса включили. И он, действительно, занял последнее место, сумев выиграть только одну партию. У Тарраша!

БЮРО САМОПРОВЕРКИ

Задачи в «Костре» № 4 решаются так.

Чемпионат. ШХМ. Мат в 3 хода дается и в А (1.Фс2! Крд4 2.b3; 1...Креб 2.Фf5+) и в Б (1.Kg3! Крд6 2.Kf5+; 1...f2 2.c4+).

РШ. А. 1.f4! 2.f6! X.

Б. 1.cb4! e1 2.e3! 3.d4!X.

МШ. А. 1.37! 2.39 3.38X.

Б. 1.4 2.15 (20? 40! =) 2...48 3.42!X.

Резерву. Правы Коля и Саша: если ход белых, то — 1.c7 a2 2.c8Ф a1Ф 3.Фh8+, а если ход черных, то 1...a2 2.c7 a1Ф 3.c8Ф Фс1+.

Очки! Приз! Из позиции видно, что в ней ход черных (в противном случае, какой был сделан ими последний ход??), и мат дается в 4 хода: 1...Кр:d7 2.c8Ф+! Кр:c8 3.Сb8! Кр:b8 4.Лс5; 1...Кр:d5 2.c8Ф Креб 3.Лd8+ Крf7 4.Фg4. Призеры будут названы в «Костре» № 10.

ПРИКАЗ № 6

Я, главнокомандующий АРЧЕБЕКОМ, приказываю:

§1. Всем арчебековцам отправить рапорты до 15 сентября.

§2. За чемпионат Арчебека 1990 года наградить призом и дипломом:

(ШХМ) — Костю Егорова (Владикавказ) — 210 очков, Андрея Комарова (Новосибирск) — 200, Сережу Ковалева (Городец) — 195, Спартака Кононова (с/х «Красногвардеец») — 195; (РШ) — Костю Шуклина (Курган-Тюбе) — 155, Георгия Стрельникова (Актюбинск) — 150; (МШ) — Диму Жилко (Лунинец) — 205, Мишу Куликова (Тула) — 175.

Шахмат-адмирал Ферзьбери.

Здравствуй!
Если бы лета не было, его стоило бы выдумать, верно? Но, к счастью, выдумывать не надо — вот оно, само тут как тут! Благодать!
Долой школьную форму — пусть полежит в шкафу до сентября. Будем носить то, что хочется носить под солнцем — легкое мини: мини-юбку и мини-маечку.

И сошьем все это быстро — за один, ну, максимум, за два вечера. Не пугайся, что придется много чертить — выкройки очень простые. Увеличивая их, учти, что сторона клетки — 2 см. Можешь сама расчертить сетку, но лучше воспользоваться миллиметровой.

Если размер одежды у тебя 44, а твой рост 164 см, то наша выкройка должна быть в самый раз. Ее можно использовать и для 42-го и для 46-го размеров: в первом случае крои без припусков на швы, а во втором — увеличь их по всему контуру до 4 см (обычные припуски — 2 см).

На маечку тебе понадобится 70 см ткани, на юбку — примерно 120 (при ширине 110 см). Из легких тканей годится практически любая, кроме очень тонкой и прозрачной. С пестрой юбкой хорошо будет смотреться однотонная маечка подходящего цвета. Можно использовать и что-нибудь старое из летнего гардероба. Например, преврати в маечку блузку, из которой ты выросла. Но придется с ней немного повозиться: осторожно распорить по всем швам, постирать и отгладить, только после этого можно кроить. Если блузка была со сквозной застежкой, то на маечке придется сделать один средний шов, лучше если он будет на спине.

Детали выкройки разложи на ткани и обведи по контуру. Сделай припуски на швы везде, кроме низа юбки (его обрабатываем руликом). Сметай юбку и майку, примерь. Если все хорошо, можно приступать к шитью.

Начнем с юбки. Застрочи боковые швы, обметай (особенно это важно, если ткань сыпучая, например, шелк) и заутюжь на переднюю половинку. Пояс размером 80×6 см сострочи по коротким срезам и разутюжь шов в разные стороны. Сложив пояс с юбкой лицевыми сторонами, пристрочи его. Шов разутюжь. Перегни пояс пополам. Подогни 1 см, потом настрочи на изнаночную сторону юбки, оставив свободными 2—3 см для того, чтобы продернуть резинку. Готовый пояс прогладь и вдень широкую резинку (длинной, равной обхвату твоей талии). Незастроченный участок зашей на руках мелкими стежками.

Низ расклешенной юбки лучше всего выравнивать по длинной линейке, вертикально поставленной на пол. Но тебе понадобится помощник. Надень юбку на себя и попроси маму или сестренку отмечать по краю ткани, через каждые 1—2 см, точки на равном расстоянии от пола. Соединив их, получишь ровную линию низа. Обрабатываем ее руликом. Делается это так. Из той же ткани (или из ткани для маечки) выкрой по косой несколько полосок шириной 3,5 см и стачай их все между собой. Длина рулика должна быть такой, чтобы ее хватило ровно на всю линию низа. Сложи рулик вдоль пополам, изнанкой внутрь, хорошо проутюжь, уравнив срезы. Приметай сложенный вдвое рулик к низу юбки с изнанки — срезами к срезу. Пристрочи шириной шва 0,5 см. Отгни рулик на лицо и снова пристрочи как можно ближе к сгибу. Все швы хорошо прогладь. Юбка готова!

Теперь займемся маечкой. Сначала обрабатываем верх спинки: перегни срез по намеченной линии на изнанку. Подогнув 1 см, прострочи. У тебя должна получиться кулилка. Продень в нее резинку длиной 30 см, закрепи концы строчкой у боковых швов.

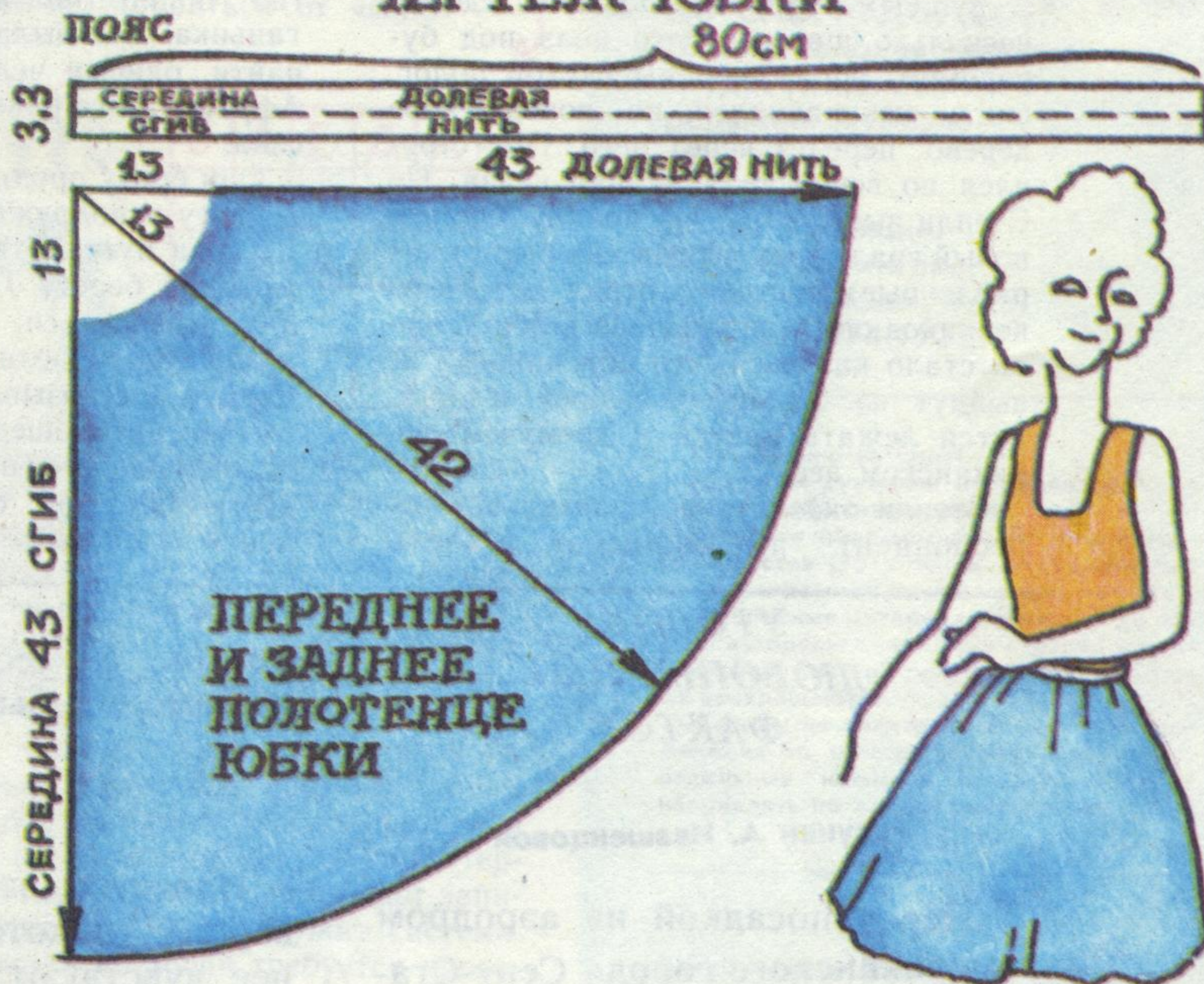
Выкрой для завязок четыре полоски 35×5 см. Сложив их по две, изнанкой внутрь, пристрочи с обеих сторон к передней половинке маечки: все запасы швов в готовом виде должны оказаться внутри, между полосками. Обработай руликом горловину, завязки и проймы маечки. Ты уже знаешь, как это делается. Сострочи боковые швы, обметай их и загладь на переднюю половинку. Сделай по запасам шва закрепи под проймами, в том месте, где рулик (то есть проложи коротенькую, 6-7 стежков, машинную строчку туда-сюда дважды). Низ маечки прострочи на машине, два раза подогнув по 1 см (ширина шва — 0,5—0,7 см). Отгладь маечку. Все! Наш мини-наряд готов совершенно!

ЧЕРТЕЖ БЛУЗКИ-МАЕЧКИ

□ - 2 см

ЧЕРТЕЖ ЮБКИ

Ты заметила, как часто нам сегодня был нужен утюг? Ничего удивительного — он необходим портнихе почти так же, как иголка с ниткой. Тщательное отглаживание швов важно ничуть не меньше, чем ровная строчка.

Чтобы утюг всегда был «в форме» и не подводил тебя — не прилипал к ткани, не сминал ее в гармошку, уделяй ему немного внимания. Время от времени, перед тем, как гладить, поводи слегка нагретым утюгом по соли, насыпанной на лист бумаги. Если на утюге появился желто-коричневый налет от расплавленной синтетики или подпаленных шерстинок, протри его кусочком ваты, смоченной в уксусе или в смеси уксуса и нашатырного спирта. Утюг при этом должен быть, естественно, холодным, а ты — очень осторожной, потому что и уксус и нашатырь жидкости едкие.

Когда гладишь, старайся водить утюгом в одном направлении, не поворачивай его резко в разные стороны — от этого перекручивается и быстро портится шнур. Закончив глажение, не торопись сразу убрать утюг — дай ему полностью остыть и не забудь обмотать шнур вокруг ручки.

Вот и все на сегодня. Мы встретимся, как обычно, через месяц и поговорим о лечебной косметике. Пока!

Стенли спрыгнул с высокой коряги на ствол поваленного дерева. Шагов сто прошел по шершавой коре, путаясь в буйных побегах растений, обвинивших «великана». Дерево уходило вверх. Очувшись на шестиметровой высоте, путешественник свернул на боковую ветку, по ней сполз на землю. В душных сумеречных дебрях сделал несколько шагов, долго полз под буреломом, образовавшим глухой полог, опять вскарабкался на поверженное дерево, перелез через него. Пот струился по всему телу, щипал глаза. Но Стенли вывел отряд на поляну. Однако новый град стрел (среди них были и отравленные) заставил отряд путешественников опять углубиться в лес. Стенли стало казаться, что они никогда не выйдут из страшных дебрей и останутся лежать навеки в дремучем африканском лесу...

Стенли оказался в Африке как корреспондент американской газеты

«Нью-Йорк геральд». В погоне за подписчиками и увеличением доходов издателя отправили журналистов на поиски Ливингстона, от которого не было известий около трех лет...

Скупые сведения, собранные в пути, слухи, расспросы местных племен и... везение навели на след. Стенли встретил Ливингстона на берегу озера Танганьика. Это была грандиозная удача: найти одного человека в громадной Африке — все равно что иголку в стоге сена.

Они сразу прониклись доверием друг к другу и подружились.

...Два путешественника сидели в хижине на берегу Танганьики и не могли наговориться. За стенами шумели волны и звенели ночные насекомые. Стенли рассказывал Ливингстону о событиях, произошедших в мире за три года, а Ливингстон поверял своему новому другу замыслы, открытия, догадки и мечты — открыть истоки Нила.

УГОЛОК ЛЮБОПЫТНЫХ ФАКТОВ

Рисунки А. Ивашенцовой

Перед посадкой на аэродром американского города Сент-Огастин пилот обнаружил, что у самолета неисправно одно колесо. Ремонтная служба аэродрома придумала немислимый трюк: самолет несколько раз пролетал низко-низко над посадочной полосой, а под ним с той же скоростью мчался грузовик, в кузове которого стояли с клю-

чами рабочие. Колесо было поставлено на место, закреплено — и самолет был спасен!

Известно, что зайцы, фазаны, вороны, некоторые рыбы заранее чувствуют землетрясение и беспокойно мечутся, как бы говоря — будет беда! Японские ученые решили призвать этих животных на помощь и собрали их в специальном зоопарке. Увы! В клетках умные твари почувствовали себя в безопасности и... предсказывать землетрясение перестали.

У входа в один из парков в США повесили зеркало, а под ним подпись: «Посмотри в зеркало! Ты увидишь в нем самое вредное создание на земле — человека. Он уничтожает то, что не создал сам — реки, леса, зверей, птиц».

Они пробыли вместе четыре месяца. Исследовали берега озера Танганьика. Расстались с грустью и сожалением. Стенли отправлялся в Европу — ведь цель путешествия была достигнута, он нашел Ливингстона и мог написать об этом.

Через год, в 1873 году, пришло известие, что Ливингстон умер, так и не окончив своих исследований.

И тогда Стенли решил продолжить их: разгадать тайну истоков Нила, что со времен Геродота было неразрешимой загадкой.

Снова Африка. Палящий зной. Утомительные переходы. Манящие прохладой спокойные воды, кишасшие крокодилами. Периоды дождей, превращающие равнины в непроходимые болота. Лихорадка. Ревущие бегемоты по берегам озер. Антилопы и буйволы в зарослях дикой травы...

Еще дважды пересек Африку Стенли: в 1873—77 годах — с востока на запад, проследив все течение Конго, исследуя весь бассейн реки. В 1887—89 годах с запада на восток. Он проник в тайны Великих африканских озер: нанес на карту и описал озеро Виктория, открыл озеро Эдуарда, установил его связь с Нилом. Исследовал горный массив Рувензори, организовал первое восхождение на одну из вершин. Позднее высочайшая вершина была названа горой Стенли (5119 м).

О своих путешествиях, приключениях, скитаниях он написал много статей и книг. И одной из лучших остается и по сей день его книга «Как я отыскал Ливингстона».

О. СТРЕЛКОВА
Рисунки В. Шаронова

Рисунок-загадку смотри на 4-й стр. обл.

Служащие парка говорят, что теперь посетители ведут себя в парке очень аккуратно.

На знаменитом острове Кокос в Тихом океане, где якобы были зарыты в прошлые века бесчисленные клады, непрерывно трудятся искатели сокровищ. За тридцать лет они нашли... тридцать три монеты, при проверке оказалось: все они потеряны такими же неудачниками, как они сами.

ТЕПЛЫМ СВЕТЛЫМ ЛЕТНИМ ВЕЧЕРОМ

Теплым светлым летним вечером мы прогуливались по оживленной набережной Невы. Солнце катилось за Петропавловский шпиль.

— Красота-то какая! «Невы державное течение...»

— Река равнинная, бассейна Балтийского моря, длина семьдесят четыре километра, средний расход воды в устье две с половиной тысячи кубометров в секунду, — тут же заметил Громыхалов, любящий, как известно, точность.

— Вот, кстати, — продолжил он. — Такая задачка. Требуется назвать европейское государство, чьи водные ресурсы относятся к бассейнам четырех морей.

— Ну, Нева, — река, как вы сказали, — бассейна Балтийского моря, — сразу ответили мы. — Дон — Азовского моря, Северная Двина — Белого, а Волга — Каспийского. Все просто: это СССР.

— Это не СССР, — остановил нас Географ Географыч. — Я не успел сказать, что это государство совсем не имеет выхода к морю. Так вот пусть знатоки назовут сухопутную страну и ее реки, чьи воды текут по четырем разным адресам.

**ОТВЕТЫ
НА
ЗАДАНИЯ,** **ОПУБЛИКОВАННЫЕ** **В** **№5**

Конкурс кроссвордов.

По горизонтали: 1. Класс. 7. Осака. 10. Пастернак. 11. Барто. 13. Радио. 15. «Аврора». 16. Мишура. 17. Лот. 19. Ген. 21. Огарков. 24. Охра. 25. Диод. 26. Стяг. 27. Азот. 28. Лен. 29. Пья. 30. Сноп. 33. Брак. 34. Ожог. 36. Бюро. 37. Кипарис. 39. Сто. 41. Бор. 44. Попона. 45. Ворона. 46. Икона. 48. Лассо. 49. Растрелли. 50. Отара. 51. Дрель.

По вертикали: 1. Кобра. 2. Аврал. 3. Спорт. 4. Острога. 5. Век. 6. Антипод. 7. Округ. 8. Алдан. 9. Атолл. 12. Творог. 14. Аренда. 18. Трос. 20. Антенна. 21. «Орленок». 22. Вильнюс. 23. Словарь. 31. Понтон. 32. Глаз. 33. Борона. 35. Гимнаст. 36. Бинокль. 38. Трико. 39. Спора. 40. Опара. 41. Болид. 42. Распе. 43. Кровь. 47. Бра.

Рисунки Л. Московского

ЗА СЕМЬЮ ПЕЧАТАМИ

С	О	Л	О
Б	А	Я	Н

«СОЛО»
ДЛЯ
«БАЯНА»

Андрей Тюрин из поселка Коренево Курской области предлагает, заменяя буквы по одной, добраться от «соло» до «баяна».

КОНКУРС

КРОСВОРД
?

В	Л	Е	Д	А
Л	А	Д		

Необычное задание прислала Лена Ищенко из Омска. Игра называется сквэрворд. Задача состоит в том, чтобы заполнить пустые клеточки буквами из числа уже имеющихся в квадрате так, чтобы ни в горизонтальных, ни в вертикальных рядах, ни в диагоналях не было двух одинаковых букв, то есть каждая буква встречалась бы по одному разу. Вот еще что пишет Лена: если вы будете решать сквэрворд наугад, методом подбора, то ваше терпение иссякнет раньше, чем будет записана последняя буква. Нужна система. Для каждой клеточки требуется провести четкий логический анализ. Если в нее возможно вписать только одну букву — вписывайте. Если две и более — переходите к другой клетке. И так до конца.

Главный редактор
О. А. ЦАКУНОВ

Редакционная
коллегия:
В. М. ВЕРХОВСКИЙ
(отв. секретарь)
О. П. ОРЛОВ
Р. П. ПОГОДИН
Е. В. СЕРОВА
Н. И. СЛАДКОВ
Н. Т. ФЕДОРОВ
Н. Б. ХАРЛАМПИЕВ
(зам. гл. редактора)
Г. М. ЧЕРНЯКОВА

Художник-редактор
В. И. ЦИКОТА
Технический редактор
В. И. МЕЦАТУНОВА
Корректор
Н. Ю. ЧУПРОВА

УЧРЕДИТЕЛИ:
ЦК ВЛКСМ
ЦС СПО (ФДО) СССР
ИПО «Молодая гвардия»
Трудовой коллектив
редакции журнала
«Костер»

Адрес редакции:
193024, Ленинград,
ул. Мытнинская, 1/20,
телефон: 274-15-72.

К сведению авторов!
Редакция рукописи не рецензирует, а только сообщает решение.
Рукописи объемом свыше трех авторских листов (70 страниц машинописного текста) к рассмотрению не принимаются.
Рукописные материалы объемом до одного авторского листа (25 страниц машинописного текста), рисунки и фотографии не возвращаются.
Жалобы на полиграфический брак, замечания по типографскому исполнению отдельных номеров журнала следует направлять по адресу типографии.

Сдано в набор 06.02.91.

Подписано в печать 12.04.91

Формат 60×90¹/₈.

Печать офсетная.

Бумага офсетная.

Печ. л. 6.

Усл. печ. л. 6.

Усл. кр.-отт. 22.

Уч.-изд. л. 8,3

Тираж 800 000 экз.

Заказ № 5873.

Цена 60 к.

Текстовые диапозитивы, иллюстрации изготовлены на Ленинградской фабрике офсетной печати № 1 Госкомиздата СССР. Отпечатано на полиграфкомбинате ЦК ЛКСМУ (МДС) «Молодь». Зак. 1-164. Адрес полиграфкомбината: 252119, Киев-119, Пархоменко, 38-44.

Поправка: рисунок на обложке журнала «Костер» № 3 Р. Доминова

63а ч

ПО СЛЕДАМ ЛИВИНГСТОНА

НА ЧЕМ МОГ ДОБРАТЬСЯ СТЕНЛИ
ДО АФРИКИ?